

61:04-7/1064

Министерство образования и науки Российской Федерации
Владимирский государственный педагогический университет.

На правах рукописи.

Сысоева Елена Анатольевна

**Сахалин и Курильские острова в русско-японских отношениях
1855 - 1875 гг.
(от Симодского трактата до Петербургского договора.)**

Специальность 07.00.03 - Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени кандидат исторических наук

**Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Макеев Дмитрий Алексеевич**

Владимир - 2004

Содержание.

Введение.	3
-----------------------	----------

Глава I. Первые официальные контакты России и Японии.

§ 1. Япония в дальневосточной политике России.	48
§ 2. Российское посольство Е.В. Путятиня в Японию.	58
§ 3. Русско-японские переговоры в Нагасаки.	67
§ 4. Симодский трактат 26 января 1855 г.	79

Глава II. Проблема острова Сахалин в русско-японских переговорах 1859 - 1867 гг.

§ 1. Дипломатическая миссия Н.Н. Муравьева-Амурского в Эдо 1859 г.	94
§ 2. Переговоры в Петербурге 1862 г.	112
§ 3. Петербургское соглашение 1867 г.	120

Глава III. Проблема границы в русско-японских отношениях в 70-е гг. XIX века.

§ 1. Россия в дальневосточной политике Японии.	139
§ 2. Остров Сахалин в русско-японских переговорах 1874 - 1875 гг. Петербургский договор 25 апреля 1875 г.	153

Заключение.	178
-------------------------	------------

Примечания.	184
-------------------------	------------

Приложение.	200
-------------------------	------------

Список используемых источников и исследовательской литературы.	201
--	------------

Введение.

Основная задача диссертационной работы – исследование динамики отношений между Россией и Японией в период официального установления межгосударственных контактов. Существует целый ряд обстоятельств, которые побуждают обратить особое внимание на эту тему. Прежде всего, она позволяет более детально представить дальневосточную политику, как России, так и Японии во второй половине XIX в. При этом существенное значение имеет не столько анализ результатов реализации внешнеполитической доктрины, которые неоднократно являлись объектами научных исследований, посвященных международным отношениям на Дальнем Востоке, сколько практическая деятельность российской и японской дипломатии в этот период. Поэтому многочисленные проекты и конкретные планы, наиболее значительные инициативы русской дипломатии в отношении Японии и японской в отношении России, определяют предмет настоящего исследования.

Кроме того, тема диссертации представляет собой и значительный политический интерес, так как до сих пор дискуссия о принадлежности южных Курильских островов является камнем преткновения на пути заключения мирного договора о послевоенном урегулировании между Россией и Японией. Хорошо известно, что японское правительство требует возвращения ей, так называемых “северных территорий”¹, которые по утверждению японской стороны всегда принадлежали Японии и были захвачены СССР после второй мировой войны. Основными аргументами претензий Японии оказываются ссылки на договоры XIX в.: Симодский трактат 1855 г. и Санкт-Петербургский договор 1875 г. В связи с этим, представляется необходимым обратиться к анализу этих договоров и проследить на каких правах и при каких условиях та или иная спорная территория переходила из рук в руки по обозначенным соглашениям и как обе стороны фиксировали в официальных документах свое понима-

ние отказа от той или иной их части. Важно, как нам представляется, обратиться к диссертационной теме сейчас и потому, что опубликованный в 1991 г. К.А. Саркисовым и К.Е. Черевко «Проект дополнительной инструкции генерал-адъютанту Путятину» от 24 февраля 1853 г.², дал необоснованный, на наш взгляд, повод японскому правительству надеяться на пересмотр границ с Россией. Появление этого документа является, по мнению японских дипломатов, доказательством того, что спорные острова Курильской гряды и до 1855 г. не принадлежали России. Однако анализ всех фактов и материалов по проблеме формирования русско-японской границы, ставит под сомнение официальную позицию Японии на этот счет. С другой стороны, учет рассекреченных в 1991 г. документов МИД России³ позволяет более обстоятельно представить дальневосточную политику России в середине XIX в., в которой важнейшим фактором оказались ее взаимоотношения с Японией, и переосмыслить некоторые устоявшиеся взгляды отечественной историографии на проблему формирования русско-японской границы. Поэтому, тема диссертационного исследования является весьма актуальной и имеет не только теоретическое, но и практическое значение с точки зрения более взвешенного подхода к оценке становления российско-японских отношений в середине XIX в.

Методологической основой данного диссертационного исследования является принцип историзма, понимаемый, как требование рассматривать любой объект в развитии и во взаимосвязи с другими объектами и явлениями. Принцип историзма неотрывно связан с объективностью исторического исследования, с отказом от политизации исторического мышления, односторонности в оценке социальных и политических отношений. При работе использованы проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1855 г. по 1875 г. Именно в это время Россия впервые установила дипломатические отношения с Японией и официально оформила с ней границу. 26 января (7 февраля) 1855 г. был заключен первый русско-японский договор о торговле и границах между Россией и Японией, по которому граница между странами проходила между островами Курильской гряды Итуруп и Уруп, а Сахалин оставался неразделенным. Проблему государственной принадлежности острова Сахалин решил Петербургский трактат между Россией и Японией от 25 апреля (7 мая) 1875 г., по которому взамен уступки России прав на весь остров Сахалин, Япония получила права на все Курильские острова.

Активизация внешней политики России на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. в значительной мере была связана с расширением зоны противоречий великих держав и развитием мировых хозяйственных связей, центр которых стал смещаться на Дальний Восток. Угроза русским владениям на Тихом океане со стороны западных держав и, прежде всего Великобритании, подталкивали Петербург к усилению своих позиций в этом регионе. Капиталистическое развитие России, вызвавшее рост интереса к внешним рынкам, также способствовало стремлению российской дипломатии официально оформить свои отношения с государствами Дальнего Востока, прежде всего с Китаем, Японией и Кореей.

Вторая половина XIX в. была переломным периодом и в истории японского общества. Она ознаменовала собой конец эпохи феодализма и крушение политики изоляции страны от внешнего мира, которая проводилась сегунами династии Токугава (1600-1868 гг.), и вступление Японии в полосу капиталистического развития. На этот период приходится целый ряд событий, повлиявших на развитие умонастроений в японском обществе: насильтвенное открытие страны капиталистическими держа-

вами и заключение неравноправных «ансэйских» договоров в 50-е гг. XIX в.; нарастание социально-политического кризиса в 60-е гг., кульминацией которого были события Мэйдзи исин 1868 г., реставрация императорской власти и последующие капиталистические реформы, открывшие дорогу Японии к модернизации общества.

Вплоть до середины XIX в. Япония - страна, чьи северные границы отдалены от российской территории не более чем несколькими километрами, оставалась в сознании многих наших соотечественников “загадкой”, так как, сведения о ней были весьма обрывочны. Неудивительно поэтому, что вслед за “открытием” Японии в 1853 г., появилось значительное число публикаций, посвященных стране Восходящего Солнца. Однако характер публикаций о Японии этого периода свидетельствует не только об усилении интереса к этой стране, но и об отсутствии целенаправленности этого интереса: писали «понемногу обо всем», так как представители русской публицистики справедливо полагали, что большее количество информации поможет составить более верное представление о соседе⁴. 60-е гг. XIX в. многое изменили в отношении русских исследователей к Японии: период сбора первоначальных сведений почти закончился. С «открытием» Японии появилось больше возможностей для изучения ее «изнутри». Однако к этому времени, как верно отмечают В.Павлятенко и А.Семин, отечественное японоведение еще не было поставлено на твердую материальную и организаторскую основу, отсутствовала прочная государственная поддержка. Поэтому изучение страны велось нецеленаправленно и охватывало лишь отдельные аспекты, а частные достижения базировались главным образом на энтузиазме самих ученых⁵. В этот период со страниц журналов и газет не исчезает информация, особенно волновавшая русскую общественность - информация о росте конфронтации между европейцами и местным населением Японии⁶. Причем русские исследователи стремились не только подробно ос-

ветить ход происходивших событий, но и, прежде всего, выявить причины этих явлений. Совершенно правомерно отечественные ученые XIX в. выделяли две причины происходящего в этой стране: основную, внутреннюю - противоречия верховной власти и ее катализатор - внешнюю - открытие страны и новые порядки, которые принесли с собой европейцы⁷. Причем если отечественная литература XX в. с гордостью отмечала тот факт, что Россия была единственной державой последовательно придерживающейся нейтралитета во время гражданской войны в Японии⁸, то общественно-политическая мысль России XIX в. не поддерживала позицию своего правительства и, на протяжении всего периода военных действий в Японии, призывала верховную власть вмешаться в этот конфликт⁹. Так, русский публицист-исследователь А.Я. Максимов впоследствии именно в этом периоде искал причину потери российского влияния в Японии. Он сожалел, что «Россия не вмешалась в гражданскую войну, из-за этого она потеряла политическое влияние в Японии, так как переворот произошел без нее, что значительно умалило в глазах японцев политическое значение России, как великой европейской державы»¹⁰.

Последние десятилетия XIX в. ознаменовали собой начало систематизированного изучения Японии: в 1870 г. в программу Петербургского университета было включено преподавание японского языка, а в 1888 г. в Университете был создан Восточный факультет, ставший с тех пор главной базой развития японоведения в России. Этот период был также отмечен ростом интереса российской общественности к проблемам острова Сахалин и Курильских островов. В отличие от публицистов и историков XX в., исследователи XIX в. не считали Сахалин и Курильские острова «исконной» русской территорией, впрочем, как и японской¹¹. Но, несмотря на это, они признавали необходимым условием для успешного развития России на Дальнем Востоке - ее обладание всем островом

Сахалин. Рост интереса к судьбе Сахалина был обусловлен несколькими причинами. Во-первых, его экономической и стратегической ценностью, осознание которой произошло значительно позднее подписания первого русско-японского договора. И, во-вторых, решение пограничного вопроса между Россией и Японией затянулось практически на 20 лет, поэтому, такие русские исследователи как А. Максимов, Я. Бутковский, М. Венюков, пытались выявить причины столь затяжного характера этих переговоров¹². Основной причиной русские исследователи называли падение влияния России в Японии, которое они объясняли экономической слабостью России на Дальнем Востоке, что дало возможность другим европейским державам убедить японское правительство в агрессивных намерениях Петербурга. «Неспособные подняться до понятия какой-то «идеальной» дружбы», японцы, - по мнению А. Максимова, - стали подозревать Россию в двуличии, так как присутствие на Дальнем Востоке сильной военной эскадры не подкреплялось наличием российского торгового флота¹³. М. Венюкова, в книге «Обозрение японского архипелага», также разоблачал интриги Великобритании, Франции и США в Японии против России. В своих выводах о причинах настраивания японцев против России, он был абсолютно прав: иностранные державы сами хотели занять Сахалин и Курилы, что было бы возможно, если бы они перешли под юрисдикцию слабой и зависимой Японии¹⁴.

Поражение в русско-японской войне 1904-1905 гг. стало мощным катализатором развития японоведения в России. Помимо целого ряда работ на тему русско-японской войны, были опубликованы фундаментальные исследования по вопросам внешней политики, истории и политической географии Японии. Крупный научный вклад в изучение истории Японии и ее политики на Дальнем Востоке был сделан С. Новаковским. Его книга «Япония и Россия», была составлена в основном из документов и переводов японских книг о Сахалине, что и определяет ее ценность для ав-

тора данного исследования, так как эти материалы были использованы при освещении позиции японской стороны на переговорах с Россией во второй половине XIX века¹⁵.

В целом необходимо отметить, что отечественные исследователи XIX в. в своих работах пытались проанализировать русско-японские отношения, свидетелями которых они являлись, выявить причины и последствия взаимных территориальных уступок России и Японии. Для этого они подробно освещали в своих работах внутреннее положение двух стран, давали ценные сведения об отношении японского правительства и общества к России и разоблачали колонизаторскую деятельность иностранцев в Японии и их интриги против России.

Особенностью отечественных исторических работ первой трети XX века было то, что многие историки, в отличие от исследователей и публицистов XIX века, стали трактовать политику России на Дальнем Востоке как экспансионистскую. Этой точки зрения придерживались авторы работ, изданных в 20-х - 30-х гг. XX в.: С.В. Бахрушин, С.Б. Окунь, И.А. Коростовец¹⁶. Характерно в этой связи высказывание Г. Ширмана, который в монографии 1924 г. «Очерки по истории сношений стран Дальнего Востока» следующим образом писал о внешней политике России в Азии: «Россия продолжала вести свою агрессивную политику (выделено мной - С. Е.) в отношении Японии. Воспользовавшись стесненным положением Японии, Россия заставила ее заключить договор 1875 года об обмене Сахалина, принадлежавшего Японии, на Курильские острова. Обмен был явно невыгоден Японии. Со времени захвата Россией Сахалина, в Японии зародилось неприязненное отношение к России»¹⁷. Такая однозначность трактовок характера первых русско-японских отношений объясняется, на мой взгляд, недавно произошедшей революцией 1917 г. в результате чего, как мне думается, некоторые историки стали рассматривать дореволюционный период Российского государства через призму

отрицания любой разумной деятельности царского правительства. Однако ряд исследователей не так прямолинейно высказывались о государственной принадлежности Сахалина и Курильских островов. Так, академик Н.И. Конрад, писал, что в середине XIX в. «неясно было положение Сахалина, который как будто бы числился за Японией, но фактически находился в сфере влияния России»¹⁸.

В послевоенный период, прежде всего благодаря исследованиям Э.Я. Файнберг¹⁹, точка зрения об агрессивном характере русской дальневосточной политики в эпоху домонополистического капитализма, была аргументирована отвергнута. Э.Я. Файнберг опубликовала в 1960 г. монографию «Русско-японские отношения в 1697 - 1875 годы», где на основе русских и японских архивных материалов с привлечением широкого круга мемуарной литературы, исследований на японском и западных языках, сделала вывод о том, что русско-японские отношения исследуемого периода носили мирный характер. Э.Я. Файнберг объясняла военной слабостью России на Дальнем Востоке желание русской дипломатии иметь в лице Японии «независимого лояльного соседа, который бы не следовал в фарватере антирусской политики западных держав»²⁰. Поэтому, анализируя первый русско-японский договор, подписанный в 1855 г. в Симода, Э.Я. Файнберг специально подчеркивает, что «посольство Путятиня заложило основу добрососедских связей между Россией и Японией»²¹. В целом, положительную сторону Симодского договора Э.Я. Файнберг видит в его компромиссном характере, то есть в стремлении учесть и зафиксировать интересы обеих сторон, а не в достижении абсолютной победы одной стороны над другой. Вместе с тем Э.Я. Файнберг выдвигает и критические замечания в адрес указанного договора. Но в отличие от многих своих последователей, она критикует его не за «неоправданные уступки» со стороны России в отношении Японии, а за его «неравноправный характер»²².

Более резкой критике со стороны Э.Я. Файнберг подвергся Петербургский договор 1875 г., при заключении которого русское правительство, по мнению Э.Я. Файнберг, пошло на неоправданные максимальные уступки Японии²³. Причины таковых она видела, прежде всего, в «близорукости внешней политики царизма, пожертвовавшего интересами России из опасения вызвать накануне войны на Балканах конфликт с Японией и вмешательство в него иностранных держав». А так же в «недооценке правящими кругами царской России экономического и стратегического значения Курил»²⁴.

Таким образом, заслугой Э.Я. Файнберг является, на мой взгляд, то, что она полностью разрушила сформировавшийся в 20-х - 30-х гг. XX в. миф об агрессивной политике России на Дальнем Востоке. Однако ее исследование поддержало возникновение нового мифа, согласно которому Россия вынужденно заключала договоры о границе с Японией под давлением тяжких для нее обстоятельств: Симодский – из-за трудного положения России в результате Крымской войны и гибели фрегата «Диана». Д.В. Петров развил эту концепцию, назвав российское посольство заложниками японского правительства²⁵. Петербургский – в обстановке, когда Россия была втянута в Балканский кризис, а вместе с Японией на нее осуществляли давление Великобритания, США и Франция. Истоки этой позиции можно найти в коллективной работе «Международные отношения на Дальнем Востоке», вышедшей в 1956 г. Ведущие отечественные историки, работавшие над этим изданием, так объясняли уступку России в вопросе государственной принадлежности острова Сахалин в 1855 г.: «Японское правительство воспользовалось слабостью царской России на Дальнем Востоке и ее затруднительным положением во время Крымской войны, для того, чтобы затянуть переговоры с Е.В. Путятиным и выдвинуть необоснованные претензии на южную часть Сахалина»²⁶. А причину новых территориальных уступок в 1875 г., авто-

ры исследования видели, в первую очередь, «в недальновидной политике царского правительства, наивно рассчитывавшего путем территориальных уступок стабилизировать отношения Японии и России»²⁷.

Л.Н. Кутаков в своей работе «Россия и Япония»²⁸, по его словам, стремился «подвести некоторый итог исследованиям советской и зарубежной историографии, касавшихся этой темы». Трудно согласиться с К.Е. Черевко, который назвал труд Л.Н. Кутакова первым в отечественной историографии, освещющим взаимоотношения двух стран за двухвековой период, так как вышеназванная работа Э.Я. Файнберг вышла несколько раньше. Но нельзя не согласиться с общим выводом К.Е. Черевко о том, что Л.Н. Кутаков в своей монографии создал емкое полотно зарождения и развития отношений между Россией и Японией в их исторической сложности и многообразии, сообщив полезные данные и по территориальному вопросу²⁹. Л.Н. Кутаков, на основе анализа архивных материалов и японских документов, используя отечественную и зарубежную литературу, рассмотрел такие принципиальные вопросы как: 1.территориальное размежевание между Россией и Японией; 2. роль России в японско-китайском соперничестве в период с 1894 г. по 1917 г. Коснувшись вопроса о характере русско-японских отношений Л.Н. Кутаков, обстоятельно проанализировал концепцию об «агрессивности» внешнеполитической деятельности России. На основе многочисленных японских источников XVIII в., Л.Н. Кутаков, убедительно доказал, что подобные взгляды, выгодные для руководства голландской фактории в Нагасаки, которое опасалось торгового соперничества с Россией на японском рынке, в целом были несостоятельными³⁰. Л.Н. Кутаков соглашается с выводами, сделанными А.Л. Нарочницким в работе «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860-1895гг.»³¹, о том, что живучесть мнения об агрессивной политике России объясняется интересами сначала самурайства, а позднее в XIX –

начале ХХ вв. интересами буржуазно-феодальных кругов, проводивших политику экспансии в Азии, как в южном, так и в северном направлении, и для ее прикрытия нуждавшихся в распространении взглядов о «русской угрозе». Автор признает, что несанкционированная русским правительством экспедиция Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова на южный Сахалин и Курилы в 1806-1807 гг. была единственным исключением³².

Л.Н. Кутаков, не подвергает сомнению, что Сахалин и Курильские острова исконно принадлежат России. Поэтому, при исторической оценке Симодского трактата, автор занимает общую позицию с Э.Я. Файнберг, но рассматривает в отличие от нее иные критические акценты. В его работе преобладает тезис о «ни чем не оправданных уступках» Е.В. Путятине в отношении южной части Курильских островов и Сахалина³³. Относительно Петербургского договора 1975 г. Л.Н. Кутаков так же был согласен с оценками Э.Я. Файнберг. Он пишет об этом договоре как о неоправданной уступке «царизма Японии», добавляя, что «Россия заплатила огромную цену», «допустив просчет исторической важности»³⁴. Л.Н. Кутаков, согласился с общим выводом отечественной историографии и в объяснение причин, по которым Петербург пошел на уступки Японии. По его мнению, «царское правительство не располагало достаточными силами для того, чтобы вооруженным путем отстаивать свои владения на дальневосточной окраине»³⁵.

Негативная оценка действий Е.В. Путятина, обвинение в его адрес в том, что он подписал договор, ущемляющий интересы России на Дальнем Востоке, возможно, не были бы так широко распространены в отечественной историографии, если бы был снят гриф «секретно» со всех архивных материалов, относящихся к этим событиям. Ведь только в октябре 1991 г. в научный оборот вошел документ «Проект дополнительной инструкции генерал-адъютанту Путятину», составленный МИД России 27 февраля 1853 г. за номером 750 и подписанный императором 24

февраля 1853 г.³⁶, который позволил совершенно по иному трактовать события 1853 - 1855 гг. Из этого «Проекта...» следует, что принадлежность южных Курил Японии, Россией не только не оспаривалось, но и полностью подтверждалось, причем добровольно и без нажима извне³⁷. Таким образом, впервые опубликованные К.А. Саркисовым и К.С. Черевко документ опровергал многолетние утверждения историков о том, что Е.В. Путятин заключил невыгодный договор под давлением неблагоприятных для посольства обстоятельств. В настоящее время отрывки из этого документа содержатся в нескольких изданиях³⁸.

Учитывая эти материалы, верную, на мой взгляд, оценку русско-японского договора 1855 г. дает российский исследователь И. Тышецкий, который считает, что «Симодский трактат в целом реально отразил сложившуюся к середине XIX в. ситуацию на островах и основанные на ней территориальные притязания сторон»³⁹.

В 1999 г. вышла в свет книга К.Е. Черевко «Зарождение русско-японских отношений XVII – XIX вв.». Это одно из наиболее значимых на сегодняшний момент исследование русско-японских отношений, задачей которого, по заявлению автора, является ликвидация стереотипа врага и формирование стереотипа партнера во взаимоотношениях между этими странами⁴⁰. При освещении вопроса пограничного размежевания в становлении русско-японских отношений К.Е. Черевко основное внимание уделяет правовой составляющей первых русско-японских договоров, более подробно обсуждает позицию японской стороны и приводит контр аргументацию против ее доводов. В фактологическом и концептуальном плане монография К.Е. Черевко принесла в научный оборот целый ряд новых трактовок исследуемых событий. Так, К.Е. Черевко подверг сомнению общепризнанное мнение отечественных исследователей XX в. относительно заключенного первого русско-японского договора 1855 г., который традиционно относят к первой «серии неравноправных,

кабальных торговых соглашений», повторяющих в основном положения Канагавского договора между США и Японией⁴¹. Впервые К.Е. Черевко утверждает, что Симодский трактат носил равноправный, взаимовыгодный характер⁴². Для подтверждения своего вывода, К.Е. Черевко приводит и мнение японской стороны: «Японский историк Х. Вада не без оснований считает, в отличие от ряда советских историков (например, Д.В. Петрова, Э.Я. Файнберг, Л.Н. Кутакова), что в договорах, заключенных с Японией западными державами в середине XIX в., «другого такого примера обоюдного предоставления наибольшего благоприятствования и установления равенства сторон не имеется»⁴³.

Благодаря К.Е. Черевко в научный оборот были введены новые, ранее не публиковавшиеся, архивные документы по истории русско-японских отношений⁴⁴. Однако публикация этих материалов вызвала серьезную критику со стороны современных японоведов. Так Б.П. Полевой утверждает, что целью публикации К.Е. Черевко статьи «Путятину было легче провести границу между Россией и Японией», где были впервые представлены новые документы и соответственные выводы по nim, было его желание «подготовить сограждан к, якобы неизбежной, уступки Японии южных Курил»⁴⁵. И.А. Латышев в своей работе «Покушение на Курилы» причисляет К.Е. Черевко к «японскому лобби» и «агентам японского влияния», ставившим своей целью «дискредитацию поднявшегося национально-патриотического движения»⁴⁶. Однако ни И.А. Латышев, ни Б.П. Полевой видимо не замечают вывода, который К.Е. Черевко сделал и в статье: «Что же теперь, признать острова исторически японскими и отдать их им? Вряд ли такой подход можно считать оправданным. Территориальные проблемы, как правило, решаются не на исторической, а на юридической основе, на основе действующих договоров и соглашений»⁴⁷, и в своей книге: «условия этого размежева-

ния (по Симодскому договору – С.Е.) не могут служить основанием для модернизированного подхода к территориальному разграничению»⁴⁸.

В настоящее время на страницах периодической печати развернута широкая дискуссия на тему «Кому по праву принадлежат южные Курилы?»⁴⁹. При этом авторы исходят из ошибочного, на мой взгляд, утверждения о том, что доказав право на территорию по принципу первооткрытия, можно рассчитывать на современное признание законности обладания ей. Интересна в этом отношение точка зрения С.М. Пунжина, который призывает современных исследователей отказаться от идеи доказать первооткрытие оспариваемых территорий. Необходимо, по его мнению, перенести основное внимание на анализ заключенных русско-японских договоров, с которых начинается история правового титула на Курильские острова и Сахалин, то есть на анализ Симодского и последующих русско-японских договоров⁵⁰.

Несомненно, важным, на наш взгляд, является замечание, высказанное по этой проблеме Н.А. Нарочницкой в статье «Япония и Россия: кому по праву принадлежат Курилы»⁵¹. Солидарная с призывом К.Е. Чевревко не рассматривать условия дореволюционных русско-японских договоров основанием для модернизированного подхода к оценке территориального разграничения, она замечает, что «политики и государственные деятели должны вспомнить некоторые положения международного права. Ни созданные после войны ФРГ и ГДР, ни Япония, ни даже сегодняшняя объединенная Германия не являются продолжателями субъективности довоенных государств, не обладают по отношению к ним континуитетом. Они являются новыми субъектами международных отношений и международного права. Нынешняя Япония – послевоенное государство, и урегулирование может исходить единственно из послевоенной международно-правовой основы, тем более что только эта основа имеет юридическую силу»⁵². Таким образом, заключает Н.А. Нарочниц-

кая, весь исторический пласт аргументации японской стороны не имеет отношения к праву сегодняшнего японского государства, хотя, безусловно, имеет отношение к истории Японии⁵³.

Н.А. Нарочницкая положительно оценивает заключенные Россией русско-японские соглашения второй половины XIX в. Она справедливо считает, что с позиции своего времени русские дипломаты заключали выгодные для страны договоры⁵⁴.

Квинтэссенцией последних отечественных исследований является коллективная работа «Курилы: острова в океане проблем»⁵⁵, где собран новейший архивный материал и представлена глубокая оценка деятельности российской дипломатии в XIX в. Авторы совершенно верно приходят к выводу о том, что «положения Симодского трактата в целом отражали реальную обстановку того времени в российско-японских отношениях»⁵⁶. А Петербургский договор 1875 г. являлся историческим компромиссом между Россией и Японией, где каждая из сторон поступилась частью своих прав ради того, чтобы решить, наконец-то, территориальную проблему, оставленную на будущее договором 1855 года⁵⁷. Причину уступок, которые сделала Россия по этому договору, авторы справедливо видят в смещении акцентов русской дальневосточной политики, которые после подписания в 1858 г. Нерчинского и в 1860 г. Пекинского трактата, сместились в сторону освоения более богатого в экономическом плане Приморского края⁵⁸.

Против широко распространенного тезиса о «вынужденном под давлением тяжких обстоятельств подписании всех русско-японских договоров второй половины XIX в.» так же горячо выступает В.Н. Еремин. В своей работе «Россия – Япония. Территориальная проблема: поиск решения», он довольно резко заключает, что «в историко-политическом плане просто неудобно продолжать изображать Россию бесконечной жертвой, которую обижали все кому не лень»⁵⁹. В опровержении тезиса

о вынужденности для России подписания договора 1875 г., В.Н. Еремин приводит документально подтвержденную мысль о том, что российские власти сами намеревались оставшиеся им после 1855 г. Курилы обменять на Сахалин. Недовольство в Японии договором 1875 г., В.Н. Еремин так же считает свидетельством того, что Петербургский трактат стал дипломатическим успехом России и поражением Японии⁶⁰.

Солидарный с В.Н. Ереминым О.Я. Бондаренко в 1992 г. указывает, по его мнению, основную причину желания отечественных исследователей представить Россию «жертвой внешнеполитических обстоятельств»: «Что бы обосновать захват Курильских островов в 1945 г. понадобилось очернить, умалить, принизить оба трактата. Поэтому И.В. Сталин вновь поднял Курильский вопрос, который не поднимали до него уже 70 лет»⁶¹. Критикуя мнения своих коллег, О.Я. Бондаренко вновь возродил спорную, на мой взгляд, точку зрения 20-х гг. XX в. об агрессивном характере дальневосточной политики России⁶². О.Я. Бондаренко впервые поднял вопрос о психологическом давлении на Японию во время переговоров в Симода. По его мнению, заключенный Е.В. Путятиным договор был чрезвычайно выгоден для Петербурга, так как «Россия получила огромные политические и экономические преимущества в отношениях с Японией, не пожертвовав ничем. Ибо она юридически признала то, что сложилось на практике в XVIII в.»⁶³. О.Я. Бондаренко считает, что авторы, сожалеющие, о том, что Е.В. Путятин сразу не заключил договор, по которому бы Сахалин перешел под юрисдикцию России⁶⁴, полностью отрицают интересы Японии⁶⁵. Петербургский договор 1875 г. О.Я. Бондаренко назвал правопреемником Симодского, наследовавшим его лучшие дипломатические черты, заодно уточняя и детализируя статус Курил во всем мире. По его мнению, это был первый в мировой практике обмен колониями, так как ни Россия, ни Япония не считались с мнением коренного населения этих территорий – айну. Именно поэтому он вы-

звал такой большой резонанс в мире. Неожиданным для традиций отечественной исторической науки является и общий вывод автора, согласно которому Петербургский договор 1875 г. не был аннулирован последующими переговорами 1895, 1905, 1907, 1910, 1912, 1916 гг., а, следовательно, Япония имеет все права на южные Курилы, которые Россия ей отдала в добровольном порядке⁶⁶. Однако на наш взгляд, одно лишь высказывание заключение Н.А. Нарочницкой опровергает данное заявление О.Я. Бондаренко, так как Япония современная не может быть правопреемницей Японии XIX в.

Проблема «Влияние отечественной прессы на внешнеполитические действия правительства» и в частности, ее роль при установлении русско-японских отношений, была обозначена несколькими работами отечественной историографией⁶⁷. Однако основным недостатком этих исследований является недостаточное изображение самих исторических событий, которые используются лишь как контекст - объяснение проблематики, интересующей прессу. Немаловажным недостатком этих работ, на мой взгляд, является так же неравномерное внимание к политическим направлениям, присутствующим в отечественной прессе: исследователей больше всего интересовало революционно-демократическое и либеральное крыло русской журналистики, и лишь в последнюю очередь консервативное. Между тем интерес отечественной печати XIX в. к перспективам развития отношений России с Японией заметно возрос с начала дипломатических контактов между обеими странами и все, без исключения, издания считали необходимым высказать свое мнение по этой проблеме. В.И. Овсянников отмечает, что в начале 50-х гг. XIX в., когда в Западной Европе и России усилился интерес к Японии, многие российские журналы отреагировали на это событие рядом публикаций. Российскую общественность интересовали сведения о географии и климате, на-

родонаселении, просвещении, языке, верованиях, государственном устройстве, законах и обычаях далекой страны⁶⁸.

Эпизод, связанный с посольством Н.Н. Муравьева в Японию в 1859 г. по вопросу государственной принадлежности Сахалина практически полностью обойден вниманием⁶⁹. На мой взгляд, это объясняется тем, что современная историография, осталась под впечатлением ореола Н.Н. Муравьева-Амурского, оставленного историками XIX в. Традиционным для отечественной историографии XIX в. было уделять большое внимание деятельности Н.Н. Муравьева-Амурского при восстановлении прав России на Приамурский край, где он одержал дипломатическую победу и не проявлять интерес к событиям 1859 г., где возглавляемая им дипломатическая миссия в Японию потерпела неудачу. Такой подход сохранен и в ряде современных диссертационных исследований. Так А.С. Мамай, анализируя деятельность Н.Н. Муравьева-Амурского в процессе активизации внешней политики России на Дальнем Востоке в середине XIX в., не уделил внимания его японской поездке 1859 года⁷⁰. А.В. Ко-зюра, тема диссертации которого «Н.Н. Муравьев-Амурский и становлении дальневосточной политики России», посвятил дипломатической деятельности генерал-губернатора в Японии всего 12 листов⁷¹. При этом он необоснованно, на мой взгляд, обвинил Е.В. Путятину в неудаче Н.Н. Муравьева-Амурского, назвав подписанный им в 1855 г. договор, «теоретической основой срыва переговоров в Эдо»⁷². Сделанный автором диссертации вывод о том, что «важным последствием дипломатических мероприятий графа Н.Н. Муравьева-Амурского во взаимоотношениях с Японией стало то, что в дальнейших русско-японских переговорах о границах весь остров Сахалин рассматривался как объект национальных интересов»⁷³, может быть подвергнут сомнению, так как многие архивные материалы свидетельствуют о том, что русское правительство всегда рассматривало Сахалин объектом своих национальных интересов⁷⁴.

В последнее десятилетие появилось так же несколько работ, авторы которых считают своей целью дать краткий, хронологический пересказ событий, связанных со становлением русско-японских отношений во второй половине XIX века⁷⁵. По мере актуализации проблемы заключения мирного договора с современной Японией, вопросы, связанные с формированием русско-японской границы все чаще поднимаются в публицистике и на страницах научной и периодической печати, становятся предметом специального исследования⁷⁶. Однако многие из этих работ отличаются, на мой взгляд, заметной политизацией исторических процессов, в результате чего они приобретают, скорее всего, научно-публицистический характер.

Таким образом, анализируя начальный этап русско-японских отношений, отечественная историография пришла к выводу, что политика России в отношении Японии вплоть до конца XIX в. была миролюбивой и дружественной. Об этом свидетельствует, в частности, история пограничного размежевания между двумя странами во второй половине XIX века⁷⁷. Однако в последнее время, появились работы, авторы которых оспаривают эту точку зрения, и констатируют агрессивный характер внешней политики России на Дальнем Востоке (О.Я. Бондаренко). Подвергается сомнению и другой, неоспоримый до 90-х гг. XX в. вывод отечественной историографии о том, что договоры второй половины XIX в. между Россией и Японией являются результатом вынужденных уступок российской дипломатии (В.Н. Еремин, О.Я. Бондаренко, К.Е. Черевко). Тезис об «исконной принадлежности Сахалина и Курил России» и утверждение, что «именно россияне были первооткрывателями этих земель», так же стал объектом критики. Ряд исследователей (В. Сироткин, И. Тышецкий, С. Пунжин, О. Бондаренко) объективно полагает, что исконным владельцем спорных территорий были айну, народ, не находившийся под юрисдикцией ни России, ни Японии. В этой связи, пожалуй,

впервые, позиции отечественной историографии стали сближаться с позициями японо-американской исторической школы (Х. Вада, Дж. Стефан, П. Бертон).

Весь исторический пласт аргументации японской стороны в пользу передачи им, так называемых, «северных территорий» сводится к доказательству приоритета в открытии и освоении островов. Особое место в этой аргументации занимают ссылки на договоры XIX в. – Симодский и Санкт-Петербургский договоры. Японская историография дает интереснейшие подробности о ходе подготовки договоров, о реакции японской стороны на заключение этих трактатов и о позициях западных держав накануне и в ходе русско-японских переговоров⁷⁸.

Японская историография, опираясь на архивные материалы своей страны, прежде всего стремилась доказать при анализе русско-японских переговоров, что Россия никогда не интересовалась Курильскими островами дальше острова Уруп. Так, Тору Накагава в своей работе «Северные территории Японии в международной политике», вспоминая эпизод с пленинием В. Головина в 1811 г., пишет о том, что на переговорах об освобождении В. Головина русские представители предложили установить границу между двумя странами, чтобы избежать подобных инцидентов. Японцы согласились дать свой ответ на это предложение летом следующего года (1814 г.) на Итурупе. И хотя встреча не состоялась, сен-гунат предал своим официальным представителям на Эдзо инструкцию, в которой устанавливалось, что «остров Итуруп должен отойти Японии, остров Уруп с прилегающими островками должен быть признан ничейной территорией, а к России, чтобы отошли острова, начиная с Симушира»⁷⁹. Этот же сюжет достаточно подробно анализирует Хироси Кимура в работе «Курильская проблема». В частности, он отмечает, что в это время у обеих стран уже существовало намерение признать суверенитет Японии над Итурупом и островами южнее его⁸⁰.

Профессор Университета Кагосимы – Иосимицу Корияма так же обращает особое внимание на совет губернатора Трескина. В 1814 г. он представил на совет генерал-губернатору Сибири Ивану Пестелю доклад из 8 пунктов, в котором разъяснял, что Уруп и Итуруп являются естественной государственной границей между Японией и Россией. В пункте № 6 этого доклада о государственной границе между Россией и Японией говорится: «По удостоверению В. Головина, японское правительство и ныне считает естественную границу с нашей стороны 18-й остров Уруп, а с японской - 19-й - Итуруп. Распространение границ России с сей стороны в настоящих обстоятельствах желать бесполезно и требовать ни почему не должно»⁸¹. Иосимицу Корияма так трактовал этот пункт: «Именно таким было мнение губернатора Трескина, являющегося, в то время, высшим должностным лицом на Дальнем Востоке» и «оно де-факто постепенно превращалось в официальную позицию России. Это означает, что в условиях отсутствия договора между Японией и Россией, у обеих стран сформировалась собственная территория, в пределах которой естественным образом распространялось их влияние, то есть в состав территории России вошли Курильские острова севернее острова Уруп, а Японии – острова южнее острова Уруп. Таким образом, после освобождения В. Головина, идея провести государственную границу с Японией между островами Уруп и Итуруп постепенно приняла характер общепринятой»⁸².

Еще одним доказательством того, что Россия считала своей границей остров Уруп, для японской стороны, является указ Александра I, изданный 4 сентября 1821 г., в котором устанавливалось, что иностранным судам запрещается приближаться и заниматься промыслом у морского побережья и островов начиная от Берингова пролива до южного мыса острова Уруп. Таким образом, «Россия в связи с этим указом сама четко называла пределы своей территории» – заключает японский исследова-

тель Итиро Суэцугу, для которого предоставленная МИД Японии инструкция Николая I к переговорам 1854 г. была лишь еще одним доказательством, изначальной принадлежности ряда оспариваемых островов Японии⁸³.

Исходя из вышесказанного, японские ученые в целом положительно оценивают Симодский трактат: «Договор был заключен с учетом реально сложившейся ситуации. Вопрос о границе был успешно разрешен благодаря тому, что обе стороны – Япония и Россия признали тот факт, что власть России простиралась до острова Уруп, а власть Японии – до островов Итуруп и Кунашир»⁸⁴. В отличие от своих предшественников 40-х годов, которые осуждали Россию за проявленную агрессивность⁸⁵, современные ученые Японии адекватно оценивают происходившие события, отдавая должное Е.В. Путятину за его тактичность⁸⁶.

Большинство японских историков совершенно правомерно, на мой взгляд, оспаривают точку зрения российской историографии о том, что Япония воспользовалась тяжелыми условиями, в которые попала русская миссия в результате Крымской войны и крушения фрегата «Диана» и сумела добиться для себя больше выгод, чем она исторически заслуживала. В опровержение этой точки зрения Итиро Суэцугу пишет: «С самого начала японская сторона не имела точных сведений о Крымской войне. В период, когда она велась, переговоры с Россией развивались успешно, и в феврале 1855 г. был подписан Симодский трактат»⁸⁷. А Синтаро Накамуро добавляет, что японская сторона осознавая все последствия ухудшения своих отношений с Англией и Францией, все же решилась оказать помощь России, которая в этот момент находилась в состоянии войны с этими странами⁸⁸. Впрочем, среди японских историков есть ученые, которые, в общем, разделяют мнение своих коллег из России. Так, Т. Вада в работе «Северные территории и прорыв в японо-советских отношениях» дает следующее объяснение «смягчения» пози-

ции России: «Вначале российская сторона решительно отстаивала свои права на Итуруп, затем в порядке уступки предложила поделить остров пополам. Однако из-за начавшейся войны российский полномочный вынужден был отказаться от этого острова. Тот факт, что Россия первой овладела этим островом и управляла им, делал ее позицию очень сильной, однако начавшаяся война вынудила Россию пойти на уступки при заключении договора о торговле. Полномочный японский представитель Кавадзи сравнивал в своем дневнике в Симода эту уступку с подарком, принесенным священным ветром камикадзе»⁸⁹. Интересные соображения Т. Вада дает в отношении постулата об «исконных территориальных правах» Японии, которыми обосновывается тезис о «северных территориях». Он пишет: «Постулат об исконных территориальных правах Японии возник из факта, что по заключенному в Симода торговому договору мы смогли оставить за собой Кунашир и Итуруп. Однако утверждение о том, что эти два острова никогда не были территорией другого государства, не соответствует действительности. Уже тот факт, что в 1798 году Морисигэ Кондо и его спутники уничтожали на Итурупе установленные русские столбы, свидетельствует о том, что этот остров был колонией России»⁹⁰.

При анализе Санкт-Петербургского договора 1875 г., японская историография не отрицает факта его добровольного подписания. Нагао Арига отмечал при этом, что «если о потере Сахалина японцам и стоило жалеть, то мы, по крайней мере, можем утешить себя тем, что договор 1875 г. был составлен в духе полного равенства и в выражениях вполне почетных для достоинства Японии»⁹¹. Однако среди японских ученых присутствует мнение, что из-за агрессивного поведения России на Сахалине, которая в противоречие с договоренностями заселяла южный Сахалин, вынуждая тем самым и Японию соревноваться в освоении этих территорий, японскому правительству пришлось уступить России свою,

по праву принадлежащую часть острова, чтобы иметь возможность получить за нее хоть какую-нибудь компенсацию сейчас, так как в будущем Россия могла получить весь остров безвозмездно, потому что выиграла бы у Японии «гонку заселения». Подробно об этих событиях писали Нагао Арига, Синтаро Накамуро, Кикудзиро Исин⁹² именно эту точку зрения поддержал в среде отечественных историков О.Я. Бондаренко.

Таким образом, японская историография в настоящий момент стремится доказать, что 1. «северные территории» никогда не являлись предметом интереса России XIX в. и всегда принадлежали Японии; 2. Япония уступила свои права на Сахалине только благодаря усиленному, агрессивному натиску России, с которой Япония того периода соревноваться не могла; 3. так как договоры второй половины XIX в. были актом добной воли двух государств, то необходимо в настоящий момент прийти к компромиссу – оставив за Россией весь остров Сахалин, и вернуть Японии «северные территории», отошедшие ей по договору 1855 года⁹³.

Японские ученые также особенно тщательно занимаются текстологическим исследованием российско-японских договоров XIX в. По результатам этого исследования, МИД Японии пыталось доказать, что понятие «Курильские острова» охватывает лишь 18 островов, исключая, таким образом, спорные «северные территории» - острова южной гряды, крупнейшие из которых острова Кунашир, Пико или Ловцова, Итуруп и Шикотан⁹⁴. Однако данная точка зрения находит значительное число критиков и в научной среде самой Японии. Так, профессор Токийского университета Харуки Вада проанализировав тексты договора 1855 г. на голландском, японском и русском языках, пришел к следующему выводу, о котором он, в частности, рассказал в беседе с корреспондентом ИТАР-ТАСС, опубликованной в бюллетене агентства «Компас»⁹⁵. Х. Вада обратил внимание на брошюру «Северные территории Японии», изданную посольством Японии в Москве в 1992 г., в которой приводи-

лась цитата из договора 1855 г. Как отмечает Х. Вада, приведенная в брошюре цитата из договора, гласящая, что «весь остров Уруп и Курильские острова к северу от него принадлежат России», представляет собой не выдержку из русского текста договора, оригинал которого был составлен на голландском языке, а перевод на русский язык с японского перевода. В отличие от оригинала и изначального русского перевода, где перед словами «Курильские острова» стоит слово «прочие», его нет ни в японском переводе, ни, соответственно, в указанной брошюре. Между тем, как отмечает Х. Вада, наличие слова «прочие» существенно снижает возможности японской дипломатии трактовать «Курильские острова», как простирающиеся лишь к северу от острова Уруп. Знаменательно, что в 1995 г. точку зрения профессора Х. Вада о том, что интерпретация понятия «Курильские острова» принятая японской дипломатией, основываются на неточном переводе текста Симодского трактата на японский язык, поддержал профессор истории Калифорнийского университета Цуёси Хасэгава в своей статье «Северные территории и 50-летие окончания войны»⁹⁶. Ц. Хасэгава, так же отмечает, что вскрытые Х. Вада различия в текстах Симодского трактата имеются и в текстах Петербургского договора 1875 г. на французском (оригинальном), японском и русских языках. В частности, если в оригинальном тексте на французском языке и в русском переводе есть слово «группа» применительно к 18 островам от острова Уруп до острова Шумшу включительно, которые по этому договору отошли к Японии, то в японском переводе оно отсутствует. И неслучайно это обстоятельство так же используется японской дипломатией в обоснование своего тезиса о том, что южные Курилы не входят в понятие «Курильские острова» в международно-правовом плане⁹⁷. Вывод Ц. Хасэгава о том, что МИД Японии научно необоснованно пытается доказать, что в состав Курильской гряды входят лишь 18 островов, поддерживает и Х. Кимура в книге «Курильская проблема»⁹⁸.

Юристы-международники – почетный профессор Токийского университета Юити Токано и профессор университета Киото – Таканэ Сушхара, так же подчеркивают, что попытки исключить острова Кунашир и Итуруп из понятия Курильской гряды не имеют юридического основания. Вместе с тем из этого не следует, что указанные ученые признают за Россией, отказавшейся от подписания Сан-Францисского мирного договора, юридического права для претензий на 4 северных острова⁹⁹.

Однако, несмотря на то, что сами японские исследователи выявили разночтения в текстах договоров, имеющие принципиальный характер, бросает в глаза тот факт, что японская дипломатия продолжает игнорировать эти сигналы японских ученых и пользуется удобными для нее вариантами текстов. Так, например, можно сослаться на изданную в 1996 году на русском языке работу видного японского дипломата Кадзухито Того «50 лет японской дипломатии». В этой книге Кадзухито Того пользуется текстом Симодского трактата, который уже подвергался критике японских ученых, при этом он никак не комментирует эти критические замечания¹⁰⁰. Вызывает удивление и тот факт, что указанное расхождение в русских и японских текстах договоров без опять таки каких-либо комментариев оставлено и в совместном «Сборнике документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией», подготовленном и изданном МИД РФ и Японии в 1993 году¹⁰¹.

Спор о принадлежности южных Курильских островов длится уже не одно десятилетие, став камнем преткновения на пути улучшения отношений между Россией и Японией. Отличительной чертой его является то, что проблема стала предметом широкого обсуждения, как научными кругами, так и общественностью двух стран. В результате, дипломаты вынуждены действовать на сцене, ярко освещенной прожекторами средств массовой информации, что мешает, на мой взгляд, решению этой проблемы, так как плодотворный диалог подменяется эмоциональ-

ным обменом взаимных обвинений, в котором тонут конструктивные аргументы сторон. Публичная политика чаще всего нагромождает завалы, которые впоследствии с большим трудом ликвидируют дипломаты. Что же касается российской и японской научной литературы и публицистики по проблеме южных Курил, то у каждой из сторон, как видно из вышеизложенного, присутствует довольно широкий спектр мнений и подходов, порою прямо противоположных. Как отмечал известный американский ученый, специалист по Северо-Восточной Азии Дж. Стефан, «поскольку и Япония и СССР стремились как можно лучше аргументировать свои территориальные претензии, то история очень скоро стала для многих из них служанкой, если не заложницей патриотизма и политики»¹⁰².

Профessor гавайского университета Джон Уайт, справедливо подняв вопрос о традиционной изолированности русских и азиатских исследований по пограничной проблеме на Дальнем Востоке, подчеркивал, что в связи с этим основной задачей американской историографии Северо-Восточной Азии является непредвзятый анализ позиций авторов той и другой стороны¹⁰³. В этой связи одной из наиболее интересных работ является книга профессора университета Южной Калифорнии, координатора Программы изучения Азиатско-Тихоокеанского региона в Школе международных отношений, Питера Бертона¹⁰⁴, вышедшая в 1992 г. В данной книге делается попытка, во-первых, определить спорные моменты между двумя сторонами по вопросам интерпретации исторических событий и их правовой значимости, и, во-вторых, разобраться в риторике двух противников, выделив реальные проблемы спора. Анализируя утверждение МИД Японии о том, что Курильская гряда состоит из 18 островов, П. Бертон соглашаясь с Х. Вада и другими японскими историками, отвергающими этот вывод, добавляет к их аргументации еще одно

доказательство. В 1811 г. В. Головнин, вернувшись из плена, составил карту Курильских островов, которые составляли гряду из 21 острова¹⁰⁵.

Другой спорный вопрос о первенстве открытия Курил и Сахалина П. Бертон решает следующим образом: «Первыми европейцами на Курилах были не русские или японцы, а датчане, открывшие острова в 1643 г. Позднее, те же северные острова были захвачены русскими, а южные острова – японцами»¹⁰⁶. Здесь следует отметить, что Дж. Стефан в своей работе «Курильские острова: русско-японская граница на Тихом океане» более компромиссно высказывался на этот счет, он писал: «Примерно после 1640 г. небольшие группы датчан, русских и японцев селились вместе на Курилах. Не зная о продвижении, друг друга датчане, русские и японцы достигли Курил в очень близкие, до удивления, промежутки времени, настолько близкие, что определить «единственного первооткрывателя» занятие опасное, если вообще не бесполезное»¹⁰⁷. П. Бертон вслед за Дж. Стефаном, верно полагает, что к 50-м гг. XIX в. завершился процесс сближения рубежей России и Японии. До XIX в. ни Россия, ни Япония не имели ясного представления о том, как далеко распространяется их суверенитет на Курилах. Активное продвижение России на Дальний Восток, Сахалин и Курилы, П. Бертон, как и Дж. Стефан, рассматривает как оборонительное, представляющее собой реакцию на усиление вмешательства Англии, Франции и США в дела этого региона¹⁰⁸. «Только с вторжением более широких международных сил эта туманная неопределенность с границей стала проблемой для России и Японии»¹⁰⁹, – отмечал в своей работе Дж. Стефан. Можно полностью согласиться и с основным выводом, сделанным П. Бертоном по вопросу территориальной принадлежности спорных территорий. Он пишет: «Возможно, более правильным будет подчеркнуть колониальный характер деятельности, как России, так и Японии на Курильских островах и не признавать ни русских, ни японских претензий на то, что острова «их собственные»

(«кою» - по-японски, «исконные» - по-русски)»¹¹⁰. К этой позиции американского ученого пришли и некоторые представители российской исторической школы. Так, в 1991 г. В. Сироткин и И. Тыщецкий предположили, «что вопреки советской пропаганде, Курилы не были в историческом плане русскими: любой человек, даже с элементарными знаниями истории и этнографии скажет, что коренным населением Курильской гряды были ни русские и ни японцы, а айну»¹¹¹. О.Я. Бондаренко в уже упомянутой работе «Неизвестные Курилы» прямо утверждает, что реальными собственниками Курил были айну, и что колонизация региона со стороны, как России, так и Японии не дает им оснований для территориальных претензий¹¹².

Значительное место в американской историографии русско-японских отношений занимают труды профессора университета штата Флорида Дж. Ленсена. В первых работах он исходил из концепции завоевания Камчатки, Сахалина и Курильских островов русским правительством, не уделяя внимания вольной, народной колонизации этих районов. В дальнейшем, изучив обширный материал по истории русско-японских отношений, и в частности, истории формирования границ между Россией и Японией, он пишет о большом положительном влиянии русской культуры, которую несли с собой русские землепроходцы, моряки и дипломаты на Хоккайдо¹¹³. Но подспудно Дж. Ленсен проводит мысль о том, что это влияние представляло собой угрозу национальным интересам Японии¹¹⁴. В целом Дж. Ленсен правильно оценивает внешнюю политику России в середине XIX в., которая в отличие от политики западных держав, носила мирный характер, в том числе при решении проблемы территориального размежевания. Соглашаясь с Дж. Стефаном, Дж. Ленсен, так же не признает приоритета России или Японии в освоении Сахалина и южной части Курильских островов¹¹⁵.

Однако не все представители американской историографии смогли остаться на позициях объективного анализа проблемы формирования русско-японской границы. В большинстве случаев исследователи США стремились обосновать концепцию усиления угрозы Японии с севера со стороны России. На мой взгляд, такую приверженность к этой концепции можно объяснить тем, что именно она помогает оправдать активное вмешательство США в дела Японии. Тем не менее, в этих работах содержится немало фактов, которые при более объективном освещении могут быть использованы для изучения данной проблемы.

Так, в 1968 г. профессор Колумбийского университета Д. Кин выпустил книгу «Японцы открывают Европу (1720-1830 гг.)», в которой значительное место уделил вопросам формирования границ между Японией, Россией и Китаем. Освоение русскими Сахалина, Камчатки и Курильских островов и их стремление использовать продвижение в эти районы для установления взаимовыгодных торговых отношений с Японией, рассматриваются Д. Кином как «внешняя угроза» со стороны России¹¹⁶. Однако он приводит факты, которые свидетельствуют о том, что Япония сама могла представлять такую угрозу для России. Д. Кин пишет о попытках Тосиаки Хонда внушить центральному японскому правительству мысль о необходимости выйти за пределы традиционных естественных границ страны, главным образом на север, захватив остров Хоккайдо, который в XVIII в. именовался 22-м островом Курильской гряды и далее все остальные Курильские острова, Сахалин, Камчатку, Алеутские острова и Аляску¹¹⁷. Для оправдания этой программы территориальной экспансии Японии в северном направлении Д. Кин использует следующий аргумент. Комментируя утверждение Т. Хонда о принадлежности айнов – коренных жителей Сахалина, Курильских островов и Хоккайдо к той же расе, что и японцы, автор ссылается на поход императора Дзимму на Курильские острова, имевший якобы место в VII в. до

н.э. Из этого утверждения Д. Кин делает вывод, что Курилы необходимо вернуть Японии¹¹⁸. Однако с точки зрения современной этнографии не-правомерно считать айнов и японцев народом одной расы. Не говоря уже о том, что вопросы территориального размежевания определяются отнюдь не расовыми, а культурными, экономическими и международно-правовыми критериями. Поэтому ясно, что такая концепция не имеет ничего общего с исторической.

В современной американской историографии есть так же немало работ, в которых доминирует оценка политики России на Дальнем Востоке как экспансионистской, а присоединение к России Сахалина и Курил рассматривается как завоевание. Так, Вильям Эмидон в статье «Вопрос о Сахалине в русско-японских отношениях», написанный им в Центре по изучению Японии при Мичиганском университете в качестве магистерской диссертации, не обходится без голословных обвинений российских дипломатов XIX в. в агрессивных способах решения пограничной проблемы с Японией¹¹⁹.

Название работы Д. Риза – «Советский захват Курил»¹²⁰ уже говорит само за себя. При этом Д. Риз не только обвиняет Россию в агрессивных намерениях против Японии, но и утверждает, что именно российский дипломат – Е.В. Путятин, первым добившись от Японии права экстерриториальности, вынудил и западных дипломатов настаивать на этом пункте, дабы не уронить достоинства своих стран¹²¹.

Таким образом, задачу непредвзятого анализа позиций Японии и России американская историография выполняет лишь отчасти. Среди исследователей США есть независимые специалисты – японоведы, которые в отличие от официального Вашингтона ведут объективный анализ проблемы. Вместе с тем во многих научных работах американских ученых продолжает детерминировать концепция агрессивной внешней политики России в XIX в.; в то же время встречается и констатация оди-

наково агрессивного характера политики и России и Японии (Д. Кин). Тем не менее, во всех работах западных специалистов содержатся обширные документальные материалы английских, китайских и японских архивов, которые зачастую не доступны российским исследователям. И в этой связи труды ученых США имеют немалое познавательное значение и могут быть использованы, при более объективном освещении, для изучения проблемы формирования русско-японской границы.

Характеризуя в целом историческую литературу, посвященную русско-японской пограничной проблеме нужно отметить, следующее:

1. В последнее время среди российских исследований появились работы, в которых подвергается сомнению неоспоримые до 90-х гг. XX в. выводы отечественной историографии о том, что: Сахалин и Курильские острова являются исконной русской землей, первооткрывателями которой были россияне; политика России на Дальнем Востоке до конца XIX века носила мирный характер; договоры второй половины XIX в. между Россией и Японией являются результатом вынужденных уступок российской дипломатии.

2. Несмотря на то, что история взаимоотношений между Россией и Японией всегда привлекала внимание отечественных исследователей, до сих пор существуют «белые пятна» в ее разработке. Это, прежде всего, вопросы, связанные с освещением позиций русской и японской публицистики при оценке дальневосточной политики России и Японии и эпизод 1859 г. - переговоры Н.Н. Муравьева-Амурского в Эдо. Между тем, источниковый материал позволяет более подробно рассмотреть вышеизложенные проблемы.

3. Японская историография, опираясь на архивные материалы своей страны, прежде всего стремиться доказать два момента: во-первых, что «северные территории» никогда не являлись предметом интереса России XIX в. и всегда принадлежали Японии. И, во-вторых, Япония уступила

свои права на Сахалине только благодаря усиленному, агрессивному на- тиску России, с которой Япония того периода соревноваться не могла.

4. Американская историография русско-японских отношений делает попытку дать непредвзятый анализ позиций Японии и России. Однако эту задачу американская историография выполняет лишь отчасти. Среди исследований существуют труды, которые дают новые подходы к этой сложной проблеме и отличаются своеобразием и весьма убедительной логикой и аргументацией. Вместе с тем во многих научных работах американских исследователей продолжает детерминировать концепция агрессивной внешней политики России в XIX в.

5. Налицо сближение позиций отечественной и японо-американской историографии по вопросу атмосферы подписания договоров второй половины XIX в. между Россией и Японией, первооткрытия и первозаселения Сахалина и Курильских островов. Это говорит о желании многих исследователей объективно рассматривать исторические факты, а не интерпретировать их в угоду политической действительности своих стран.

Настоящая работа базируется на широком круге источников, который позволил рассмотреть проблему становления русско-японских отношений в середине XIX в. в широком спектре. Используемые в данной работе источники можно условно разделить на четыре группы, имеющие специфические черты и особенности.

Первую группу составляют опубликованные законодательные и делопроизводственные документы. К законодательным документам относятся такие нормативные акты как международные договоры¹²². В специальных изданиях посвященных внешнеполитической деятельности России и становлению русско-японских отношений опубликованы тексты русско-японских торговых трактатов и соглашений по границе 1855, 1858, 1862, 1867 и 1875 гг., которые дают возможность проанализировать результаты российской внешней политики¹²³. Делопроизводствен-

ные документы (инструкции, распоряжения, донесения, отчеты и справки посольств и консульств, внешняя и внутренняя переписка послов, министров иностранных дел и глав государств) дают более полное представление о механизмах принятия того или иного внешнеполитического решения. Опубликованный в 1991 г. текст дополнительной инструкции Николая I графу Е.В. Путятину, позволил понять логику поведения дипломата на переговорах в Симода. Благодаря этому документу версию о том, что Е.В.Путятин нарушил данные ему инструкции и фактически предал интересы России¹²⁴, можно подвергнуть сомнению, так как заключенное им соглашение 1855 г. полностью соответствовало указаниям правительства. Биограф генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского И.П. Барсуков, ввел в научный оборот многочисленные донесения генерал-губернатора Александру II, великому князю Константину и министру иностранных дел А.М. Горчакову о положение дел на Дальнем Востоке, целях, подготовке и ходе переговоров между Россией и Японией в Эдо в 1859 году¹²⁵. Изданые отчеты Е.В. Путятина и Н.Н. Муравьева позволяют исследовать обстановку проведения переговоров 1854-1855, 1859 гг., выявить мотивы, которыми руководствовались отечественные дипломаты идя на те или иные уступки японским уполномоченным¹²⁶.

Ко второй группе источников отнесены мемуары и воспоминания участников и очевидцев становления русско-японских отношений, а также весьма ценные личные впечатления русских путешественников и публицистов о событиях, которые они наблюдали во время своего пребывания в Японии. Важный материал о переговорах Е.В. Путятина с японскими представителями в 1853 - 1854 гг. был дан в корреспонденции русского писателя - участника этой дипломатической миссии И.А. Гончарова¹²⁷, прикомандированного к посольству в качестве секретаря. Эти путевые заметки впоследствии были включены в его произведение

«Фрегат «Паллада». Данные публикации были изучены и использованы для выяснения общей обстановки, в которой происходили переговоры в Нагасаки. Они дали возможность согласиться с выводами отечественной историографии о мирном характере ведения переговоров российской стороной, но в тоже время подвергнуть сомнению вывод о враждебной настроенности Японии по отношению к России. И, следовательно, побудили искать другие причины, заставившие Е.В. Путятину при заключении первого договора не настаивать на признании острова Сахалин полностью российской территорией.

Интересные сведения о Японии и ее отношениях с другими странами имеются в мемуарных работах и дневниковых записях начальников тихоокеанской эскадры Е.В. Путятина, А.А. Попова, И.Ф. Лихачева, И.И. Ендогурова, А.К. Кузнецова; морских офицеров И.М. Линденберга, Ф.П. Литке, П.А. Зарубина, И.А. Болтина, А.А. Мусина-Пушкина, В.А. Римского-Корсакова, К.Н. Посьета, П.В. Казакевича; врачей и служащих консульства в Хакодате Альбрехта, И.А. Гошкевича, Е. Пеликаны, опубликованных в периодических изданиях¹²⁸. Их авторы приводят важный материал о внутреннем положении Японии, обострении экономического и политического кризиса в этой стране, о росте антииностранного движения, связанного с бесчинствами иностранцев в Японии; приводятся так же некоторые данные о ходе русско-японских переговоров и о реакции японских дипломатов на русские предложения по границе. Данные публикации так же изобилуют подробным пересказом и многих японских источников.

Опубликованные воспоминания Б. Струве, служившего при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве чиновником по особым поручениям, являются особенно важными для формирования общего представления о деятельности российской дипломатии во второй половине XIX века¹²⁹. Здесь изложена не только дипломатическая история

подготовки и ведения переговоров 1859 г., но и, что особенно ценно, отражены разногласия по этому вопросу в русских правительственные сферах. В этой связи, большое значение имеют так же дневник великого князя Константина Николаевича и его переписка с братом – императором Александром II¹³⁰. Эти материалы позволяют выяснить детали протекающих процессов и определить причины, которыми руководствовался Александр II, определяя в целом имперский внешнеполитический курс на Дальнем Востоке.

К третьей, наиболее значительной группе отнесены неопубликованные документы, посвященные теме исследования, которые содержится в архивах города Москвы. Основная часть материала сосредоточена в фондах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), но немаловажное дополнение к нему составляют документы Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ).

Наиболее обширные сведения для выяснения целей и методов дальневосточной политики России содержится в **Ф. 161. СПБ. ГА АВПРИ**. Он содержит большое количество правительственные документов, материалы особых совещаний по приамурским делам и дальневосточной политике русского правительства. Среди документов имеются так же протоколы русско-японских переговоров 1853 – 1855, 1858, 1859, 1862, 1867, 1872 – 1873 и 1874 – 1875 гг. Они носят почти стенографический характер и представляют большую ценность для историка, так как отражают не только содержание переговоров, но и обстановку в которой они протекали. Особое место занимают докладные записки МИД, генерал-губернатора Восточной Сибири, военного губернатора Приморской области. Большинство документов имеются в подлинниках, за исключением бумаг, направленных в адрес других ведомств.

Большой интерес представляют вырезки из английских газет: «Weekly Mail», «Japan Daily Herald» так как они позволяют проанализи-

ровать реакцию общественности западных стран на заключение русско-японских договоров по границе.

Официальные документы Министерства иностранных дел содержатся в **Ф. 150 Японский стол, Ф. 137 Отчеты МИД России, Ф. 148 Тихоокеанский стол, Ф. 143 Китайский стол АВПРИ**. Они включают ежегодные всеподданнейшие отчеты МИД, а так же инструкции МИД русским представителям в Японии, их донесения и переписку с японскими властями, проекты и подлинники русско-японских соглашений 1855, 1857, 1858, 1862, 1867, 1875 гг., ратификационные грамоты. Особенно интересны официальные отчеты МИД императору, так как они содержат не только рапорты о деятельности Азиатского департамента России, но и подробнейший анализ внутриполитической ситуации в Японии, характеристику деятельности ее правительства и усилий японской дипломатии во внешнеполитических отношениях с США, европейскими странами и Россией.

Материалы о деятельности консульств в Хакодате, в Нагасаки и посольства в Токио, а так же рапорты начальников сахалинского отряда и командиров судов, содержатся в **Ф. 268 Консульство в Нагасаки, Ф. 195 Посольство в Токио, Ф. 300 Консульство в Хакодате АВПРИ**. **Ф. 268 Консульство в Нагасаки** содержит переписку МИД России с дипломатическими представителями, циркуляры Азиатского департамента и переписку российского консульства с губернатором Нагасаки. Эти материалы позволяют выявить отношение западных дипломатов к политике российского правительства и реакцию на нее со стороны японских властей. **Ф. 195 Посольство в Токио**, кроме переписки МИД России со своими представителями в Токио, содержит значительный материал о подготовке переговоров 1875 г. в Петербурге. Что дает возможность проследить не только ход переговоров, но и выявить причины, по которым русское правительство решилось обменять все Курилы на остров

Сахалин и определить реакцию российского общества на заключение договора 1875 года¹³¹. Ф. 300 *Консульство в Хакодате*, представляет разнообразный материал о русско-японских отношениях 1858 - 1872 гг. Здесь находятся инструкции МИД первому консулу России И. А. Гошкевичу, протоколы переговоров с Японией в августе 1862 г. о Сахалине; протоколы переговоров директора Азиатского департамента Н.П. Игнатьева с японскими представителями в январе - феврале 1867 г. по поводу острова Сахалин, инструкции, данные МИД С.К. Бюзову по этому же вопросу, его депеши о проекте обмена территориями между Россией и Японией.

Журналы Особых совещаний являются особо важным источником, позволяющим изучить не только общее направление внешней политики правительства в отношении Японии, но и мнение конкретных представителей правящих кругов России по этому вопросу. В этой связи дополнительным источником информации являются материалы, предоставленные ГАРФ. Так, Ф. 730, представляющий собой личный фонд директора Азиатского департамента Н.П. Игнатьева, содержит не только Журналы заседаний особого комитета по рассмотрению вопросов о взаимоотношениях России и Японии (Д. 479), но и аналитические записки Н.П. Игнатьева, в которых он исследует отношения России со странами Дальнего Востока и предлагает свои варианты развития внешнеполитической доктрины империи (Д. 507, 509). Из этих документов видно, что в 50-х гг. XIX в. у Н.П. Игнатьева сформировалось убеждение, что главным внешнеполитическим противником России является Великобритания. Тогда же он пришел к выводу о необходимости активизации политики России на Дальнем Востоке, однако, министр внешней политики России А.М. Горчаков не разделял этой убежденности, что явственно видно из их переписки, сосредоточенной в Д. 2133.

Чрезвычайно важными, на мой взгляд, являются также документы, собранные в **Ф. 722** и хранящиеся в ГАРФ. По своему составу фонд является личным архивом великого князя Константина Николаевича. Великий князь Константин играл большую общественно-политическую роль в жизни Российского государства, занимая ряд ответственных должностей в его управление. В том числе с 1851 г. он был управляющим Морским министерством и флотом на правах министра, хотя утверждение его в этой должности произошло только в 1855 г. Служебная деятельность великого князя была довольно широкой и многосторонней, поэтому документальные материалы, освещдающие ее, были разбиты на 6 подразделов. В данном случае, особый интерес представляют собой материалы, заключенные во II подразделе этого фонда, в который отнесены документы, связанные с деятельностью великого князя по морскому ведомству. Здесь хранится переписка, рапорты, донесения и доклады о состоянии флота и передвижении экспедиций, приказы и распоряжения Константина Николаевича и других флотских начальников, материалы, посвященные вопросам внешней политики России. Ценнейшие сведения о дипломатической и военной истории присоединения Приамурья и территорииального размежевания с Японией, о разногласиях по этому вопросу в русском правительстве, отражены в переписке великого князя с российскими послами в Японии - Е.В. Путятиным и Н.Н. Муравьевым (Д. 190, 431, 437, 482).

Оценку российской и западной общественностью событий внутриполитической жизни Японии и характера русско-японских отношений можно изучить по материалам **Ф. 139 2-ая (газетная) экспедиция Канцелярии МИД России** и **Ф. 143 Китайский стол (Д. 23а), АВПРИ**. В них собраны вырезки из многочисленных, в первую очередь, иностранных газет того времени, приложенных к донесениям русских посланников из-за границы. Причем статьи из японских газет присланы, как пра-

вило, в переводе, а статьи на европейских языках приложены в подлиннике – в виде газетных вырезок.

В целом, все архивные материалы дают полное представление о характере политики России в отношении Японии, о стремлении российской дипломатии мирным путем разрешить вопрос о государственной принадлежности острова Сахалин, о готовности в этих целях пойти на максимальные уступки. Подобная политика диктовалась желанием России избежать конфликтов с Японией и не допустить, чтобы США, Англия и Франция использовали ее территориально в качестве антируссского форпоста на Дальнем Востоке. Именно в силу этих причин, Россия добивалась мирным путем восстановления своих прав на остров Сахалин, имевший для нее исключительное стратегическое и экономическое значение. Из исследуемых документов так же очевидно, что политика иностранных держав в отношении Японии носила открытый агрессивный характер. Неоднократно в архивных материалах упоминается о стремлении западных держав ухудшить русско-японские отношения и вызвать столкновения между обеими странами по вопросу государственной принадлежности острова Сахалин и границах, что могло бы обеспечить осуществление их собственных планов подчинения Японии.

Последняя, четвертая обширная группа источников представляет собой материалы периодической печати. При изучении внешней политики государства, материалы его периодической печати, дающие возможность проанализировать отношение общественности к курсу правительства, имеют большое значение, так как позволяют оценить публичную сторону международных событий. Вторая половина XIX в. была отмечена повышенным интересом отечественной публицистики к проблемам русско-японских отношений, что было связано с отправкой очередной российской экспедиции к берегам Японии во главе с Е.В. Путятиным и заключением первого официального договора между державами. Эти публи-

кации позволяют понять международную обстановку, в которой происходили переговоры, и определить внутренние мотивы, которыми руководствовались дипломаты обеих стран при заключении очередных соглашений.

В русской прессе в исследуемый период можно выделить следующие политические направления: консервативное, либеральное и революционно-демократическое.

Консервативного направления придерживалась основанная Ф.В. Булгариным в 1825 г. газета «Северная пчела», которая с 1831 г. издавалась и редактировалась им совместно с Н.И. Гречем. «Северная пчела» была официально частной газетой Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча, но фактически, она выступала в роли полуофициального правительственного органа. Вплоть до середины 50-х гг. XIX в. она оставалась одной из самых влиятельных газет, так как являлась единственным изданием, выходившим ежедневно и имевшим право на политическую информацию. В 1860 году «Северная пчела» переходит к П.С. Усову, а в 1864 г. ее издание было прекращено. «Северная пчела» уделяла довольно много внимания отношениям России с Японией. Начиная с 1853 г., с момента отправки в Японию американской экспедиции командора М.К. Перри, в «Северной пчеле» печатались редакционные статьи, обозрения, заметки, освещавшие внутреннее положение Японии, характер ее взаимоотношений с западными державами и Россией.

Ведущим органом консервативного направления в прессе являлись и «Московские ведомости», которые отражали мнение крупной буржуазии центрального района и юга России, а так же части дворянства, которое стояло за систему высоких таможенных пошлин. Интересы этих слоев общества не всегда совпадали с политикой правительства, поэтому «Московские ведомости» часто представляли собой «орган консервативной оппозиции». Во главе «Московских ведомостей» стоял М.Н. Катков, ко-

торый пользовался расположением и поддержкой правительства, а его газета являлась одним из самых влиятельных органов того времени. Кроме «Московских ведомостей», М.Н. Катков издавал еще журнал «Русский вестник» и газету «Современная летопись», которые так же выступали с консервативных позиций. Как «Русский вестник», так и «Московские ведомости», проявляли интерес к вопросам внешней политики, в том числе и к отношениям между Россией и Японией. Об этом свидетельствует появление на их страницах большого количества материала по японской тематике. Важно отметить, что издания М.Н. Каткова одними из первых заговорили о слабости русских позиций на Дальнем Востоке, о необходимости более активных действий в этом районе, критиковали МИД за нерешительность и вялость в проведении дальневосточной политики.

Буржуазное направление консервативной прессы возглавляла газета «Новое время». Она стала издаваться с конца 60-х годов и выходила до 1869 г. пять раз в неделю, а с 1869 г. ежедневно. С переходом в 1876 г. в руки А.С. Суворина, «Новое время» становится одной из наиболее распространенных и внимательных русских газет. Если 1 марта 1876 г. тираж ее составлял всего 3 тыс. экземпляров, то в конце года – 16 тыс.¹³². Некоторое время А.С. Суворин вел газету в либерально-оппозиционном духе, что увеличило число подписчиков, но в конце 70-х годов - резко изменил позицию, превратив ее в консервативный орган. Современники, характеризуя «Новое время», отмечали связь этой газеты с правительственные сферами. Так, Н.В. Шелгунов писал: ««Новое время» есть настоящий внутренний официоз»¹³³.

Официальным органом морского министерства являлся ежемесячный журнал «Морской сборник». Но так как стоявший во главе ведомства великий князь Константин Николаевич был одним из наиболее горячих поборников реформ, и общей цензуре «Морской сборник» не подлежал,

то он пользовался гораздо большей свободой, чем другие органы печати и принадлежал к числу самых чутких журналов того времени. Именно на его страницах вышло наибольшее количество статей, посвященных русско-японским отношениям. Журнал публиковал рапорты и отчеты начальников Тихоокеанских экспедиций; письма и воспоминания морских офицеров и путешественников, побывавших в Японии; перепечатывал заметки зарубежной прессы, посвященные событиям на Дальнем Востоке, а так же издавал аналитические статьи, посвященные характеристики позиций России на Тихом океане.

Признанным лидером либеральной прессы считалась газета «Голос», основанная А.А. Краевским в 1863 г. «Голос» отражал интересы либеральных буржуазных кругов и крупного чиновничества. Тираж газеты в начале 60-х годов составлял 5 тыс. экземпляров, а в 1877 г. – уже 22 632 экземпляра¹³⁴. На своих страницах газета довольно часто обращалась к теме освоения Россией дальневосточных окраин. Чаще всего ей посвящались передовые статьи. Очень живо «Голос» интересовался событиями, происходившими в Японии накануне Мэйдзи исин, ходом гражданской войны в Японии и дальнейшими реформами в этой стране. «Голос» практически в каждом номере печатал на своих страницах переводы статей иностранной прессы.

Издававшаяся поочередно Н.С. Мундтом, В.С. Генкелем, а с 1869 г. П.В. Гайдебуровым, газета «Неделя» (выходившая в Петербурге в 1866 - 1901 гг.) ориентировалась на провинциальную интеллигенцию, мелкое чиновничество и не крупных земельных собственников. Тираж ее к 90-м годам XIX в. составлял около 16 тыс. экземпляров¹³⁵. Газета много писала о переориентации внешней политики России с Ближнего на Дальний Восток, указывала на необходимость расширения контактов с дальневосточными странами, в том числе и с Японией. «Неделя» проявляла большой интерес к событиям внутри- и внешнеполитической жизни

Японии, с которой она связывала определенные надежды на развитие дальневосточных окраин России.

Журналы «Современник», «Отечественные записки» и «Дело» можно отнести к революционно-демократическому направлению этого времени. Японская тематика в «Современнике» и «Отечественных записках» представлена публикациями о политике западных держав в Японии и рецензиями на работы западноевропейских ученых и путешественников. Для этих журналов характерно резко критическое отношение к агрессивной политике западных держав в Японии. Много материалов о Японии печатал журнал «Дело». Особый интерес представляет опубликованная в нем в 1876 г. в нескольких номерах книга Л.И. Мечникова «Эра просвещения Японии». Это было одно из первых крупных исследований на русском языке событий 1868 г. в Японии, которые характеризовались как революционные.

Таким образом, обширный материал русской прессы и публицистики охватывает вопросы социально-экономического развития и государственно-политического устройства Японии, ее внешнюю политику и культуру. Они так же позволяют исследовать общественный резонанс на дальневосточную политику русского правительства.

В целом необходимо отметить, что комплексное применение архивных и опубликованных официальных правительственные документов, официальной и неофициальной переписки, мемуаров, документов личного характера и материалов прессы, позволило исследовать в целом весь механизм осуществления дальневосточной политики России и решить, поставленные в диссертационном исследование задачи. А именно:

- проанализировать исторические особенности формирования межгосударственных отношений между Россией и Японией;

- определить цели и методы дальневосточной политики России и Японии в свете новых, ранее не опубликованных, архивных материалов;
- выявить причины и проследить на каких основаниях, и при каких условиях та или иная спорная территория переходила из рук в руки по договорам XIX в. (Симодский трактат 1855 г. и Санкт-Петербургский договор 1875 г.) и как Россия и Япония фиксировали в официальных документах свое понимание отказа от той или иной их части;
- определить степень влияния общественного мнения России и Японии на практическую деятельность дипломатов при решении проблемы пограничного размежевания на Дальнем Востоке.

Глава I. Первые официальные контакты России и Японии.
1855 – 1858 гг.

§ 1. Япония в дальневосточной политике России.

В международных отношениях первой половины XIX в. Россия играла весьма активную роль, которая не исчерпывалась ее участием в бурных европейских событиях той эпохи. Задачей большого значения в планах русской дипломатии признавалось установление политических и торговых связей со странами Дальнего Востока. Однако внимание Петербурга к дальневосточному региону никогда не было устойчивым, систематическим и ясным в своих целях и стремлениях, а изменялось с каждым новым направлением внутренней и внешней политики. Такая тенденция в особенности ярко и часто проявилась в контактах России с Японией.

Первые серьезные отношения с этой страной относятся к концу XVIII в. (посольство А.Э. Лаксмана в Японию). Но враждебные действия экспедиции Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова в 1806 - 1807 гг. на Курильских островах, последовавшие вслед за неудачной попыткой второго русского посольства во главе с Н.П. Рязановым, заключить торговый договор с Японией в 1803 - 1806 гг., привели японское правительство к выводу о необходимости укрепить охрану морского побережья военными гарнизонами на юге Курил и Сахалина¹. Даже последующее объяснение Петербурга, что действия Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова не были санкционированы русским правительством, не изменило решения бакуфу о том, что любые переговоры с Россией, как о границах, так и о торговле, идут вразрез с законами об изоляции страны. В связи с этим все последующие попытки России завязать торговые отношения с Японией заканчивались неудачей², которая, по-видимому, окончательно убедила русское правительство и торгово-промышленные круги в невозможности

завязать какую-либо прочную торговую связь с Японией. «Эта страна, — писал впоследствии журнал «Москвитянин», характеризуя положение Японии в период сегуната, — как будто очертила около себя заколдованный круг, через который нет никакой возможности переступить»³.

Наряду с этим, на прекращение стремления Петербурга к берегам Японии оказали влияние и те донесения знаменитых мореплавателей — Ж. Лаперуз, В. Броутона и И.Ф. Круzenштерна, которые утверждали, что Сахалин — полуостров, а устье Амура занесено песками и не может быть использовано как база для развития русской торговли в водах Тихого океана. Судя по этим ошибочным заключениям, Дальний Восток казался непригодным для заселения и экономического развития, в виду отсутствия открытого выхода в море.

Польское восстание 1831 г., вмешательство России в турецко-египетский конфликт в 1833 г., восстание на Кавказе, начавшееся в 1834 г. и волна революционных движений в Западной Европе — так же отвлекли взоры русского правительства от Дальнего Востока и Японии. Уверенность в невозможности выхода русских судов в Тихий океан, заставляет официальный Петербург бросить все свои силы на решение проблемы выхода в Атлантику, тем более что в 1841 г., подписанная новая конвенция по проливам лишила Россию привилегированного положения в Средиземном море.

Насколько упал интерес Петербурга к Дальнему Востоку, видно из того, что правительство России сочло возможным расстаться с русской колонией Росс (Калифорния) в Америке. «Наша слабость в пределах Тихого океана дошла до того, — отмечал русский исследователь С.И. Новаковский, — что в начале 40-х годов появилась целая флотилия китобойных судов, вывозивших на десятки миллионов рублей различных богатств из тех наших владений, где мы лишь прозябали в течение многих лет и не извлекали никакой пользы. Эти дерзкие китобои беспощадно

грабили берега Камчатки, Беренговых островов и других наших владений, а иногда совершали набеги и на «укрепленный» Петропавловск»⁴.

Крайняя инертность дальневосточной политики России волновала широкую общественность: «В русском обществе стали подниматься темы о неподготовленности нашего правительства к мировым событиям, о нашей экономической и политической слабости на берегах Великого океана, об ошибках нашей дипломатии в продаже колонии Росс и о возможной потере Приамурского края и тому подобное. Все эти толки вскоре дошли до Николая Павловича. Некоторые утверждают, что статья Н.А. Полевого, помещенная в «Северной пчеле» о русских потерях и приобретениях в продолжение царствования дома Романовых возбудила внимание Николая I, особенное же впечатление на него произвело упоминание Н.А. Полевого о возможной полнейшей потери реки Амур»⁵. Но интерес Николая I к Дальнему Востоку вспыхнул вновь не только под влиянием общественных настроений, как отмечал С.И. Новаковский. В августе 1842 г. было подписано торговое соглашение между Англией и Китаем в Нанкине, которое нанесло серьезный урон кяхтинской торговле России: доставка китайского чая в Европу на английских кораблях оказалась дешевле, чем по суше через Иркутск. Таким образом, упадок русско-китайской торговли через Кяхту дал толчок к вниманию правительства к делам на Дальнем Востоке.

В 1843 г. был составлен Особый комитет, которому поручалось обсуждение мер к поддержанию кяхтинской торговли. Комитет этот предложил отправить русское посольство в Кантон и заключить с Китаем торговый договор аналогичный, заключенному Великобританией. Один из членов Сибирского комитета граф Е.В. Путятин предложил снарядить экспедицию не только в Китай, но и в Японию. Он представил на рассмотрение комитета докладную записку, в которой говорил о необходимости отправить русскую миссию прямо в Эдо, чтобы избежать интриг

голландцев и вступить в непосредственные переговоры с центральными властями. Е.В. Путятин так же настаивал на необходимости проверить утверждения ряда мореплавателей (Ж. Лаперуза, В. Броутона и И.Ф. Круzenштерна) в том, что лиман в устье Амура недоступен для морских судов и что Сахалин – полуостров, не имеющий на западном берегу удобных гаваней. Он считал, что следует спешить с разрешением этих задач, пока англичане не определили русских⁶. На основании его предложений Сибирский комитет подал 16 апреля 1843 г. на утверждение Николая I проект будущей экспедиции в Китай и Японию. Е.В. Путятину предписывалось «по окончании дел с Китаем, явиться в один из японских портов по его усмотрению, как посланному от российского правительства, для открытия дружеских отношений с японцами, действовать по обстоятельствам, но иметь в виду осторожность во всех поступках»⁷.

Однако идея посылки экспедиции встретила противодействие со стороны министра иностранных дел К.В. Нессельроде и министра финансов Ф.П. Вронченко. К.В. Нессельроде опасался, что экспедиция в Китай и лиман Амура вызовет недовольство Англии и разрыв отношений с Китаем, при этом она не принесет пользы, так как знаменитые мореплаватели доказали, что лиман Амура недоступен для морских судов. Ф.П. Вронченко строил свои возражения исходя из интересов купцов и владельцев мануфактур, торговавших с Китаем через Кяхту. Уже 17 августа он представил докладную записку следующего содержания: «отправление экспедиции в Китай и Японию едва ли соответствует настоящему положению наших торговых дел, ибо 1. морская торговля по состоянию нашего судоходства представляет выгоды отдаленные. Она не может помешать торговле кяхтинской, но попытка портовой торговли может расстроить последнюю и дать китайцам понять, что одну хотят заменить другой; 2. экспедиция будет стоить от 250 тыс. до 340 тыс. рублей, что вчетверо более того, во что обходились прежние экспедиции и 3. едва ли

полезно предпринимать такое дело, которое и при успехе может остаться без последствий»⁸. По мнению Ф.П. Вронченко русские купцы не в состоянии еще были соперничать с англичанами в китайских портах, а начать торговлю с Японией невозможно, в силу политики изоляции, которую проводит ее правительство, поэтому он предлагал Николаю I отложить подготовку экспедиции «по крайней мере, до будущего года».

Эта записка была передана 18 августа 1843 г. министром иностранных дел Николаю I, который, согласившись с доводами противников этой миссии, предписал отложить ее до будущего года. Через некоторое время Николай I изменил свое решение, предписав «отложить на неопределенное время отправление военных судов к китайским берегам с контр-адмиралом Е.В. Путятиным и все приготовления к этой экспедиции делаемые по морскому ведомству, прекратить»⁹.

В правительственные сферах России существовало два течения, спорящих о направлениях русской восточной политики: одно стояло за дальневосточное направление, которое должно было выражаться в стремлении России заключить торговые договоры с Китаем и Японией, и направить все усилия к возможно скорейшему присоединению Амура, как базы для развития экономической и политической мощи в пределах Тихого океана, другое - настаивало на том, что Россия свои основные усилия должна направлять на укрепления позиций на Средиземном море, а приобретение и содержание дальневосточных окраин ложится тяжким бременем на государственные финансы и не дает возможность правительству эффективно развивать ближневосточную политику. Первой точки зрения придерживались инспектор внутренних дел Л.А. Перовский, начальник главного морского штаба А.С. Меньшиков, ответственный чиновник Морского министерства В.А. Перовский, граф П.Н. Киселев, заведующий министерством государственных имуществ, генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев. Канцлера России

К.В. Нессельроде в его решении не тратить времени и средства на проблемы Дальнего Востока, поддерживали министр финансов Ф.П. Вронченко, директор азиатского департамента Л.Г. Сенявин и граф В.Н. Панин¹⁰.

Сильное противодействие канцлера К.В. Нессельроде не дало возможности реализовать и второй проект экспедиции в Японию, который в апреле 1844 г. адмирал И.Ф. Крузенштерн представил Николаю I. И.Ф. Крузенштерн доказывал, что пример Китая, который был вынужден открыть порты, заставит и Японию пересмотреть свои позиции в отношении политики изоляции и открыть свои порты для русских судов в целях развития взаимовыгодной торговли, и предупреждал, что англичане, за владев китайским рынком, могут опередить Россию и в Японии. Предвидя обычные затруднения, он добавлял, что экспедиция в Японию не требует больших расходов¹¹. Однако, К.В. Нессельроде напомнил Николаю I о мотивах отсрочки в 1843 г. экспедиции Е.В. Путятиной и тем самым разрушал надежды И.Ф. Крузенштерна на организацию экспедиции: 26 апреля 1844 г. император подтвердил свое прежнее решение, написав резолюцию на докладной записке И.Ф. Крузенштерна: «отложить на неопределенное время, а адмирала благодарить».

18 мая 1850 г. адмирал П.И. Рикорд, хорошо знавший обстановку на Дальнем Востоке, представил Николаю I еще один проект организации посольства в Японию и предложил свои услуги в качестве посла, ссылаясь на рекомендации В.М. Головнина. Он указывал, что торговля с Японией в значительной мере разрешит проблемы обеспечения Камчатки и Восточной Сибири продовольствием. Однако К.В. Нессельроде и его сторонники убедили Николая I в несвоевременности реализации и этого проекта¹².

Таким образом, в правительственные дебатах сторонники дальневосточного направления внешней политики России проигрывали свои по-

зации. Несомненно вопрос о приоритетах внешней политики еще долгое время оставался бы *in status quo*, если бы не географические открытия амурской экспедиции 1849 – 1851 гг. совершенные во главе с Г.И. Невельским, установившие судоходность Амура и доказавшие островное положение Сахалина. Успешное проведение этой экспедиции произошло благодаря генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву, который без санкции верховного правительства финансировал этот проект, ибо понимал, что только серьезные географические аргументы убедят Николая I в правоте сторонников дальневосточной партии¹³. Таким аргументом стал остров Сахалин, который теперь стал рассматриваться как естественная граница Приморья, ключ к устью Амура и оплот обороны всего Дальнего Востока. Этот регион стал чрезвычайно важен для России в политическом отношении, а международная ситуация, сложившаяся к середине XIX в. в этом районе, предопределила необходимость активного вмешательства Петербурга, так как пассивность властей привела бы к нарушению стабильности и безопасности государственных границ и ограничению торговли.

В середине XIX в. с открытием гаваней Китая и колонизации Калифорнии и Австралии, международная обстановка на Тихом океане существенно изменилась: великий океан стал превращаться в мировой торговый путь, втягивающий в свою орбиту и азиатские страны. Этому способствовало и создание пароходных линий, связывающих Европу и Америку с Азией через Тихий океан. Одним из основных направлений колониальной экспансии США, Англии и Франции стала Япония, которую предполагалось использовать, как опорную базу в борьбе за Китай и рынок сбыта своих товаров. Англичане и американцы все активнее исследовали западное побережье Тихого океана, проявляя особый интерес к русским владениям на Камчатке, Сахалине и Курильских островах, рассчитывая на захват там удобных гаваней для своей экспедиции в се-

веро-восточной Азии. 20 февраля 1852 г. Н.Н. Муравьев в письме генерал-адмиралу великому князю Константину отмечал, что существует опасность превращения Китая и Японии в колонии Англии и США: «Китай и Япония делаются постепенно добычей англичан и американцев; миссии этих предприимчивых народов быстро осуществляются; об английских пароходах я уже говорил прежде; американские, по проекту Пальмера, в будущем уже лете понесутся по океану в Японию и готовые к бою»¹⁴.

Стремление Англии и США проникнуть на рынки Китая и Японии¹⁵, вызывало беспокойство и в общественных кругах России, что нашло свое отражение в публикациях отечественной прессы, которая старалась следить за действиями западных держав в этом регионе. Особенно взволновало русскую общественность появление сообщения о предстоящей экспедиции США в Японию¹⁶.

США стремились в Японию еще с 30-х гг. XIX в. Готовя экспедиции в эту страну, правительство Соединенных Штатов рассчитывало приобрести не только новые рынки сбыта и топливные базы для китобойных и торговых судов. Большое место в колониальных планах США Япония занимала еще и вследствие ее стратегического положения на Тихом океане. Экспедиция Соединенных Штатов в западном направлении, – писал американский историк Дж. Ленсен, – была тесно связана с их желанием получить все азиатские рынки¹⁷. Именно с этой целью в апреле 1852 г. конгресс США принял решение ассигновать крупную сумму для снаряжения очередной экспедиции в Японию под руководством командора М.К. Перри.

Русское правительство о предстоящей экспедиции американцев узнало из прессы: в газетах и журналах появились корреспонденции, посвященные М.К. Перри. Отечественная периодика характеризовала задачи, стоящие перед американской экспедицией, оценивала ее влияние на бу-

дущую политическую обстановку в тихоокеанском районе, призывая тем самым свое правительство решительно отреагировать на эти сообщения и сохранить государственный престиж, направив дипломатическую миссию в Японию. «Было бы неприлично большим державам, – писал «Морской сборник», – отстать от американцев, или допустить, чтобы Соединенные Штаты заключили за них условия с державой столь значительной как Япония. Поэтому им необходимо, в свою очередь, вступить в сношение с Японией, заключить трактаты и таким образом доставить этому интересному народу в сношениях с прочими державами, поле гораздо обширнее того, которое может быть открыто одним трактатом»¹⁸.

Заявление правительства США о «защите потерпевших кораблекрушение американских моряков» и «свободной торговле, как цели военной экспедиции М.К. Перри не ввели в заблуждение ни правительство, ни общественность России. Особенно наглядно об этом свидетельствует материалы прессы, довольно точно оценившей задачи американской экспедиции в Японию. Так, «Северная пчела» писала: «Командор Перри командует сильнейшим флотом, какой Америка когда-либо высыпала на Восток, и для миролюбивой цели он, во всяком случае, слишком велик. Он имеет в виду, конечно, не одно гидрографическое описание Индийских, Китайских и Японских берегов, как уверяют в американских официальных газетах»¹⁹. «Современник» подчеркивал, что «не стремление нести цивилизацию в эту страну двигало Соединенными Штатами при попытках завязать дипломатические отношения с Японией, а возрастание интересов американского китоловства в морях Японии»²⁰.

Относительно прогноза результатов предстоящей экспедиции М.К. Перри в русской печати не было такого единства мнений. Так, «Москвитянин», выражавший в основном интересы консервативной части общества, скептически полагал, что американцы не достигнут желаемого успеха, и что японцы «будут жить себе, как жили испокон века и слышать

не захотят о каких-либо нововведениях или о ближайших сношениях с иностранцами»²¹. Менее скептично был настроен «Морской сборник»: официальный орган морского министерства выражал надежду, что М.К. Перри, удастся подписать трактат, который предоставил бы американцам «право торговли в некоторых портах Японии, а также дозволения иметь складочное место запасного угля для пароходов»²².

Информация, появившаяся на страницах отечественной печати не оставалась без внимания правящих кругов России. Петербург тщательно анализировал значение и последствия открытия Японии для внешних сношений. Стремление западных держав заключить торговые договоры с Японией, однозначно принималось русской дипломатией как желание колонизировать эту страну, сделать ее политически зависимой, прежде всего от США и Англии. Для России же, желающей сохранить *status quo* в Тихоокеанском регионе, особенно важно было, чтобы Япония осталась лояльным и политически самостоятельным соседом. Однако Россию в это время толкали на сближение с Японией не столько политические, сколько экономические интересы: население русских дальневосточных окраин и тихоокеанских владений остро нуждалось в продовольствии, которое было удобнее всего завозить из Японии. Русские суда на Тихом океане нуждались в портах, где они могли бы производить необходимый ремонт и пополнить запасы угля. Эти обстоятельства требовали определенных мер по урегулированию взаимоотношений с Японией. Поэтому навряд ли оправданы попытки утверждать, что «Россия в эти годы больше всего была заинтересована в урегулировании с Японией своих спорных пограничных вопросов»²³. Соображения сохранения государственного престижа, о чём писала пресса, так же служили дополнительным аргументом в пользу необходимости отправки экспедиции в Японию.

Таким образом, сторонникам дальневосточного направления внешней политики России удалось одержать верх над своими соперниками в правительстве и убедить Николая I принять меры к укреплению позиций России на Тихом океане и, в частности, добиться открытия портов Китая и Японии для русских судов. Для выработки политического курса в данном вопросе в 1852 г. был утвержден Особый комитет по азиатским делам, который определил основные цели дальневосточной политики России.

1. Присоединение земель в Приморье, издавна освоенных русскими землепроходцами.
2. Установление фиксированных границ с Китаем и Японией и налаживание дипломатических и торговых отношений с ними.
3. Освоение дальневосточных территорий и выход российского флота в Тихий океан.

7 мая 1852 г. Особый комитет принял решение возобновить подготовку экспедиции в Японию во главе с послом вице-адмиралом, генерал-адъютантом Е.В. Путятиным для установления с Японией (после переговоров о торговле с Китаем) торговых и дипломатических отношений.

§ 2. Российское посольство Е.В. Путятин в Японию.

Учрежденный 24 апреля 1852 г. в Петербурге Особый комитет для обсуждения вопросов политики России на Дальнем Востоке, первоочередной задачей в этом направлении считал организацию российского посольства в Китай и Японию для установления торговых и дипломатических отношений с этими странами. В связи с этим уже в начале мая министерство иностранных дел представило в комитет «Записку по японским делам». В ней указывалось на давнее стремление США вступить в торговые отношения с Японией, усилившееся после колонизации Калифорнии и бурного развития там торговли и промышленности, а

также в связи с увеличением количества американских китобойных судов, нуждающихся в якорных стоянках у японских берегов. В «Записке» подчеркивалось, что прежние миролюбивые попытки американского правительства открыть двери Японии окончились полной неудачей, поэтому оно решило отправить новую экспедицию, которая бы числом судов и вооружения могла бы устрашить японское правительством и побудить его дать согласие на требование американцев. МИД отмечал так же, что Россия ввиду близости ее владений от Японии, неоднократно пыталась установить с ней дипломатические отношения, но убедилась, что хотя «народ японский вообще желал бы сближения с Россией, правительство же их, по закоренелым своим предубеждениям против иностранцев, упорствует в прежней системе отчуждения». На этом основании Особому комитету рекомендовалось обсудить какие меры могут быть приняты правительством, чтобы обеспечить в будущем для русской торговли некоторые выгоды, которые американцы без сомнения приобретут, принудив японцев к разным уступкам в свою пользу²⁴.

7 мая Особый комитет рассмотрел эту «Записку» и пришел к следующему заключению. 1. Отправить не позднее, октября месяца фрегат из Кронштадта в Японию и ассигновать на эту экспедицию около 25 тыс. рублей серебром, причем не скучиться на расходы, ибо перед экспедицией поставлены важные задачи. 2. Назначить начальником экспедиции Е.В. Путятину, который приобрел морской опыт при двукратном плавании вокруг света и собрал, в связи с предполагавшейся экспедицией 1843 года, сведения о Китае и Японии. 3. Генерал-адъютант Е.В. Путятин должен склонить японцев к предложениям на открытие с Россией дружеских и торговых связей мирным путем посредством одних переговоров²⁵.

23 августа Николай I утвердил инструкцию МИД, данную Е.В. Путятину, в которой в очередной раз подчеркивалось, что только мирным

путем русская экспедиция должна убедить японское правительство в выгоде торговых и политических связей между двумя соседними державами и добиться открытия, хотя бы, одной гавани для русских судов. Е.В. Путятину предлагалось настоять на открытии порта в северной части японских островов, чтобы избежать в будущем конкуренции с английскими и американскими предпринимателями. Одновременно, Е.В. Путятину следовало бы получить разрешение для русских судов посещать те порты, которые будут открыты для иностранцев. Взамен, предложив японцам свободу торговли в русских владениях. В Инструкции подчеркивалось, что Россия в настоящий момент не столь заинтересована в торговле с Японией, как, например, США, но русское правительство считает необходимым получить от Японии те же льготы и привилегии, что и западные страны, ради сохранения престижа нации и ради выгод будущей торговли Камчатки и американских колоний с Японией²⁶.

Рассматривая причины, заставившие русское правительство так настойчиво подчеркивать миролюбивый характер будущей экспедиции, отечественная историография указывает, прежде всего, на два мотива: 1) военная слабость России на Дальнем Востоке, отсутствие у нее сильного флота на Тихом океане; 2) обострение конфликта с Англией и Францией на Ближнем Востоке и, как следствие, невозможность для Петербурга отозвать часть средиземноморской эскадры на Тихий океан. Трудно не согласиться с вышесказанным, но на наш взгляд необходимо учитывать еще один фактор: Николай I стремился построить на Дальнем Востоке новый тип взаимоотношений с соседями, при котором неминуемо возникающие разногласия решались бы не силой оружия, как это постоянно происходило на западных границах, а силой дипломатического таланта консулов и представителей спорящих сторон. Для чего необходимо было правильно начать строительство отношений с Японией и Китаем, имен-

но поэтому Николай I настаивал только на дружелюбном тоне ведения переговоров.

Русская экспедиция в Японию состояла из 4 судов. 7 октября 1852 г. Е.В. Путятин покинул Кронштадт на фрегате «Паллада» - остальные корабли должны были присоединиться к флагману по ходу следования. 31 октября «Паллада» прибыла в Портсмут, где задержалась до 6 января 1853 г. из-за медленных темпов ремонта фрегата и переоснастки ранее приобретенной в Англии паровой шхуны «Восток». Считая опасным плавание в это время года вокруг Южной Америки, Е.В. Путятин изменил ранее намеченный маршрут и отправился к мысу Доброй Надежды. 10 марта суда бросили якорь в бухте Соймонбей и простояли месяц в связи с затянувшимся ремонтом и другими препятствиями²⁷. От офицеров американского парохода «Паугатан», посетившего мыс Доброй Надежды, Е.В. Путятин узнал, что М.К. Перри 12 ноября 1852 г. покинул Норфолк на судне «Миссисипи» и, вероятно, уже прибыл в Макао, где должна сформироваться его экспедиция, в которую войдет эскадра К. Рингольда, в результате чего в западной части Тихого океана соберется 15 американских судов. 8 апреля Е.В. Путятин сообщил об этом директору азиатского департамента Л.Г. Сенявину и подчеркнул, что «из разговоров на этом пароходе видно, что при малейшем сопротивлении американцы готовы действовать вооруженной рукой и что, истратив огромные суммы на снаряжение этой экспедиции, они не воротятся, не достигнув цели»²⁸. М.К. Перри были предоставлены самые широкие полномочия, чтобы опередить другие страны в открытии Японии. Об экспедиции Е.В. Путятина он узнал, находясь в Шанхае, что вызвало у него серьезные опасения: М.К. Перри не хотел делить славу и выгоду первооткрытия ни с одной страной, особенно с Россией, – государством, будущее могущество которого на Дальнем Востоке, его особенно тревожило. В своем дневнике он писал: «захват Японии или управление ею мо-

жет позволить себе только великая держава, типа России, других нет. Россия находится с одной стороны японского архипелага, США с другой. Тихий океан становится великой торговой дорогой. Россия непосредственно не связана с Тихим океаном, но если она получит в Тихом океане порты типа японских, то можно ожидать, что Россия получит контроль над всеми морскими дорогами мира. Поэтому дружеские отношения наши с Японией, наше влияние на Японию должны стать препятствием для будущих планов России»²⁹.

Появлением русской эскадры в Тихом океане было обеспокоено и правительство США. 27 декабря 1852 г. американский посланник в Петербурге Н.С. Браун по поручению Госдепартамента отправил ноту МИД России. Он выразил удивление по поводу командирования русского фрегата с «неизвестной целью» в тот самый момент, когда правительство США довело до всеобщего сведения о посыпки экспедиции для установления «дружеских и торговых отношений с Японией». 10 января 1853 г. К.В. Нессельроде ответил Н.С. Брауну, что русское правительство не делало тайны из отправления судна и не скрывало мотивы, которыми оно руководствовалось. Это мероприятие вызвано необходимостью охраны владений России в Северной Америке и восточное побережье азиатского материка. Русские воды и раньше посещались иностранными судами, но в последнее время стали ареной необычайно активной их деятельности. Опасения правительства, естественно, усилились ввиду посыпки крупной американской экспедиции к берегам Японии, ибо мощность ее вооружения, очевидно, должна соответствовать важности поставленных перед ней задач. Русское правительство узнало о размерах вооружения этой экспедиции и о месте ее назначения только через прессу. Россия намерена сделать попытку, причем сугубо мирного характера, установить обоюдовыгодные отношения с Японией и открыть японские порты для всех держав³⁰. 12 марта 1853 г. Н.С. Браун передал К.В. Нес-

сельроде письмо государственного секретаря США Эдварда Эверетта, в котором говорилось, что «президент счастлив был обнаружить в объяснениях его превосходительства графа К.В. Нессельроде полное подтверждение мнения, существующего в действительности, что у Соединенных Штатов нет основания для беспокойства и, что если значительные силы России будут направлены в Японское море, то наша эскадра может смело рассчитывать на ее дружеское сотрудничество»³¹.

Голландия так же проявляла беспокойство в связи с посылкой русской экспедиции. В апреле 1852 г. бывший врач голландской фактории в Дэсима, немецкий японовед Ф. Зибольд, представил нидерландскому министру колоний Д.К. Брауду докладную записку, в которой привел ряд аргументов в пользу выступления Голландии в качестве посредника в переговорах иностранных держав с Японией. Записка Ф. Зибольда была одобрена³². 8 ноября 1852 г. Ф. Зибольд отправил барону П. Мейендорфу, служившему в МИД России, проект установления русско-японских отношений. Он рекомендовал избрать местом переговоров Нагасаки «чтобы не нарушать японских законов», но при этом имел в виду, что голландцам здесь легче будет следить за действиями русских и оказывать влияние на ход переговоров. Он представил так же проект выгодного для Голландии русско-японского договора. 25 декабря К.В. Нессельроде пригласил Ф. Зибольда в Петербург для обсуждения его предложения³³.

Консультация с Ф. Зибольдом привела к тому, что 24 февраля 1853 г. Николай I утвердил новые письма японским властям, которые должны были заменить уже написанные. Новые письма были датированы тем же числом, что и прежние – 23 августа 1852 г. В новом послании К.В. Нессельроде указывалось, то цель посольства Е.В. Путятину – откровенно разъяснить японскому правительству международную обстановку на Тихом океане и внести предложения, которые помогут избежать в буду-

щем недоразумений между Россией и Японией. События, происходящие на Дальнем Востоке, требуют безотлагательного разрешения вопроса о границах. Русская империя при обширности ее владений не нуждается в новых территориях, но установление государственных границ будет лучшим залогом мирных отношений между обеими странами. Далее К.В. Нессельроде просил выделить несколько гаваней для торговли между русскими и японцами и разрешить судам России заходить в японские порты по пути на Камчатку и в колонии в Северной Америке, если им необходимо будет пополнить свои припасы и совершить текущий ремонт. Указывая, что принятие этих предложений не несет ущерба существенным интересам Японии, К.В. Нессельроде подчеркивал, что «Россия по соседству своему более, нежели другая держава, имеет право на подобные мирные и обоюдовыгодные сношения»³⁴.

В дополнительной инструкции, подписанной Николаем I 23 февраля 1853 г., содержались следующие указания, касающиеся урегулирования русско-японской границы: «Из островов Курильских южнейший, России принадлежащий, есть остров Уруп, которым мы и могли бы ограничиться, назначив его последним пунктом российских владений, так, чтобы с нашей стороны южная оконечность сего острова (как и ныне оно, в сущности, есть) была границею с Японией, что с японской стороны считалась северная оконечность Итурупа... И вы можете объяснить им, что остров Уруп считается границей наших владений в Курильских островах». Особое значение Е.В. Путятин должен был придавать Сахалину. «Этот остров, отмечалось в Инструкции, является ключом к Амуру и может стать добычей какой-нибудь сильной морской державы. Поэтому Е.В. Путятин не должен проводить официальную границу по территории острова, и попытаться получить его весь во владение России³⁵. Но, так как собственно пограничный вопрос не составлял для Петербурга особого значения, как отмечалось впоследствии в отчете азиатского департа-

мента МИД России³⁶, то Николай I рекомендовал «по предмету о границах быть по возможности снисходительными (не проранивая, однако же, наших интересов) имея в виду, что достижение другой цели – торговых выгод – для нас имеет существенную важность»³⁷. Таким образом, из «Проекта дополнительных инструкций» генерал-адъютанту Е.В. Путятину следует, что, во-первых, принадлежность южных Курил Японии Россией не только не оспаривалась, но и полностью подтверждалась, причем абсолютно добровольно и без нажима извне. И, во-вторых, вопрос о территориальном разграничении для России не был основным³⁸. Россия воспользовалась этим обстоятельством, чтобы побудить японское правительство пойти на переговоры, от которых иначе, оно могло бы отказаться, ссылаясь на политику самоизоляции. Россия выдвинула предложения о границах, потому, что русские дипломаты были уверены: Япония не сможет отвергнуть эту тему переговоров из опасения, что в сложившейся ситуации Россия в одностороннем порядке может провести разграничения, но на условиях, которые могли бы нарушить японские интересы. «Самим этим вопросом, - полагал Николай I, - мы можем побудить японское правительство к большей уступчивости»³⁹.

24 февраля Николай I утвердил проект первого договора России с Японией. Основные статьи его были посвящены праву экстерриториальности и принципу наибольшего благоприятствования, а так же торговле русских в открытых портах Японии, которая должна быть под контролем японских чиновников. В проекте подчеркивалось, что Россия не намерена вмешиваться во внутренние дела Японии⁴⁰.

27 февраля представитель МИД России Л.Г. Сенявин писал Е.В. Путятину по поводу утвержденного проекта русско-японского договора, что МИДу пришлось использовать не вполне удовлетворительный проект Ф. Зибольда, хотя, «в министерстве не могли не заметить, что Ф. Зибольд на все смотрел с голландской точки зрения, и при составлении

своего проекта едва ли не заботился более о голландцах, нежели о русских, имея паче всего в виду, чтобы нам не было против голландцев предоставлено больших прав и преимуществ»⁴¹. 28 февраля МИД отправил эти новые инструкции со специальными курьерами К.А. Бодиско и А.С. Кроуном через Панаму и Сан-Франциско на Сандвичевы острова, предупредив о необходимости получения Е.В. Путятиным этих документов до прибытия в Японию.

12 апреля 1853 г. русское посольство покинуло мыс Доброй Надежды, 25 мая прибыло в Сингапур и 13 июня – в Гонконг. Посетив Кантон, Е.В. Путятин узнал от находящихся там американцев, что эскадра М.К. Перри отправилась из Шанхая на Рюкю и, затем, в Японию⁴². 26 июня 1853 г. Е.В. Путятин отправился из Гонконга к архипелагу Бони. 25 июня в гавани Ллойд на острове Пиль собралась вся русская эскадра: фрегат «Паллада», шхуна «Восток», корвет «Оливуда» и транспорт «Князь Меньшиков», на котором прибыли с Сандвичевых островов курьеры А.Е. Кроун и К.А. Бодиско. 4 августа эскадра покинула Ллойд и 9 августа бросила якорь на Нагасакском рейде⁴³.

Итак, Николай I, никогда не оставлявший мысли «существовать старые устремления своих предков и установить торговые сношения с Китаем и Японией»⁴⁴, выбрал весьма удачное время для отправления российской миссии к берегам этих стран. Основное требование, возлагаемое на русскую экспедицию в Японию, было ее миролюбие. Россия не могла содержать одинаково сильный флот на всех океанах. Череда конфликтов на Ближнем Востоке заставляла ее удерживать всю свою мощь в этом регионе. Естественно, что Петербург не желал переносить конфликт с Ближнего на Дальний Восток, поэтому здесь Николай I стремился строить отношения на принципиально ином уровне и сохранить дружеские отношения с окружающими его государствами. Военная экспедиция этому намерению не способствовала бы, но она была необходима, так

как опыт предыдущих посольств доказывал, что без нажима Япония не пойдет на переговоры. Вооруженная дипломатическая миссия США позволила решить эту дилемму. Уверенные в успехе экспедиции М.К. Перри, русские дипломаты не сомневались, что Япония, подписав один договор, уже не сможет отказаться от подписания другого, ссылаясь на политику изоляции. Поводом к началу переговоров Россия выбрала пограничный вопрос, который так же давал возможность Е.В. Путятину доказать японским дипломатам на переговорах лояльность и компромиссность России, поскольку в то время принципиальных позиций по поводу границы у Петербурга не было. Дружелюбный тон русской миссии должна будет так же подчеркнуть и военная эскадра американцев. Таким образом, все обстоятельства, сопутствующие началу российского посольства, служили основной цели восточной экспедиции – убедить Японию, что Россия могущественная, но дружелюбная держава, с которой выгодно поддерживать дипломатические и торговые отношения.

§ 3. Русско-японские переговоры в Нагасаки.

Русская эскадра прибыла в Нагасаки 10 августа 1853 г. Японское правительство было предупреждено голландцами о приближении экспедиции из России еще задолго до ее прибытия. Голландия, желая сохранить уже давно монополизированную торговлю с Японией, прикладывала максимальные усилия для того, чтобы для европейцев и, в том числе, для России, были закрыты все двери к японскому рынку. С этой целью она распространяла сведения о России, как о сильной державе, имеющей намерение «поглотить все соседние страны»⁴⁵. В результате полученных сведений об агрессивных намерениях приближающейся экспедиции, японские власти усилили охрану побережья о. Кюсю, увеличив число сторожевых судов. Российская эскадра еще за несколько миль до нагасакского порта была окружена караульными лодками. Прибытие эскад-

ры произвело сильное впечатление на жителей Нагасаки. Караульные лодки преграждали доступ японцев на русские суда, а так же высадку русских на берег. Однако, «видно было, – отмечал Е.В. Путятин, – что вид и вооружение военных судов наводил на них страх и недоумение»⁴⁶.

В этот же день японские чиновники вместе с голландцами прибыли на «Палладу». Они пригласили эскадру встать на второй рейд, ближе к городу. Этим они выражали свою признательность Е.В. Путятину, который не оставил им заметить, что появлением в Нагасаки, а не в ином японском порте, он хотел оказать уважение к японским законам и обычаям⁴⁷. Е.В. Путятин просил передать губернатору Нагасаки, что посольство привезло два письма государственного канцлера К.В. Нессельроде: ему лично и Верховному Совету, указав, что русское посольство желает мирным путем разрешить весьма важное для России и Японии вопросы. 13 августа Е.В. Путятин вручил чиновникам письмо К.В. Нессельроде губернатору Нагасаки. Губернатор Осава Ситецу Бунго-но-ками отказался принять письмо Верховному совету и вступить в переговоры без разрешения бакуфу, но обещал отправить нарочного в столицу.

Так как просьба Е.В. Путятина принять послание правительства России Верховным советом Японии появилась уже после того, как сегун принял письменное обращение, привезенное американской экспедицией М.К. Перри (о чем, несомненно, было известно и русскому послу), то отказать России в подобной же просьбе Верховный совет уже не мог. Более того, настойчивость Е.В. Путятина, который считал нужным обнаруживать периодически готовность идти в Эдо, чтобы самому непосредственно передать послание и войти в переговоры с высшими властями и достигнуть тем самым, как можно скорее, цели своего пребывания⁴⁸, вызывала справедливое опасение японского правительства. Бакуфу беспокоилось, что представители России, прибыв в столицу, скорее найдут общий язык с делегацией США, суда которой уже находились вблизи

Эдо, чем с представителями японской стороны. В этом случае объединенные усилия двух стран смогут заставить японское правительство пойти на максимальные уступки, которых оно надеялось избежать, ведя переговоры параллельно. К тому же дискредитация, уже и так пошатнувшейся власти в глазах дайме и народа, к которой приведет появление в заливе Урага очередных иностранных кораблей, так же толкали Верховный совет на принятие решения о приеме послания правительства России. Однако ответственность, за это решение, сегун попытался разделить с дайме, в среде которых росло недовольство политической ситуацией в стране. Были посланы запросы к губернаторам 3-х городов: Нагасаки, Симода и Хакодате, всем заведующим морской обороны и князю Токугава Нариакира, который пользовался большим влиянием, с требованием высказать свое мнение – принять ли письмо русского посла или нет⁴⁹. Это было уже второе обращение правительства за советом к главам княжеств и высшим чиновникам. Впервые сегун запросил мнение императора, а главный министр бакуфу Абэ Масахиро – мнение всех дайме 24 июня 1853 г., когда необходимо было принять решение в отношении письма правительства США. Тогда, большинство высказалось против. Но теперь ответы дайме не были столь категоричны, они не считали возможным ограничиться отказом в приеме письма. В этой связи примечательно письмо правителя порта Урага – Тодо, который высказал сомнение в искренности дружелюбных намерений России: «Это наше сомнение, – пишет Тодо, – усугубляется тем обстоятельством, что Россия, не располагая постоянно своими судами в нашей стране, не в состоянии была бы оказать нам какую-нибудь действительную услугу. Вот почему нам следует быть чрезвычайно осторожными в отношении и с Россией, и с Америкой. Как Россия и Америка, так вообще и все люди Запада чрезвычайно хитры и трудно вести с ними переговоры, а еще труднее оказать им прием»⁵⁰. Таким образом, расчет российских дипло-

матов был верен: Япония, не устояв перед натиском оружия Америки, и, уступив ее требованиям, уже не смогла быть категоричной с Россией.

18 августа Е.В. Путятин отправил шхуну «Восток» на Сахалин, приказав ее командиру В.А. Римскому-Корсакову осмотреть западное побережье острова и собрать дополнительные сведения об удобных стоянках и месторождениях каменного угля. Посол был обеспокоен интересом, проявленным американской прессой к известию об открытии русскими угольных залежей на Сахалине, так же тем, что президент США предписал М.К. Перри создать угольные базы для пароходов, курсирующих между Сан-Франциско и Шанхаем. Поэтому он предупреждал русское правительство об опасности захвата Сахалина американцами. Овладев островом, указывал Е.В. Путятин, американцы разъединят Россию с Японией и установят свою торговую монополию на Тихом океане. В связи с этим он предлагал освоить южный Сахалин и установить границу с Японией по проливу Лаперуза, что предотвратило бы опасность за владения Сахалином США⁵¹.

Пользуясь правом самостоятельно принимать решения в отношении содержания договора в «зависимости от обстоятельств» Е.В. Путятин, в ожидании ответа бакуфу, 6 ноября 1853 г. направил из Нагасаки собственное послание в Верховный совет с предложениями по пограничному размежеванию между двумя странами. Суть его сводилась к следующему: а) на Курилах границу провести между Кунаширом и Итурупом, оставив за Россией Итуруп, б) на Сахалине провести границу по проливу Лаперуза, оставив Сахалин за Россией.

Если принять во внимание тот факт, что после возвращения из плена Головнина (то есть с 1813 г.) идея провести государственную границу с Японией между островами Уруп и Итуруп приобрела общепринятый характер⁵², что нашло свое отражение и в дополнительной инструкции Николая I, где Россией не только не оспаривались, но и полностью под-

твёрждались установленные де-факто границы, и более того, разрабатывалась аргументация на случай, если японцы станут претендовать на о. Уруп; то действия Е.В. Путятиня по выдвижению контрпретензией на о. Итуруп, можно рассмотреть как простой, но эффективный ход в дипломатической борьбе русского посла. Позднее он сам писал в «Записках о действиях генерал-адъютанта графа Е.В. Путятиня в Японии, по возложенным на него поручениям» о причинах предъявления претензий на остров Уруп: «По инструкции данной мне от МИД, предписано было определить пограничным островом в Курильской гряде с нашей стороны о. Уруп, как оно, и есть в действительности. Я объявил, однако ж, отчасти притязания и на о. Итуруп, как заселенный одними айносами и мало посещаемый иностранцами, но не с тем впрочем, чтобы действительно настаивать на присоединение его к России, а единствено чтоб, уступая его Японии не казаться вовсе непреклонным против настоящий полномочных»⁵³.

Правительство бакуфу, получив письма русского посольства, после долгих споров и совещаний, постановило отправить ответ со специальными уполномоченными, в число которых входили Цуцуи Хизен-но-ками, Арао Тоса-но-ками, Кавадзи Саемон-но-дзио, Накамура Тамея и Кога Коньициро. Ответное письмо русскому правительству заключало в себе следующее: «Нет никакого сомнения в том, что русский посол прибыл с дружескими намерениями. Но чтобы удовлетворить все требования и установить границы между владениями России и Японии, необходимо, прежде всего, командировать наших ответственных уполномоченных для переговоров с представителями Вашей почетной страны. Что же касается торговых сношений, то решение этого чрезвычайно серьезного вопроса требует весьма детального и всестороннего обсуждения. Между тем в данное время вступил на престол новый император, вводятся новые законы, внутри страны совершаются много важных дел. Все это не

дает возможности заниматься другими внешними делами. В силу таких условий, на решение вашего вопроса потребуется от 3-х до 5 лет. Хотя, быть может, это покажется весьма длинным промежутком времени, но все же просим подчиниться этому требованию»⁵⁴. Таким образом, Верховный совет не решался больше давать категорический отказ на ведение переговоров: он учитывал изменение международной обстановки и неизбежность установления торговых отношений с иностранцами, но он имел свое представление о сроках и способах установления этих отношений, которое не совпадало с намерениями пребывших иностранных делегаций.

Прекрасно понимая причины медлительности ведения переговоров, о которых И. Гончаров, впоследствии писал: «Имея дело с японцами, надо отчасти отвлечься от европейской логики и помнить, что это крайний Восток, где для них все ново, они медлят, всматриваются, выживают, хитрят. Не правы ли они до некоторой степени? От европейцев добра видели они пока мало, а зла много: оттого и самое отчуждение их логично»⁵⁵; Е.В. Путятин все же стремился заключить договор с Японией до начала войны России с Турцией, Францией и Англией, о неизбежности которой писали в газетах, а так же в письмах из Петербурга. Он полагал, что уход из Японии без результатов подорвет престиж русских и даст возможность англичанам и французам воспользоваться ожидавшимся успехом американцев⁵⁶. Известно, что Россия не прибегала к военному најиму, чтобы добиться установления торговых отношений с Японией. На фоне американской военной агрессии русский посол действовал весьма миролюбиво, прибегая лишь к психологическому давлению на японское правительство: «Я вновь дал понять губернатору, что если в предложенный срок и не застану уполномоченных, то буду действовать по своему усмотрению, сообразно с данной мне инструкцией»⁵⁷. «Опасение их видеть близ столицы еще несколько военных кораблей сверх

американских, которые уже там находились, было так велико, что они при этом случае и во многих других, спешили удовлетворить наши справедливые домогательства»⁵⁸. Такая тактика Е.В. Путятиня выглядела крайне выгодно в глазах Верховного совета, члены которого были «изумлены выдержаным поведением»⁵⁹ русского посла по сравнению с действием М.К. Перри в заливе Урага.

Японское правительство, в результате, стало проявлять больше сочувствия и расположения к миссии России, чем США, что нашло свое отражение и в подборе делегации для переговоров: среди назначенных уполномоченных большинство признавало необходимость установления дипломатических отношений с Россией. Наиболее ревностным приверженцем этой точки зрения был Цуцуи Хизен-но-ками. Кавадзи, будучи финансистом, так же осознавал невозможность для страны продолжать находиться в международной изоляции и разделял всецело взгляд о необходимости открытия японских островов. Так как Кавадзи и Цуцуи были наиболее близки к главе сегуната Абэ Исе-но-ками, то можно предположить, что и последний разделял их точку зрения в вопросах внешней политики. Такой подбор уполномоченных для переговоров с русским посольством уже ясно показывает насколько общее мнение Верховного совета склонялось к открытию постоянных сношений с Россией. Однако, не имея опыта в переговорах такого ранга, японское правительство скорее полагалось на интуицию, чем на знание международного этикета, поэтому переговоры велись с соблюдением восточного церемониала и со многими условностями, что в глазах русского посольства могло выглядеть как стремление к их затягиванию.

31 декабря 1853 г. и 3 января 1854 г. состоялись первые официальные встречи Е.В. Путятиня с Цуцуи и Кавадзи, на которых уполномоченные уклонялись от деловой беседы, справедливо замечая, что японские традиции требуют предварительного знакомства обеих сторон. Е.В. Путятин

тин вел с японскими представителями детальные переговоры. Между ними состоялось 8 встреч (4, 6, 8, 10, 12, 14, 20 и 23 января). Тем не менее, вопрос об установлении торговых отношений не сдвигался с мертвой точки. В соответствии с письмом Верховного совета, Цуцуи и Кавадзи просили подождать с разрешением этого вопроса 3-5 лет. Во время заседаний и в письме уполномоченным от 13 января 1854 г. Е.В. Путятин старался настоять на своей точке зрения о необходимости открытия японских портов в ближайшее время. Он справедливо отмечал, что в результате политического затворничества Япония отстала от других держав, особенно в военном отношении, что делает ее совершенно беззащитной в случае нападение извне. Е.В. Путятин высказал пожелание, чтобы Япония избежала этой опасности, немедленно приняв решение вступить в контакт с иностранцами. Он разъяснял, что согласие на умеренные и справедливые требования России будет высоко оценено русским правительством, которое не желает иметь у своих дальневосточных границ других соседей, кроме японцев⁶⁰. Японские представители соглашались с Е.В. Путятиным в том, что внешнеполитическая обстановка изменилась, поэтому нельзя упорно цепляться за старые законы. Однако их смущал тот факт, что если дать разрешение России, необходимо будет дать такое же разрешение и остальным странам⁶¹.

20 января стороны пришли к компромиссному решению: японские уполномоченные согласились письменно подтвердить свое обещание предоставить России право торговли и различные преимущества в случае, если таковые будут даны другим державам. В свою очередь Кавадзи подчеркнул, что Япония так же рассчитывает на содействие России: «Само собой разумеется, что все, предоставленное другим, предоставится и вам. Мы полагаем даже, что вам, может быть, открыта торговля еще прежде, нежели другим, и что вы, как соседи, будете помогать нам против других наций, если те будут как-нибудь неправильно нас стеснять».

Е.В. Путятин выразил удовлетворение этим заявлением и подтвердил готовность России давать советы и оказывать посредничество в отношениях Японии с другими державами»⁶².

С трудом Е.В. Путятину удалось вовлечь уполномоченных в обсуждение вопроса о границах. Русский посол продолжал настаивать на том, что Россия имеет историческое право на острова Итуруп и Сахалин и предлагал принять решение немедленно, чтобы успеть с началом навигации провести границу на месте. Кавадзи возражал, что для того, чтобы провести заново границу «надо, прежде всего, изучить документы, обследовать местность, привести достоверные факты и установить взаимную границу», что сделать в один день невозможно⁶³. Японские представители ссылались так же на письмо К.В. Нессельроде, в котором говорилось, что Россия не стремится к территориальным приобретениям⁶⁴. Во время посещения русского корабля подчиненный Кавадзи – Накамура Тамея, вместе с переводчиком Морияма Эйносуке, увидел карту, изданную в Англии, на которой линия государственной границы между Россией и Японией на Сахалине проходила по 50-й параллели. Об этом он сообщил Кавадзи. На этом основании Кавадзи выдвинул встречное предложение Е.В. Путятину – провести пограничную линию по 50° с.ш. Естественно, Е.В. Путятин согласиться с таким предложением не мог. В конечном итоге было принято решение направить представителей от двух стран на Сахалин, чтобы изучить этот вопрос на месте⁶⁵. Таким образом, и по пограничному вопросу стороны пришли к первоначальной договоренности.

23 января Е.В. Путятин нанес японским уполномоченным прощальный визит и получил от них письменное подтверждение права наибольшего благоприятствования: «1. Когда, впоследствии, правительство японское откроет порты для торговли, тогда Россия будет допущена раньше к этой торговле, чем какая-либо другая нация. 2. Если бы впо-

следствии Япония открыла торговлю для других наций, то в уважении соседства, все права и преимущества, как торговые, так и всякого другого рода, которые будут предоставлены другим нациям сверх данных России, в то же время будут распространены и на русских подданных»⁶⁶.

Таким образом, в результате 8 заседаний Е.В. Путятин добился права наибольшего благоприятствования в торговле – права, которого Англия добилась в Китае только после «опиумных войн»; права, которого США добивалось от Японии через военные угрозы эскадры М.К. Перри. Путятин же получил документ, который гарантировал заключение русско-японского договора и обеспечивал России все, что «истребуется теперь от Японии американским оружием или переговорами, а на будущее время и домогательствами других морских держав»⁶⁷, используя лишь выгодное соседство судов эскадры М.К. Перри и ведя блестящую психологическую игру в противовес грубым действиям американского посла. Не случайно, очевидно, зарубежная пресса подхватила версию, выдвинутую в английской газете «China Mail» о том, что «удачным решением этого дела (открытия Японии – С.Е.), мы обязаны русским, а не американцам. Неоспоримо, что успеху много способствовало неоднократное появление американских судов, равно как и французских, датских и английских кораблей. Но честь мирного склонения японского правительства на столь богатую последствиями меру единодушно и справедливо приписывается русской эскадре под начальством адмирала Е.В. Путятина»⁶⁸.

С момента, когда русская эскадра прибыла в Нагасаки (10 августа 1853 г.) до подписания японскими уполномоченными принципиального согласия заключить с Россией договор о торговле (23 января 1854 г.) прошло меньше полугода. За 5 месяцев в сознании членов Верховного совета произошел переворот от веками сложившейся политики избегания любых отношений с иностранцами к политике необходимости заключить с ними в ближайшем будущем торговые и дипломатические до-

говоры. За 5 месяцев русский посол сумел внушить подозрительным японцам уверенность в дружелюбных намерениях России. И все же отечественная историография посчитала непростительным столь длительный, по ее мнению, промежуток времени, необходимый японской стороне для подписания первого документа, гарантирующего установление официальных контактов: «Рассчитывая на ослабление царской России в Крымской войне, Япония под всевозможными предлогами затягивала переговоры»⁶⁹. «Японское правительство использовало слабость царской России на Дальнем Востоке, чтобы затянуть переговоры с Путятиным и выдвинуть необоснованные претензии на южную часть Сахалина»⁷⁰. «Основной задачей Цуцуи и Кавадзи было затянуть переговоры и не допустить Путятину в Эдо»⁷¹ и так далее. Отличительной особенностью взгляда отечественной историографии на события августа 1853 г. – января 1854 г. является то, что интересы Японии здесь полностью отрицаются. Считается, что их не должно быть, а на всякие соображения о ее безопасности провидится один контраргумент – «миролюбие России». Таким образом, действуя сообразно с реальными условиями сложившейся ситуации, в стране, открытия которой настойчиво добивался русский посол, периодически прибегавший к психологическому најиму⁷², проявлял к Японии больше уважения, считаясь с традициями этого государства, чем современные историки, которые обвиняют Е.В. Путятина в недостаточной настойчивости и требовательности в вопросе территориального размежевания. С другой стороны, нет ли в этих высказываниях своего рода лицемерия: ведь ставя в вину русскому правительству его неспособность (или нежелание) добиться максимальных территориальных уступок от Японии, они с другой стороны, называют договоры, заключенные Россией с Японией – колониальными и несправедливыми по отношению к Японии.

24 января русская эскадра покинула Нагасаки. 1 февраля она пришла в порт Наха на о. Рюкю, где Е.В. Путятину сообщили, что за два дня до его прибытия М.К. Перри отправился отсюда со своей эскадрой в Эдоский залив.

Появление мощной американской эскадры ранее предполагавшегося срока ввергло в панику японское правительство, которое не успело принять окончательное решение в отношении письма президента Фильмора. Отказать М.К. Перри было настолько опасно, что бакуфу согласилось начать с ним переговоры. 24 февраля японские уполномоченные прибыли в Канагава для встречи с М.К. Перри. 3 марта уполномоченные представили М.К. Перри японский проект договора, сохранявший в значительной мере ограничения, которым подвергались китайцы и голландцы. Но М.К. Перри согласился внести лишь несколько изменений в американский проект, составленный по типу американо-китайского договора. 19 марта 1854 г. был заключен первый из серии неравноправных Ансэйских договоров – канагавский «договор о мире и дружбе»⁷³.

8 апреля Е.В. Путятин вновь прибыл в Нагасаки, чтобы получить ответ японского правительства относительно заключения договора и встречи с уполномоченными в Аниве. Губернатор Нагасаки заявил, что ответа из Эдо не было. Однако переводчики неофициально сообщили Е.В. Путятину о назначении правительством двух сановников для переговоров с ним в Аниве о границах⁷⁴.

14 апреля Е.В. Путятин послал на имя уполномоченных Цуцуи и Кацувадзи письмо, в котором сообщал, что будет в Аниве в конце июня. Он выражал надежду, что бакуфу ускорит выработку условий торговли между русскими и японцами и осуществит на деле предоставленной России право наибольшего благоприятствования⁷⁵.

В тот же день Е.В. Путятин покинул Нагасаки. Он отправил шхуну «Восток» в Шанхай за сведениями о положении в Европе, а транспорт

«Князь Меньшиков» - в Императорскую гавань. Сам Е.В. Путятин на фрегате «Паллада» обследовав юго-восточное и восточное побережье Кореи и Южно-уссурийского края и послав корейскому правительству письмо, с просьбой установить торговые отношения с Россией, взял курс на Императорскую гавань. 17 мая «Палладу» нагнала шхуна «Восток», доставившая известие, что Франция и Англия объявили войну России и стягивают свои суда в Тихий океан для захвата русской эскадры. 22 мая Е.В. Путятин прибыл в Императорскую гавань.

Начало Крымской войны помешало России немедленно воспользоваться правом наибольшего благоприятствования для заключения договора с Японией. Однако царское правительство, учитывая сложное международное положение России, считало, что миссия Е.В. Путятина в Нагасаки положила хорошее начало русско-японским отношениям⁷⁶.

§ 4. Симодский трактат 1855 г.

Второй этап русско-японских переговоров совпал с началом Крымской войны, отголоски которой достигли и Дальнего Востока. Пользуясь состоянием войны с Россией, Англия и Франция пытались завладеть ее дальневосточными окраинами. Вопреки международному праву английские и французские корабли совершали нападения на русские суда в территориальных водах Японии. Союзники использовали японские порты как базу для высадки десантов в Петропавловске (август 1854 г.), бомбардировки города (июнь 1855 г.) и уничтожения фактории Российской-американской компании на Урупе (сентябрь 1855 г.). Заключив 2 октября 1854 г. англо-японский договор, командующий английским флотом адмирал Д. Стирлинг, заявил, что английская эскадра вступит в бой с русскими судами, если они окажутся в японских водах⁷⁷.

США так же стремились воспользоваться войной для усиления своих позиций на Дальнем Востоке. Правительство США ревностно относи-

лось к действиям России в Японии, справедливо полагая, что присутствие русской эскадры будет сдерживать американцев, так как в ситуации конфликта Россия всегда сможет стать посредником между США и Японией и тем самым занять преобладающее влияние в этой стране.

Петербург был весьма обеспокоен попытками американцев укрепиться в Китае и Японии, занять Рюкю, обосноваться в устье Амура и на Сахалине. 12 мая 1854 г. великий князь Константин Николаевич просил генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева обратить внимание Е.В. Путятину «на важность для России пользоваться неразделенно всем пространством острова Сахалин, и в особенности заливом Аннива, и на то обстоятельство, что если залив сей останется во владении японцев, то несомненно, что американцы воспользуются первым предлогом, чтобы завладеть оным, как они уже сделали на Ликейских островах (Рюкю), о чём доносит сам генерал-адъютант Е.В. Путятин»⁷⁸.

3 октября 1854 г. Е.В. Путятин отправился на фрегате «Диана» вновь к Японским берегам. 9 октября он прибыл в Хакодате, где передал через губернатора письмо в Верховный совет с просьбой прислать в Осака уполномоченных для завершения переговоров⁷⁹. 17 октября Е.В. Путятин отплыл в Осака, куда прибыл через 10 дней. Появление русского посольства на одном фрегате было расценено Японией как проявление слабости России. К тому же два навязанных за короткий период договора с США и Англией, требовали восстановления национальной гордости и авторитета правительства. Предполагая, что Россия, занятая войной, не будет проводить агрессивную политику в Японии, сегунат, несмотря на предварительно данные добровольные договоренности, решил именно в отношениях с Россией показать твердость, недостающую ему на переговорах с США и Англией. Намерение Е.В. Путятина вести переговоры в закрытом порту только оправдало перемену отношений к русскому посольству. За сутки весь берег устья реки Едогова был превращен в воен-

ный лагерь, в котором находилось от 5 до 10 тыс. воинов⁸⁰. Е.В. Путятин заявил японским чиновникам, что намерен ожидать в Осака уполномоченных. Губернатор города, послав курьеров в Эдо, через 6 дней сообщил русскому послу, что переговоры в Осака не разрешаются, так как этот порт закрыт для иностранцев, и что Е. В. Путятину следует отплыть в Симода, куда прибудут уполномоченные. 10 ноября он покинул Осака, убедившись в непреклонности японских властей, которые не разрешили высадку русских на берег, и даже отказались снабдить их свежей провизией⁸¹.

22 ноября Е.В. Путятин прибыл в Симода и сразу принял предосторожности на случай нападения английских и французских судов, которые крейсировали у японских берегов, надеясь захватить «Диану»: в Симодской бухте был поставлен русский сигнальный пост, фрегат был подведен к берегу, поставлен на два якоря и крепко пришвартован.

8 декабря состоялась торжественная встреча с японскими уполномоченными Цуци и Кавадзи. 10 декабря начинались переговоры в одном из храмов Симода – Гёкусэндзи, на которых русский посол повторил основные положения проекта договора, предложенного Россией. Японские уполномоченные заявили, что они не имеют права обсуждать вопросы торговли⁸².

Первый вопрос, который обсуждался, был вопрос о границах. Интересные подробности переговоров в Симода, приводит японская сторона. Т. Вада в работе «Северные территории и прорыв в японо-советских отношениях», пишет: «Кавадзи имел инструкцию бакуфу добиваться того, чтобы на Курилах граница проходила южнее Урупа и чтобы в территорию Японии были включены Итуруп, Кунашир, Хабомаи и Шикотан; на Сахалине территорией Японии должна была быть часть острова южнее 50°северной широты. Е.В. Путятин предложил считать российской территорией Курильские острова, начиная с Итурупа и севернее его, и весь

остров Сахалин. Однако на переговорах Кавадзи отстаивал тезис о том, что естественным владением Японии являются все земли вплоть до Камчатки и северного Сахалина»⁸³.

По сведениям японского историка Т. Иитиро, в Японии с начала XIX века было распространено мнение о необходимости установить границу по проливу Соа, то есть между Сахалином и Хоккайдо⁸⁴. Естественно, что Цуцуи и Кавадзи знали об этом, так же как и Е.В. Путятин знал о мнении губернатора Трескина, который еще в 1814 г. представил генерал-губернатору Сибири И. Пестелю доклад из 8 пунктов, в которых он разъяснял, что Уруп и Итуруп являются естественной границей между Японией и Россией « и распространение границ России далее сего острова желать бесполезно и требовать от японцев не почему не должно»⁸⁵. Не говоря уже о том, что обе делегации имели вполне конкретные указания по данному вопросу от своих правительств, где запросы были значительно умереннее, чем требования послов на переговорах. Таким образом, Путятин нашел в лице Кавадзи достойного соперника, который использовал против русского уполномоченного его же тактику: запросить больше, чтобы якобы уступив, получить действительно желаемое.

Ход переговоров был прерван 11 декабря природными катаклизмами: землетрясение и цунами уничтожили город Симода и нанесли серьезные повреждения фрегату «Диана». Попытка отбуксировать судно в более удобную бухту Хэда (25 миль от Симода) для ремонта, окончились неудачей: корабль затонул, русская миссия потеряла возможность возвращения на родину, 500 человек оказались на чужом берегу в закрытой стране, под угрозой нападения англо-французской эскадры⁸⁶. Е.В. Путятин ожидал, что, используя тяжелую для русской миссии обстановку, японские дипломаты выступят с претензией на все Курильские острова и Сахалин, и не пойдут на уступки. Однако из документов МИД России выясняется, что японская сторона придерживалась на этот счет другого

мнения. В депеше А.Г. Сенявину №1786 от 18 июля 1855 г. Е.В. Путятин сообщал следующее: «После окончательной гибели фрегата, я крайне опасался, что бы японцы, воспользовавшись нашим положением, не стали вовсе отказываться от заключения трактата или, по крайней мере, не вздумали бы делать новых притязаний относительно определения границ. Опасение мои были, однако напрасны, японцы принимали искреннее участие в нашем бедствии, и, хотя сначала настаивали, чтобы целое племя айносов острова Сахалин было признано японским, но окончательно согласились выпустить эту статью и вообще, были умеренее и сговорчивее, чем можно было ожидать»⁸⁷.

Причина такой «сговорчивости», очевидно, состояла в том, что русские в бухте Хэда, куда Е.В. Путятин вместе с командой перешли пешком, заложили современную шхуну, согласившись представить японскому правительству все чертежи и макеты, а так же обучить японцев технике постройки современных кораблей. Заинтересованные в подготовке собственных специалистов, в изучение современного судостроения, японские власти пошли на значительные уступки русским: впервые было разрешено поселение всей делегации вместе; на территории казарм разрешалось христианское богослужение, была оказана помощь в обеспечении посольства всем необходимым в повседневной жизни. У части правительства бакуфу существовало, однако мнение о том, что не приведет ли к осложнениям для Японии разрешение русским на постройку корабля. Однако Ивасе Таданари, занимавший руководящий пост в управлении тайного надзора Симода, эрудированный дипломат, находившийся в дружеских отношениях с Кавадзи, утверждал, что «хотя Россия и находится в состоянии войны с Англией и Францией, нет оснований не помочь миссии, которая в настоящее время находится в нашей стране и оказалась в затруднительном положении, потеряв корабль. В связи с постройкой русского судна, по-видимому, наши отношения с

Англией и Францией ухудшатся, но нет причин не разрешать постройку невооруженного судна»⁸⁸. Это мнение, направленное в Верховный совет было поддержано большинством, в результате чего было получено необходимое разрешение. С помощью русских, японские мастеровые заложили и построили первый корабль для дальнего плавания, а затем по образцу «Хэда» было заложено еще два судна. Этим было положено начало современному судостроению, что признается многими японскими историками. Всего по образцу корабля «Хэда» в течение 50-х гг. XIX в. в Японии на воду было спущено шесть кораблей⁸⁹.

Таким образом, гибель фрегата «Диана» была скорее удачным обстоятельством для русской миссии в переговорах с японцами. Верховный совет обрел прямую заинтересованность в России, и как следствие, инструктировал своих уполномоченных «не всегда буквально придерживаться инструкции и действовать по обстоятельствам»⁹⁰. Петербург так же посчитал возникшие обстоятельства, связанные с гибелю фрегата благоприятными для дальнейшего хода переговоров Е.В. Путятина «ибо вынужденное продолжительное пребывание русских в пределах Японии, с одной стороны, имело ту выгоду, что генерал-адъютант Путятин выиграл время для более зрелого и отчетливого обсуждения с японцами разных спорных вопросов, а с другой стороны, открылся путь к более тесному сближению с этим народом посредством обмена взаимными услугами. Все эти обстоятельства вообще сделали их более умеренными и склонными к уступкам в дальнейших объяснениях по главному делу»⁹¹. В результате, японская сторона на продолжавшихся переговорах, «смягчила», по выражению Е.В. Путятина, свои требования и предложила провести границу не по 50, а по 48 параллели. По мнению С. Накамура, Кавадзи уступил Е.В. Путятину в этом вопросе, потому что не смог возразить аргументам русского посла и «осаждаемый вопросами Е.В. Путятина, не смог подтвердить свои выводы о принадлежности Сахали-

на Японии»⁹². Изменение отношения японцев отмечалось и членами русской эскадры: «ныне японцы вообще гораздо дружественнее с нами, чем прежде. Хотя открытой вражды никогда не обнаруживалось, но все-таки была видна какая-то недоверчивость. Теперь же отношения наши замечательно изменились»⁹³.

Интересно так же мнение американской стороны, которая ревниво наблюдала за действиями русских, напечатала следующее заявление по поводу крушения «Дианы»: «Японцы, кажется, очень страшатся русских. В самом деле, их кораблекрушение может произвести много добра в будущем, как род занятия страны армией; 500 храбрых человек, хорошо вооруженных, могут сделаться твердым основанием в будущих преобразованиях древних обычаев японцев. Россия, находясь вместе с нами, ближе всех к этой части света, должна исполнить свое назначение»⁹⁴.

Между тем, Е.В. Путятин торопился завершить переговоры. Строительство кораблей, а так же неудачное нападение англо-французской эскадры на Петропавловск, значительно подняли авторитет России в глазах Японии. Однако, иностранные суда, прибывшие в Японию из Шанхая, привозили издававшиеся там газеты и сообщения телеграфных агентств о неудачно складывавшемся для России ходе войны в Крыму. Е.В. Путятин понимал, что англичане стремятся использовать порты Японии для возобновления нападений на русский Дальний Восток, поэтому главной целью скорейшего заключения договора он считал обеспечение нейтралитета Японии на период Крымской войны.

Зная мнение Г.И. Невельского и Н.Н. Муравьева о важности для будущего России освоения Сахалина, строительства портов и городов в Приморье, приобретения незамерзающих гаваней, Е.В. Путятин все же решил пожертвовать Сахалином, надеясь, что столь значительная уступка приведет к скорейшему заключению договора. Как посол Николая I, Е.В. Путятин упорно добивался того, что считал для России особенно

необходимым в настоящий момент: открытия портов, права торговли в Японии с проживанием купцов на берегу и, особенно, права иметь консулов в открываемых по трактату портах. Играли здесь роль и соображения государственного престижа: в договоре ничего не должно быть опущено из того, что получили от Японии другие державы. Более того, для России необходимо было добиться более значительных уступок от Японии, ибо Сахалин – дорогая цена за договор аналогичный американскому или английскому.

Проблему с островом Е.В. Путятин предполагал решить позднее – для этого он оставил, во-первых, зацепку в тексте договора, объявив Сахалин «неразделенным между Россией и Японией», то есть, по сути, оставил положение с границей в этом районе в «неопределенном по-прежнему положении»⁹⁵. И, во-вторых, Е.В. Путятин решительно отказал японцам в их просьбе занести в текст договора, кажущийся невинным, на первый взгляд, пункт о том, что сахалинские айну являются «японскими подданными», поскольку они перешли на Сахалин с острова Эдзо, так как именно этот пункт в дальнейшем мог бы послужить японцам доказательством в подтверждении их прав на южную часть Сахалина. Ведя переговоры с Японией, Е.В. Путятин считал, что статус Сахалина – «неразделенная территория» в ближайшее время защитит остров от притязаний на него США и Англии, так как противоречивые интересы западных стран и Японии помогут сохранить его «бесхозным» до будущих переговоров с японцами, но уже при других обстоятельствах, после войны, когда силы России на Дальнем Востоке будут восстановлены. Вместе с предложением оставить Сахалин неразделенным, Е.В. Путятин уступил японцам остров Итуруп, ставя при этом условие скорейшего заключения торгового договора⁹⁶. Полномочный японский представитель на переговорах Кавадзи сравнивал эту уступку «с подарком, принесенным священным ветром камикадзе»⁹⁷. Таким образом, русский дипломат

добился решения главной задачи своей миссии – заключения трактата о дружбе и торговле. Договор был подписан 26 января (7 февраля) 1855 г. в храме Гекунседзи в Симода.

По заключенному договору, устанавливались дипломатические отношения и определялись границы. «Отныне границы между Россией и Японией, – говорилось в Ст. 2, – будут проходить между островами Итуруп и Уруп. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владения России. Что касается острова Карафуто (Сахалин), то он остается неразделенным между Россией и Японией, как было до сего времени»⁹⁸. Если сравнить текст договора с дополнительной инструкцией Николая I, то мы увидим, что Е.В. Путятин полностью выполнил, данные ему указания правительства.

Относительно II статьи Симодского трактата в отечественной истории не сложилось единого мнения. Так, Э.Я. Файнберг поддерживает Е.В. Путятина в том, что «в условиях, когда Россия завязла в войне и русские моряки оказались в критическом состоянии в результате гибели «Дианы» более выгодного договора нельзя было добиться»⁹⁹. С ней соглашается К.Е. Черевко, который отмечал, что Е.В. Путятин выбрал верную стратегию в переговорах с Японией, имея в виду главное назначение трактата, добиться нейтралитета Японии на период Крымской войны¹⁰⁰. Напротив, Л.Н. Кутаков, считает, что уступки русского посла в отношении южных Курил и острова Сахалин ничем не были оправданы¹⁰¹. Понять логику поведения Е.В. Путятина на переговорах стремился К. Саркисов, который напоминает, что «в ту пору Курилы русских не очень интересовали», поэтому уступка ничего не значащей территории в обмен на подписание торгового договора являлась в глазах России XIX века серьезным успехом¹⁰². В подтверждение этого вывода, можно привести так же материалы отчетов МИД по Азиатскому департаменту, в

которых так же говорится о том, что русское правительство высоко оценило Симодский договор, считая, что он подписан «на условиях более выгодных, чем можно было ожидать»¹⁰³. О. Бондаренко, так же отмечавший несомненную выгоду для России в подписании Симодского договора, так как Россия получила огромное политическое и экономическое преимущество в сношениях с Японией, юридически признав то, что сложилось на практике еще в XVIII веке¹⁰⁴. Схожую оценку II статьи Симодского трактата дает И. Тышецкий¹⁰⁵.

В отношении южных Курил с выше высказанной точкой зрения можно согласиться, так как Итуруп с самого начала переговоров, еще в Нагасаки, разыгрывался Е.В. Путятиным, как вариант дальнейшей уступки в обмен на льготный торговый договор. Сахалин же, который в ходе переговоров остался неразделенным, представлял для России огромную стратегическую ценность, о которой знал и Николай I, уточнявший в инструкции, что «кто будет владеть сим островом, будет, так сказать, владеть ключом Амура». Указания оставить остров неразделенным, то есть фактически отложить вопрос о Сахалине до следующих переговоров, исходили из прогноза ситуации, при которой Япония не пойдет ни на какие уступки и откажется заключать торговый договор, непременно настаивая на праве владения всем Сахалином. Как видно из хода переговоров, Япония не собиралась рвать отношения с Россией, более того, именно по вопросу о Сахалине, японские уполномоченные постепенно уступали. Е.В. Путятину нужно было время, чтобы его аргументация в пользу принадлежности острова России и внешние обстоятельства (давление США на Японию и как следствие, обращение последней за помощью к России) не склонили Верховный совет к мнению о необходимости подписать торговый договор с Россией без настаивания на совладение Сахалином. Однако именно времени у русского посла и не было. В условиях угрозы нападения англо-французской эскадры на посоль-

ство, желая скорее доставить для обороны Петропавловска дополнительные ресурсы, Е.В. Путятин предпочел отложить переговоры о Сахалине, что впоследствии доставило немало осложнений русским дипломатам. Несомненно, в 1855 г. цена за остров была бы значительно меньше, чем та, которую пришлось заплатить в 1875 г.

Что же касается торговых соглашений (цена острова Сахалин), то здесь, действительно русские получили значительно больше привилегий, чем американцы и англичане. Во-первых, для России открывалось больше портов: Симода, Хакодате и Нагасаки, причем немедленно (Ст. III)¹⁰⁶. В то время как американцам предоставлялись только два порта: Симода и Хакодате, причем последний открывался только через год после подписания договора (Ст. II)¹⁰⁷. А англичанам разрешалось пользоваться услугами портов Нагасаки и Хакодате, причем последним только через 50 дней после отъезда адмирала Стирлинга (Ст. II)¹⁰⁸. Во-вторых, товары, приобретенные в Японии, Россия, в отличие от США и Англии, имела право обменивать на свои товары, а не только платить за них золотой или серебряной монетой (Ст. V)¹⁰⁹. В-третьих, вопрос о назначении консулов для России был решен более выигрышно, чем для США (в англо-японском договоре от 14 октября 1854 г. вопрос о консулах не поднимался вообще). Если американский консул мог жить только в Симода, причем опять устанавливался срок, по истечении которого данная статья вступала в действие – 18 месяцев (Ст. XI)¹¹⁰. То русский консул мог быть назначен правительством на выбор либо в Симода, либо Хакодате, причем «когда оно признает это необходимым» (Ст. VI)¹¹¹.

Анализируя Симодский трактат в целом, большинство отечественных исследователей относят его к первой «серии неравноправных кабальных соглашений, повторяющих в основном положения Канагавского договора между США и Японией»¹¹². Однако в целом с такой оценкой нельзя согласиться. Следует иметь в виду, что переговоры Е.В. Путятина об от-

крытии Японии были начаты в 1853 г., до заключения японо-американского договора в городе Канагава. И в отличие от действий американцев, они с самого начала не сопровождались угрозой применения силы со стороны России и поэтому не имели насилиственного характера, ущемляющего суверенитет Японии. Кроме того, известно, что наиболее характерная черта неравноправных договоров – это одностороннее установление консульской юрисдикции. Но по этому договору она носила взаимный, то есть равноправный характер, и Россия открывалась для японских подданных так же, как и Япония для русских (Ст. VIII). Не ущемлялись права Японии и в области торговли, которая носила ограниченный характер и осуществлялась под контролем японских чиновников по желанию японской стороны. Компромиссный характер имели и положения договора о территориальном размежевании.

Таким образом, Россия в отношениях с Японией, не стремилась к колонизации этой страны, но была нацелена на равноправное партнерство в торговле и добрососедские отношения в политике. Последующие договоры 1858 года только подтвердили эти намерения.

Текст Симодского трактата был опубликован в «Московских ведомостях» и «Северной пчеле»¹¹³. Он вызвал обоюдное одобрение и правительства России и общества. Либеральная пресса высоко оценила значение трактата: «В числе новостей, касающихся жизни государственной, без сомнения, одно из первых мест занимает недавно обнародованный трактат, заключенный нашим правительством с Японией, – писал журнал «Отечественные записки»¹¹⁴. Наибольший интерес при обсуждении договора вызвала Ст. IX, предоставляющая России право наибольшего благопрятствования¹¹⁵. Подобный интерес был вполне закономерен, так как достаточно реально оценивал положение России на дальневосточных рубежах, русская буржуазия считала весьма затруднительным проведение правительством активной внешней политики в этом регионе и была готова

ва пока довольствоваться фиксацией в договоре тех же прав, которыми обладали западные державы. Более решительную позицию занимала «Северная пчела». Еще до опубликования текста договора газета, утверждая необходимость развития торгового договора с Японией, советовала правительству не отставать в этом вопросе от западных стран. Лучшим средством защиты интересов России в Японии, она считала постройку Амурской железной дороги¹¹⁶. Этой точки зрения газета продолжала придерживаться и после опубликования трактата. По ее мнению, именно железная дорога к дальневосточным рубежам должна была значительно расширить торговлю с Японской империей, и «чрез Россию соединить Японию со всею Европою»¹¹⁷. Общим мнением русской общественности явилось признание важности и значимости заключенного договора для будущего России. Вообще переговоры Е.В. Путятина в Японии пробудили в русском обществе большой интерес к проблемам Дальнего Востока. На протяжении 1853 – 1857 гг. в печати часто появлялись статьи, касающиеся различных сторон жизни японских островов и материалы о ходе русско-японских переговоров. Большой отклик получили очерки побывавшего в Японии в качестве секретаря экспедиции А.И. Гончарова «Русские в Японии в начале 1853 г. и в конце 1854 г.»¹¹⁸. Появившиеся впервые на страницах журналов «Морской сборник», «Современник», «Отечественные записки», очерки эти впоследствии вышли отдельным изданием и пользовались всегда неизменным успехом.

Большое внимание открытию Японии уделял журнал «Отечественные записки», который публиковал работы по ее истории и культуре, мотивируя выбор материалов тем, что «если европейская торговля надеется завладеть этой богатой страной, то не мешает прежде изучить нравы и историю японцев»¹¹⁹. Важность изучения Японии отмечал в этот период и журнал «Современник»¹²⁰.

Наибольшее количество материалов о ходе переговоров было напечатано в журнале «Морской сборник»¹²¹, который помещал на своих страницах выдержки из отчета Е.В. Путятина, извлечения из писем морских офицеров, находившихся на эскадре и бывшими очевидцами и участниками событий, а та же статьи зарубежной прессы, которая тоже внимательно следила за событиями в Японии.

Блестящие, с точки зрения прессы, успехи посольства Е.В. Путятина, побудили журналистов более серьезно заниматься проблемами Дальнего Востока. В печати стали подниматься вопросы о необходимости расширения сношений с Японией и требования от правительства более активных действий¹²². Более того, не ограничиваясь лишь призывами к расширению торговли, отечественная публицистика стремилась оказать конкретную помощь, публикуя подробный перечень японских товаров, могущих найти сбыт в России, давая рекомендации по ведению торговых сделок¹²³. Для ознакомления предпринимателей с общей картиной внешней торговли Японии, журналисты помещали богатый цифровой материал, почерпнутый из различных источников¹²⁴, а с сообщениями о динамики торговли Японии с западными странами стали впоследствии выступать члены первого русского консульства¹²⁵.

* * *

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно прийти к следующим выводам.

1. В 1852 г. ввиду угрозы со стороны западных держав владениям России в северо-западной части Тихого океана, в кругосветное плавание была направлена русская экспедиция во главе с вице-адмиралом Е.В. Путтиным, которая должна была установить дипломатические и торговые отношения с Японией и договориться о территориальном разграничении в районе Сахалина и Курил на основе признания прав России на

эти территории. Непосредственным поводом для этого начинания были появившиеся в 1852 г. сообщения в русской печати о предстоящих американских экспедициях в Японию под командованием К. К. Рингольда и М.К. Перри.

2. В отличие от политики западных держав, направленной на насильственное открытие Японии под угрозой применения силы, Е.В. Путятин, в соответствии с инструкцией русского правительства, во время переговоров с японцами использовал лишь мирные средства, стремясь к установлению дружеских и добрососедских отношений, основанных на взаимной выгоде и справедливом территориальном разграничении. Такая политика объяснялась стремлением Николая I построить отношения на Дальнем Востоке на принципиально ином уровне и сохранить дружеские отношения с соседними России государствами.

3. Считая первоочередной задачей заключение трактата о торговле, Путятин 7 февраля 1855 г. в Симода подписал русско-японский договор, согласно которому между Россией и Японией устанавливались дипломатические отношения; подданные двух стран должны были взаимно пользоваться покровительством и защитой; обеспечивалась неприкосновенность их собственности; граница устанавливалась между Урупом и Итурупом, как и предписывал Николай I; однако, Сахалин остался неразделенным. Япония не признала Сахалин русской территорией, но Путятин считал, что в тех условиях большего добиться было невозможно.

В отношении торговли, для русских судов открывались порты Нагасаки, Хакодате, Симода, в которых допускались торговые сделки русских, но в ограниченных масштабах и под контролем японских чиновников; разрешено с 1856 г. пребывание русского консула в одном из японских портов; русским предоставлялось право наибольшего благоприятствования. В России, как и в Японии, подписание Симодского трактата было встречено с большим удовлетворением.

Глава II. Проблема острова Сахалин в русско-японских переговорах 1859 - 1867 гг.

§ 1. Дипломатическая миссия Н.Н. Муравьева-Амурского в Эдо 1859 г.

Крымская война наглядно продемонстрировала крах внешнеполитической системы К.В. Нессельроде: союз наиболее реакционных держав континента окончательно распался, военная мощь России была ослаблена, ее влияние на международные дела европейского континента подорвано. В итоге войны Россия потеряла Южную Бесарабию, вернула Карс Турции и утратила исключительное право покровительствовать христианам Османской империи¹. Петербург оказался в состоянии полной дипломатической изоляции, утратив своих союзников на Западе. Влияние Франции и Англии на дела в Западной Европе значительно возросло. В этих условиях необходимо было повернуть руль русской внешней политики, сформировать новый курс, что бы он соответствовал изменившейся международной обстановке. Но К.В. Нессельроде, который, по словам Александра II, «как чумы боялся всего, что касалось Востока»², не годился для этой цели. Поэтому министр иностранных дел, получив от нового императора еще одну награду – свидетельство признания его прежних заслуг, был заменен на своем посту А.М. Горчаковым.

Первым крупным актом нового министра явилось издание им своего рода программного документа, в котором были объявлены основные положения русской внешней политики: отказ от наследства Священного союза и провозглашение принципов национальности и невмешательства: «Россия более не намерена жертвовать собственными интересами во имя каких-либо устаревших обязательств»³. В ноте А.М. Горчакова прямо фиксируется мысль, что на ближайшее время Россия намерена воздержаться от активного участия в международных делах. Главная задача,

которая стоит сейчас перед русским правительством – это развитие внутренних сил страны. Причем эту тактику А.М. Горчаков считал не временной мерой, а длительным курсом: через 9 лет после окончания Крымской войны в докладе Александру II он продолжал настаивать на том, что «при современном положении нашего государства и Европы вообще, главное внимание России должно быть упорно направлено на осуществление нашего внутреннего развития и вся внешняя политика должна быть подчинена этой основной задаче»³.

Внутренний послевоенный кризис в стране требовал осуществления обширной программы коренных реформ, направленных на модернизацию государственной системы и изменение экономической микроструктуры, несостоятельность которых обнаружилась в ходе Крымской войны. Поэтому основной задачей внешней политики России явилось создание условий для укрепления самодержавия на базе реформ, что требовало, прежде всего, мирной политики выхода из изоляции, упрочнения подорванного международного престижа России и развития внешнеэкономических связей. Новые условия побуждали Россию расширять фронт своей внешней активности. Наряду с традиционными европейским и балканским направлениями, усиливается роль среднеазиатского и дальневосточного. Однако Россия, экспансии которой в Европе был положен предел, искала на Дальнем Востоке и в Средней Азии не только компенсацию самолюбию или новые торговые базы, но так же и позиции, которые в случае нового европейского конфликта позволили бы ей непосредственно угрожать интересам Великобритании – самого упорного своего противника. Отсюда одной из настоятельных задач российской внешней политики стало стремление расширить и укрепить границы империи, сохранив при этом мирные отношения с соседями северо-востока, прежде всего с Китаем и Японией. Для того чтобы укрепить свои позиции на Тихом океане, России необходимо было восстановить права на левый

берег Амура, так как только обладание Приморским краем давало России «ту дверь в океан, которой ей не доставало в Европе»⁴. Владея Приморьем, Алеутскими и Курильскими островами, имея твердую точку опоры на Сахалине и влияние на политику Японии и Китая, Петербург мог бы доказать всему миру, что его планы распространения влияния далеко не ограничивались пределами восточного полушария. «Сообщаясь гаванями восточных берегов Азии и западной Америки с тем морем, которое должно быть сосредоточением самой обширной и прибыльной торговли, Россия могла бы сделаться великой морской державой, держащей в своих руках всю торговлю на Тихом океане»⁵.

Однако задача овладения Приморьем совпала со временем, когда и европейцы осознали важность обладания Восточным побережьем для влияния на Тихий океан, когда стало очевидным, что от воспрепятствования русским утвердиться в Приамурье, зависело участие России в международных интересах на Тихом океане. Поэтому наиболее удобные проливы – Лаперуз, Сангарский, Корейский и Цусимский, через которые пролегал прямой путь в Китай, Японию и Юго-Восточную Азию, оказались под угрозой захвата западными державами: США, Англия и Франция снаряжали крупные военные экспедиции для занятия выгодных стратегических позиций в бассейне Тихого океана и пытались добиться согласия Японии на аренду Цусимы, Хакодате и залива Анива на Сахалине, рассчитывая преградить тем самым восточные и южные выходы из Японского моря и отрезать русское Приморье от Тихого океана. В связи с этим росло значение Сахалина, полноправный обладатель которого мог бы сделать из Татарского пролива вторые Дарданеллы⁶.

Русская дипломатия, стремясь приобрести Сахалин в исключительное пользование⁷, старалась достигнуть желаемого результата тремя различными способами одновременно: переговорами с японскими посланниками, учреждением военных постов и распространением российского

влияния на острове посредством водворения русской гражданственности и развития промыслов и торговли⁸.

В апреле 1856 г. Петербург решил возобновить колонизацию Сахалина, прерванную весной 1854 г. Правительство лишило РАК монопольных прав на колонизацию острова, предоставив ей взамен ряд привилегий⁹, и привлекло к участию в снабжении населения необходимой продукцией другие русские кампании, а так же иностранных купцов. Силами военных поселенцев на территории острова были не только открыты каменноугольные залежи, но и началась их разработка. Летом 1856 г. был основан русский пост Дуэ и началась эксплуатация Дуйского рудника. В июле 1857 года из донесения генерал-адъютанта Е.В. Путятину МИД узнал, что по информации американских торговцев, Великобритания готовит военную акцию, с целью заключения с Японией торгового договора. Для предупреждения возможных действий англичан и американцев в районе Сахалина, Е.В. Путятин предложил контр-адмиралу П.В. Казакевичу отправить на пароходе лейтенанта Н.В. Рудаковского 15 человек низших чинов для занятия поста в южной части острова. Имея в виду то, что в этом месте перешеек не был больше 20 верст в ширину, Е.В. Путятин предложил основать пост на 48° с.ш., который бы утвердил за Россией право первого поселения, что продемонстрировало бы другим государствам намерение русского правительства удержать все пространства, лежащие к северу от значимой параллели¹⁰. 4 ноября 1857 года Амурский комитет одобрил это предложение, и постановил учредить военный пост на Сахалине в устье реки Кусунай.

В то же время и японцы, основываясь на II статье Симодского трактата, стали заботиться о заселении южной части острова. Еще в начале 1854 г. правительство бакуфу направило на Сахалин инспекцию во главе с Хори Тосихиро и Мурагаки Норимаса. В результате этой поездки летом того же года район Хакодате, а в феврале следующего 1855 г., весь

Эдзо, был изъят из подчинения княжества Мацумае и перешел в непосредственное подчинение правительства. Хори Тосихиро и Мурагаки Норимаса высказали мнение о необходимости колонизовать Эдзо и постепенно продвигать освоение на север. В результате, всем дайме, которые имели доход выше 3 тыс. коку риса, был дан приказ верховного совета о вербовке переселенцев. Был так же снят запрет на переселение женщин и детей, а для освоения новых участков лова рыбы было решено предоставлять субсидии.

Большой интерес к северной проблеме в тот период проявлял Токугава Нариаки из княжества Мито. Он высказал мнение о необходимости разработки природных ресурсов на Эдзо и Карафто, заявил, что «если освоить север, то это даст прибавку к урожаю в несколько миллионов коку риса». В соответствии с мнением Хори и Мурагаки, Токугава настаивал на немедленном размещении военных гарнизонов на русско-японской границе¹¹. В результате «японцы стали следить за ходом русской колонизации и как только замечали, что русские хотят водвориться в какой-либо местности, являлись туда с собственными колонистами. От того около русских постов южнее 48° с.ш. есть соответственные посты японские»¹². Таким образом, река Кусунай стала как бы условной границей между владениями России и Японии. На этом основании в уже цитированном донесении от 13 июля 1857 г., Е.В. Путятин предлагал обозначить реальную границу между двумя странами в районе реки Кусунай по 48° с.ш. Такое разграничение, по мнению вице-адмирала, было выгодно, так как оставляло за Россией открытые месторождения каменного угля и вместе с тем справедливое по отношению к японцам¹³. Амурский комитет не высказал своего мнения относительно предложения Е.В. Путятина о проведении русско-японской границы. Но это мнение не нашло поддержки среди администрации Восточной Сибири.

19 мая 1858 г. в докладной записке генерал-губернатору Н.Н. Муравьеву, исполняющий обязанности начальника штаба полковник Буссе замечает, что «при занятии острова Сахалин для русского правительства представляются две главные цели: а) пользование находящимися на оном богатыми каменноугольными копями; б) установление такой границы между русскими и японскими заселениями, чтобы никакая иностранная держава не имела возможности объявить свои притязания на какой-либо выгодный и удобный для занятия пункт между сказанными владениями»¹⁴. Полковник Буссе отмечал, что предложения Е.В. Путятину соответствуют только первой цели. Для реализации второй цели, по мнению Буссе, необходимо занять единственную гавань в заливе Анива у селения Тоопучи, потому что она находится на пути из американских колоний к устью Амура и может служить сильным стратегическим пунктом. Обращая внимание на то, что японцев интересует только западный полуостров южной части Сахалина, он предложил провести границу по реке Кусунай до ее истока и далее по хребту до залива Анива. Иными словами, северная часть залива Анива, по предложению Буссе должна была перейти к Японии, а южная часть и весь полуостров южного Сахалина до мыса Анива – к России¹⁵.

Собственным мнением по вопросу о границе на Сахалине обладал генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев. В своем письме Е.В. Путятину от 19 июня 1858 г. он конкретно определил собственную позицию: «Желая владеть на Сахалине всеми угольными копями, мы никак не можем поручиться, что бы не было таковых южнее Кусуная, а между тем, отдавая часть острова, мы создаем себе сухопутную границу, на которой необходимо будет возвести сильные укрепления и держать много войска, без всякой другой цели кроме обороны от Японии, которая при развивающихся отношениях своих с европейцами, быстро будет преуспевать в военном искусстве. Если даже часть Сахалина остается за

Японией, то иностранцы могут вынудить японское правительство уступить им на этом острове земли; что нам может угрожать еще большими неприятностями»¹⁶. Иными словами, по мнению Н.Н. Муравьева, для обеспечения безопасности, как России, так и Японии, весь остров Сахалин должен был быть признан российской территорией. В тоже время японцам предлагалось предоставить право на свободное рыболовство в заливе Анива под защитой российских властей. Подобное разграничение дало бы России возможность устройства военных укреплений в самой южной части Сахалина, обеспечив тем самым свободное плавание русских судов через пролив Лаперуза – единственный выход в Тихий океан из устья Амура.

Позиция Н.Н. Муравьева была более близка царской семье: великий князь Константин Николаевич всегда поддерживал Н.Н. Муравьева в его начинаниях, а Александр II, хотя и предпочитал больше спокойную дипломатичность Е.В. Путятину напористости Н.Н. Муравьева, в вопросе Сахалина одобрял позицию генерал-губернатора и сожалел об упущенном возможности 1855 г. овладеть южной частью Сахалина¹⁷. Поэтому консулу России И.А. Гошкевичу в Хакодате по инструкции от 8 февраля 1858 г., поручалось координировать свои действия с Н.Н. Муравьевым и оперативно информировать его об изменениях политической обстановки в Японии¹⁸.

Поддержка Петербурга выразилась так же в решении МИД предоставить Н.Н. Муравьеву право определения места переговоров и уполномоченного с российской стороны, на случай если японское правительство изъявит желание приступить к территориальному размежеванию¹⁹. Однако генерал-губернатор не мог положиться в решении этого вопроса на людей, с которыми он принципиально расходился во мнении о способах ведения переговоров. Поэтому кандидатуру И.А. Гошкевича он отверг, написав по этому поводу Е.В. Путятину: «трудно думать, чтоб И.А.

Гошкевич, своей личностью и обстановкой мог поддержать наше значение в Японии и выговорить нам полезную границу»²⁰. Не устраивал гла-ву Восточной Сибири и сам Е.В. Путятин, чья позиция в вопросе русско-японской границы на Сахалине не дала бы ему возможности быть доста-точно настойчивым, поэтому русско-японский договор, заключенный 7 августа 1858 г. в Эдо, не содержал соглашений, касающихся границы на Сахалине. Преисполненный дипломатической победой в Айгуне²¹, гене-рал-губернатор Восточной Сибири посчитал время для возобновления переговоров с японцами наиболее удачным, и сам вызвался отстоять права России на Южный Сахалин. «Смею думать, – писал он великому князю Константину, что после Айгунского договора мы не только имеем право, но и обязаны отстранить все иностранные притязания на земли общих или не разграниченных владений наших с Китаем и Японией. Те-перь в особенности необходимо нам озабочиться об утверждении нашего владычества на Сахалине»²².

3 декабря 1858 г. на заседании Амурского комитета были рассмотре-ны предложения Е.В. Путятина и Н.Н. Муравьева по разграничению на острове Сахалин. Однако заседание это было формальным. Благодаря поддержке царской семьи, Н.Н. Муравьев одержал явную победу в этом вопросе. Комитет постановил: «относительно острова Сахалин предос-тавить графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому войти в ближайшие отноше-ния с Японским правительством о том, весь ли остров или его часть должны принадлежать России»²³. 17 декабря 1858 г. Александр II утвер-дил проект полномочий Н.Н. Муравьева вести переговоры с японским правительством «касательно всех вопросов относящихся к Сахалину»²⁴.

20 декабря 1858 г. А.М. Горчаков предупредил Н.Н. Муравьева, что император, поручив ему переговоры о Сахалине, не предписывает осо-бой линии поведения, так как не желает стеснять свободу его действий, и что ничто не будет препятствовать усилиям Н.Н. Муравьева в дости-

жении поставленной им цели, но его просят соблюдать при переговорах крайнюю осторожность и не прибегать к каким-либо мерам, которые могут быть истолкованы как принуждение, ибо это может ухудшить дружественные отношения с Японией и дать повод для вмешательства иностранных держав, что особенно нежелательно для России в связи с неблагоприятной международной обстановкой²⁵. Н.Н. Муравьеву разрешалось определить способ и размеры «компенсации Японии, лишь бы она была не денежной».

10 января 1859 г. Н.Н. Муравьев в письме А.М. Горчакову заверил, что он никогда не думал прибегать к «принудительным мерам, а наоборот считает необходимым внушить как в Японии, так и в Китае доверие и дружеское расположение к России»²⁶. Однако, желая решить пограничную проблему на Сахалине быстрее, Н.Н. Муравьев не мог отступить от проверенного метода общения на переговорах, поэтому он поспешил заручиться поддержкой сторонника военных демонстраций великого князя Константина. В своих письмах от 10 января и 2 мая 1859 г. генерал-губернатор Восточной Сибири пишет великому князю Константину: «Мне прислано уполномочие для установления границы с Японией в стороне Сахалина, я сам вызвался на это дело потому в особенности, чтобы оно кончилось без промедления, покуда англичане не водворились в Японии и не вздумали еще захватить уголок Сахалина. Для успешного исполнения этого дела я намерен отправиться из Николаевска с эскадрою по возможности многочисленною». В дальнейшем он добавляет: «Эскадру, которая будет мне сопутствовать в этом плавании, я постараюсь собрать сколь возможно многочисленнее, чтоб японцы могли видеть и морские силы наши»²⁷.

12 июня 1859 г. Н.Н. Муравьев посетил Хакодате и оставил извещение для Городзю, о том, что он намерен в конце июля прибыть в Эдо для переговоров о Сахалине, поэтому он просит назначить уполномоченных.

22 июня он снова пришел в Хакодате и вместе с консулом И.А. Гошкевичем отправился в Эдоский залив, где был назначен сбор русской эскадры. В успехе своей миссии Н.Н. Муравьев не сомневался: 24 июня он писал своему заместителю М.С. Корсакову: «В Эдо у меня соберется порядочная эскадра; это поможет окончить сахалинские дела, но боюсь, медлительности японцев - придется поздно возвращаться в Амур»²⁸.

5 августа 1859 г. в Эдском заливе собралась русская эскадра. Она состояла из 8 паровых судов: фрегата, 4-х корветов, 2-х клиперов и парохода. А через 10 дней из Шанхая прибыл клипер «Джигит»²⁹. Таким образом, эскадра Н.Н. Муравьева состояла из 9 кораблей. «Иркутские губернские ведомости» – единственная газета, поместившая на своих страницах сообщение о начале экспедиции в Эдо, отмечали: «Такой большой эскадры еще не видывали в Японии и тем более в столице светского императора. Залив Эдо мелководен и потому английские и американские корабли останавливались за 5 миль от берега, но все наши суда за исключением фрегата «Аскольд», выстроенные с такой осадкой, чтобы входить в устье Амура, могут пройти береговые батареи и стать достаточно близко к берегу города Эдо»³⁰.

8 августа японские уполномоченные – Эидо Тадзима-но-ками и Сакай Укеноске, посетили русского посла на фрегате «Аскольд», где согласились вести переговоры в Эдо. 10 августа состоялся торжественный въезд Н.Н. Муравьева в столицу Японии.

12 августа состоялось первое заседание, на котором Н.Н. Муравьев заявил, что русский император поручил ему переговоры о восстановлении прав России на остров Сахалин, поскольку этот остров давно ей принадлежит и носит одинаковое название с рекой Амур (Сахалян-ула), которую Китай недавно вернул России, следя голосу справедливости и, желая сохранить с ней дружественные отношения. Н.Н. Муравьев указал, что благодаря значительному усилению русских сухопутных и во-

енно-морских сил на Дальнем Востоке имеется возможность восстановить пост в Аниве, который был временно снят из-за малочисленности команд и массовых заболеваний среди солдат. Н.Н. Муравьев, ссылался на то, что Россия не может допустить, чтобы другие державы овладели южной частью Сахалина, так как японские чиновники по причинам сурового климата этого острова не в состоянии оставаться там, для управления оным. Он предложил разрешить вопрос о границах путем дружеских переговоров и заключить с Японией письменное соглашение. «Польза обоих наших государств требует, – подчеркнул русский посол, – чтобы дело это было решено окончательно и как можно скорее, ибо при сомнительном его состоянии иностранцы могут им воспользоваться и занять на Сахалине для себя место, чего уже, конечно, не может случиться, когда весь остров будет находиться под защитой вверенных мне войск»³¹. Н.Н. Муравьев предложил проект соглашения, по которому граница устанавливается по проливу Лаперузза, а рыболовные промыслы японцев оставались бы в их частных владениях, под защитой русских законов³². Таким образом, Н.Н. Муравьев, как впоследствии, охарактеризует его действия русский публицист А.Я Максимов, – желал приобрести Сахалин для России почти даром, стремясь подействовать лишь на воображение чиновников присутствием многочисленной военной эскадры в водах Эдо, громом пушек, необыкновенной пышностью посольства и подарками³³. Однако все эти мероприятия произвели на японских уполномоченных совершенно противоположное действие. Английскому посланнику Олькоку и французскому поверенному в делах Белькуру стоило только обратить внимание японского правительства на несоответствие вооруженной эскадры заявлением о дружбе и мире со стороны русского посла, и намерение Н.Н. Муравьева показать могущество России и высокий статус посла, превратилось в глазах японских уполномоченных в желание оказать на них вооруженное давление. «Сильная эс-

кадра и постоянные при том заявления со стороны русских в дружбе, не вязались в уме подозрительных японцев»³⁴. Теперь они стали смотреть на Россию как на тайного, и значит, еще более опасного, врага. Заручившись поддержкой представителей иностранных держав, японские уполномоченные отказали Н.Н. Муравьеву в его требованиях провести границу по проливу, сославшись на II-ю статью Симодского трактата и предложили со своей стороны провести границу по 50° с.ш.³⁵

Для японского правительства владение частью острова Сахалин не представляло принципиально важного экономического или стратегического значения. Бакуфу первоначально решило подчинить всю территорию Эдзо и освоить ее в хозяйственном плане³⁶. Но заверения «бывшего английского консула Ходгсана о том, что здания в Хакодате строятся не для российского консула, а для будущего русского губернатора острова Эдзо»³⁷ заставили насторожиться японское правительство, которое в этих обстоятельствах посчитало более благоразумным отдалить от России необходимые территории и провести границы на более безопасном расстоянии от Эдзо, то есть на Сахалине.

Таким образом, благодаря интригам Великобритании, доверие, до сих пор существовавшее между Россией и Японией было нарушено, а неприязнь не замедлила проявиться: 13 августа в Иокогама были убиты русский офицер и матрос³⁸. Это известие, дошедшее до русской общественности через иностранную прессу, затмило все остальные сообщения с Дальнего Востока. Несколько месяцев журналы и газеты публиковали подробности этой трагедии и сообщали о действиях, предпринятых русскими и японскими властями для розыска и наказания преступника³⁹. Проблема безопасности русских подданных на территории Японии настолько поглотила внимание журналистов, что о задачах и результатах миссии Н.Н. Муравьева не было напечатано ни строчки. Исключение составляют «Иркутские ведомости», упомянутые выше. Однако и они

поместили на своих страницах лишь одно сообщение о количестве кораблей в русской эскадре, направляющейся в Эдзо, но о цели ее визита и тем более о результатах так же не было упомянуто. Причина этого молчания, на наш взгляд, заключается в следующем: миссия Н.Н. Муравьева потерпела неудачу. Переговоры зашли в тупик и через месяц безрезультатных попыток убедить японских уполномоченных, русский посол заявил, что дальнейшее ведение переговоров не имеет смысла, в виду нежелания обеих сторон идти на компромисс, но прекращение переговоров не означает разрыва дружеских отношений между Россией и Японией. Желая доказать искренность своих заверений, Н.Н. Муравьев не стал прибегать к репрессивным методам расследования убийства русских моряков, ограничившись требованием к японской стороне принести извинения, уволить губернаторов Иокогамы, разыскать и строго наказать преступников⁴⁰.

Воодушевленное успехами Н.Н. Муравьева в Приамурском крае – первой дипломатической победой после Крымской войны, русское общество не хотело ничего знать о поражении нашей политики в Японии. Русскую общественность, жившую ожиданием коренных преобразований в стране, прежде всего, волновал вопрос об Амуре. Приамурский край, соединяющий громадной водной магистралью внутреннюю Сибирь с океаном, край, богатый естественными дарами, изобилующий прекрасными гаванями и морскими промыслами, находящийся по соседству с Китаем и Японией, имел все данные, чтобы возбудить в обществе живое участие к себе, увлечь мечтой о «неслыханных» перспективах развития русской жизни на Восточном океане. Писатель и этнограф С.В. Максимов писал, что «Амуром занято было все русское общество, так как во всем амурском есть что-то притягательное, что-то обещающее и даже обновляющее»⁴¹. Русскую общественность, прежде всего, волновал вопрос о том, будут ли на Амуре применены новые, прогрессивные ме-

тоды хозяйствования или возьмут верх старые, военно-бюрократические. В конце 50-х – начале 60-х гг. на страницах русской периодической печати развернулась бурная полемика по вопросам заселения и хозяйственного освоения Приамурья⁴². Большой резонанс в обществе имели очерки корреспондента «Ведомостей Санкт-Петербургской полиции» С.В. Максимова⁴³, совершившего в 1860 г. по поручению великого князя Константина путешествие на Амур, чём проблемы острова Сахалин и связанная с ним экспедиция Н.Н. Муравьева-Амурского.

Русское правительство было весьма разочаровано неудачей переговоров с Японией. Сообщение Н.Н. Муравьева от 18 октября 1859 г. о том, что переговоры в отношении Сахалина «не имели желаемого успеха», император подчеркнул, и сделал пометку: «весьма жаль»⁴⁴. В своей неудаче Н.Н. Муравьев винил Симодский трактат 1855 года и Е.В. Путятину, который в угоду торговым договорам 1857, 1858 годов заключил с японцами соглашение, позволившее им теперь претендовать на остров⁴⁵. Однако неудачу в пограничных переговорах Н.Н. Муравьева-Амурского в Японии можно объяснить не только и не столько Симодским договором, который отечественная историография традиционно называет «теоретической основой срыва переговоров»⁴⁶. «Теоретическая основа срыва» заключалась не в трактате 1855 г., а в ложной уверенности как Н.Н. Муравьева, так и русского правительства, в возможности произвести размежевание с Японией по «китайскому варианту». Но, во-первых, право России на Сахалин никогда не было официально закреплено в международных актах, как это было с Приамурьем, где существовал Нерчинский договор 1689 г. с Китаем, по которому Россия отказалась от Приамурья (ранее ей принадлежавшего) ради торговли с Китаем. Более того, Петербург никогда не считал Сахалин – исконной русской территорией, а лишь желал приобрести его в свое полное владение⁴⁷. Во-вторых, недостаточное количество военно-морских сил на Тихом океане ограничи-

вали возможности колонизации острова. Поэтому Н.Н. Муравьев вынужден был начать процесс размежевания с Японией, фактически не владея оговариваемой территорией, что так же противоречило «китайскому варианту». И, в-третьих, в правительстве постоянно существовали разногласия относительно самого географического проведения границы, в результате чего безоговорочная важность острова осозналась *всем* правительством значительно позднее заключения Симодского договора, который отражал существующую позицию Петербурга на 1855 г.

Русская дипломатия поняла допущенную ошибку: именно этим объясняется смена тактики России на переговорах с Японией. С 1860 г. Петербург стал принимать значительные усилия, направленные, с одной стороны, на колонизацию острова, а с другой – на оттягивание переговоров с Японией. Как и в вопросе Приамурья, Россия теперь стремилась сначала утвердить свое влияние на желаемой территории и лишь затем, при удобном моменте, закрепить свое право официальным договором. 28 февраля 1861 г. на заседании Амурского комитета было решено: 1. вопрос о разграничении Сахалина не возбуждать, пока само японское правительство не посчитает нужным начать новые переговоры; 2. согласиться с мнением Н.Н. Муравьева о необходимости занятия русскими войсками южной оконечности Сахалина и устройстве там укрепленного порта, то есть использовать в своих целях буквальный смысл трактата 1855 г., по которому остров Сахалин остается между Россией и Японией неразделенным⁴⁸.

Однако и японское правительство, осознав значимость этой территории для России, стало стремиться к продвижению на север. Логика такого решения ясна: чем лучше Япония закрепится на острове, тем большую компенсацию она сможет впоследствии получить от России. Укрепление Японии активно поощрялось западными державами, которые хотели сами проникнуть на каменноугольные рудники Сахалина, прикры-

ваясь японским флагом. Поэтому с 1860 г. правительство бакуфу стало раздавать главам северных кланов Акита, Сэндай, Сенай и Айдзу земельные участки на Эдзо и на южном Сахалине, обязывая их отправлять туда военные отряды для обороны этих островов. В начале марта 1861 г. губернатор Хакодате – Мурагаки Авадзи-но-ками, в ответ на предостережение И.А. Гошкевича об опасности захвата Сахалина иностранными державами, заявил: «Там есть князь, и он не позволит взять его. Когда все живущие там лягут на месте, тогда правительство пошлет отсюда помощь». В последующих беседах Мурагаки и другие чиновники признали, что другие державы, особенно Англия и Франция не допустят перехода южного Сахалина в руки России. Одновременно Мурагаки добивался возобновления переговоров об установлении границы, поскольку «провалился замысел захватить южный Сахалин при помощи военных отрядов и поставить Россию перед свершившимся фактом»⁴⁹.

22 сентября 1861 г. Мурагаки в сопровождении двух эдоских чиновников Кацуга Ига-но-ками и Ямагути Камбэй вновь посетили И.А. Гошкевича с предложением приступить к разграничению острова Сахалин. Когда русский консул отказался от переговоров, сославшись на отсутствие полномочий, они прислали письмо, где продолжали настаивать на проведении границы по 50° с. ш. Это требование мотивировалось желанием избежать конфликта между русскими и японцами, не допустить захвата острова иностранцами и закрепить за Японией ту часть острова, на которой проживают ее подданные – айну. При этом чиновники высказывали опасение, что русские займут новые территории на южном Сахалине и вытеснят японцев, которые не привыкли к суровому климату и, следовательно, не могут продвигаться далее на север⁵⁰.

Дабы препятствовать дальнейшему продвижению русских на юг Сахалина, губернатор Хакодате распорядиться, чтобы «японские чиновники всеми мерами старались мешать распространению наших дружест-

венных отношений с обитающими на острове туземцами, воспрещая им не только наниматься у русских на работу, но даже и разговаривать с ними»⁵¹. На заявленный протест И.А. Гошкевича японские власти ответили, что «с давних времен тамошние айны живут на нашей территории и получают от нас довольствие. Они постоянно употребляются на разные работы и потому должны считаться такими же подданными, как и сами японцы. На северной территории живут народы нам не принадлежавшие, которых вы и можете нанимать на ваши работы»⁵². Данное поведение японцы оправдывали соглашением о совместном владении островом Сахалин по Симодскому трактату, где понятие «совместное владение» трактовалось ими, как разделение острова по 50° с.ш. и полное подчинение народа, живущего на «японской территории»⁵³. «Подобные действия японцев могут иметь весьма вредные следствия для упрочения за нами острова Сахалин», – предупреждал генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков. Он так же предлагал временно воздержаться от переговоров с японцами по сахалинскому вопросу, «пока не выяснится возможность приобрести весь остров целиком»⁵⁴.

Русское правительство было крайне встревожено известием об активизации военной деятельности японцев на Сахалине и просило И.А. Гошкевича посыпать регулярные отчеты о действиях и намерениях японской стороны⁵⁵. 23 декабря 1861 г. Особый комитет уточнил свою позицию по Сахалину на случай будущих переговоров с Японией: «По важности значения для нас острова Сахалин, желательно было бы уговорить японское правительство уступить России весь остров, предоставив японцам, поселившимся уже на южной части, остаться на занимаемых ими местах. И для того не мешало бы попытаться предложить японцам, при благоприятном случае, взять принадлежащий нам остров Уруп, близкий к Японии, в свои владения взамен южной части Сахалина. В случае если они не примут этих предложений, тогда мы будем поставле-

ны в необходимость – согласиться на разграничение. Удовольствоваться пограничною линией по 50° с.ш. мы ни в коем случае не можем и должны настаивать на оставлении за нами всей части острова до поста нашего на Кусунай, то есть по 48° с.ш.»⁵⁶. Однако Амурский комитет принял решение не вступать в переговоры о Сахалине, пока японское правительство не проявит в этом вопросе инициативу. «Но если японцы сами снова заведут речь о разграничении Сахалина, то предложить японское посольство в Европе уполномочить на решение этой проблемы и провести переговоры в Петербурге. Если японское посольство не будет уполномочено по сахалинскому делу, то переговоры могут быть проведены только военным губернатором Приморской области контр-адмиралом П.В. Казакевичем»⁵⁷. 28 февраля 1861 г. Александр II утвердил решение Амурского комитета⁵⁸. Александр II готов был уступить остров Уруп Японии, поскольку специальная комиссия по ревизии владений РАК доставила известие о практически полном истреблении бобров на острове⁵⁹. Так как ценность Курил в то время заключалась в том, что здесь велись пушные промыслы, то остров Уруп, утративший в этом смысле свое значение, считался незначительной потерей в случае приобретения всего Сахалина, чья важность была не только в стратегическом расположении, но и в наличие на нем больших запасов каменного угля, в котором остро нуждалась Тихоокеанская эскадра и Амурский флот.

В то время русское правительство получило обращение бакуфу ко всем договорным державам с просьбой дать согласие на 7-летнюю отсрочку в открытии Хёго, Осака, Эдо и Ниигата и на изменение денежной системы. Эта просьба мотивировалась тем, что огромные размеры спекуляции японской монетой и утечка ее из Японии угрожает финансовым банкротством страны, а открытие новых портов усилит движение против иностранцев. Петербург, учитывая напряженную обстановку в Японии и рост террористических актов против иностранцев, решил удовлетворить

просьбу бакуфу⁶⁰. 20 января 1862 г. А.М. Горчаков ответил японскому представительству, что русский император принял во внимание доводы Японии и согласен предоставить семилетнюю отсрочку в открытии портов, если на это пойдут другие державы. И.А. Горчаков выражал надежду, что японское правительство оценит это новое доказательство дружественного расположения России к Японии: «Поступая всегда таким образом в отношении к Японии, - подчеркивал А.М. Горчаков, - Россия вправе рассчитывать на взаимность»⁶¹. В данном случае, Петербург рассчитывал, что ожидаемое японское посольство пойдет на компромисс в вопросе о Сахалине и эта проблема в русско-японских отношениях найдет свое окончательное разрешение⁶².

§ 2. Переговоры в Петербурге 1862 г.

28 июля 1862 г. японская миссия в составе Симоцуке-но-ками, Мацудайра Ивами-но-ками и Киоку Ното-но-ками, посетив Лондон, Париж, Гаагу и Берлин, прибыла в Петербург. Официальная цель визита, как отмечалось выше, состояла в урегулирование с русским правительством вопросов, связанных с торговыми отношениями: отсрочка открытия новых портов и изменение денежной системы. Однако, на наш взгляд, основной темой для русско-японских переговоров была демаркация государственной границы на Сахалине. Японское правительство было обеспокоено ростом русской колонизации на южном Сахалине, которую английский посланник Ратэрфолд Олкок, объяснял «намерением русских присвоить часть японских владений»⁶³. Нежелание России идти на дальнейшие переговоры по сахалинскому вопросу только убеждало правительство бакуфу в верности выводов английского советника. Росту недоверия со стороны Японии способствовал и Цусимский инцидент марта 1861 г.⁶⁴, который Ратэрфолд Олкок расценивал, как первый шаг Рос-

сии к овладению японскими территориями. Он предупреждал, что следующим пунктом захвата будет остров Эдзо.

Не получив ответа Петербурга на предложение сентября 1861 г. начать переговоры о Сахалине, правительство бакуфу решило воспользоваться этим визитом и «не уронив лица» еще одной просьбой о необходимости переговоров, решить вопрос на месте. Тем более что переговоры в столице России, поднимали престиж японского посольства.

Надежда русских дипломатов на то, что благодаря уступчивости России в торговых делах, Япония пойдет на компромисс в пограничных⁶⁵, не имели под собой основания. Правительство бакуфу, благодаря советам иностранцев, знало, что Россия не имеет возможностей в развитии своей торговли с Японией⁶⁶, и было уверено в положительном ответе на этот вопрос. Поэтому японская миссия ехала с твердым намерением отстоять позиции по Сахалину и убедить российских представителей заключить границу на острове по 50° с.ш.⁶⁷ Соотношение заседаний, посвященных торговым и пограничным вопросам, так же подтверждает этот вывод: об отсрочке открытия портов дипломаты говорили лишь на первой встрече – 4 августа, где русский уполномоченный Г.А. Игнатьев подтвердил готовность России удовлетворить просьбу бакуфу на одинаковых с другими державами условиях, так как Россия пользуется правом наибольшего благоприятствования⁶⁸. На последующих же заседаниях – 9, 10, 14, 17 и 20 августа обсуждался вопрос о Сахалине.

9 августа, на первом заседании, касающемся проблемы разграничения, японский уполномоченный вновь выдвинул предложение провести границу на острове по 50° с.ш., уточнив в процессе обсуждения, что «само собой разумеется, при подробном обозначении границы на местности она будет уклоняться в ту или иную сторону, смотря по топографическим условиям местности»⁶⁹. На данное предложение Г.А. Игнатьев ответил категорическим отказом, заметив, что само существование поста

на реке Кусунай на 48° с.ш. доказывает, «что мы ни в каком случае не могли бы согласиться провести границу еще севернее, как вы предлагаете»⁷⁰.

Японская сторона выдвинула прежние аргументы в пользу исторических прав на южный Сахалин, заявив, на вопрос Г.А. Игнатьева о происхождении острова, что Сахалин японского происхождения, издавна называемый Карафuto. Однако уполномоченные не смогли объяснить название местностей на острове, признавшись, что «они заимствовали их от айносов». А на просьбу Игнатьева начертать слово «Карафuto» иероглифами, уполномоченные смогли изобразить ими только фонетически – письменами катакана⁷¹, которые в Японии используется при написании иностранных слов. Г.А. Игнатьев в обсуждении происхождения острова Сахалин, высказал предположение, что он принадлежал ранее Китаю, а не Японии, так как «ученые, исследовав прибрежья и поразительное мелководье части Татарского пролива, приходят к заключению, что в прежние времена Сахалин находился в соединении с материком, то есть, что Сахалин первоначально образовывал полуостров»⁷². Однако убедительная информация русского уполномоченного, не заставила японскую миссию отказаться от утверждения, что часть острова исторически принадлежит Японии.

На следующем заседании, 10 августа, Г.А. Игнатьев привел дополнительную аргументацию, почему русское правительство настаивает на проведении границы по проливу Лаперуз: «Пространства России не позволяют нашему правительству своевременно среагировать на пограничный инцидент. Следовательно, решение конфликтов будет в руках местных властей, на которые не всегда можно полностью положиться. Самая надежная граница – морской пролив. При такой границе, очевидно, не возникнут недоразумения»⁷³. «И лучше вообще не проводить границы, чем назначить ее так, что она будет подавать повод к спорам»⁷⁴.

Однако японские уполномоченные вновь заявили, что их правительство поручило установить границу на острове Сахалин только по 50 параллели и на другие варианты соглашения по данной проблеме они пойти не могут⁷⁵, так как не понимают, почему граница должна идти обязательно по проливу, когда часть Карафуто принадлежит им. Следует признать, что аргументация Г.А. Игнатьева не достигла своей цели: стороны в очередной раз обменялись лишь мнениями по проблеме. Очевидно, заявление японских посланников, что они не уполномочены рассматривать другие варианты разграничения, остановило Г.А. Игнатьева от предложения нового варианта, высказанного на совещании Особого комитета: обмене острова Уруп на южный Сахалин.

На очередном заседании 14 августа представители японской миссии выступили опять с заявлением о необходимости России уступить Японии южный Сахалин, так как того требует справедливость. При этом уполномоченные старались объяснить, что именно нежелание России пойти на уступки привело к возникновению беспорядков и убийств иностранцев⁷⁶. Однако угроза эта не произвела должного впечатления на Г.А. Игнатьева, который заявил, что лишь морской пролив в качестве границы «отстранит всякий повод к народному раздражению, а об убийствах, совершенных в Японии – лучше совсем было бы не упоминать, ибо они лишь доказывают, что правительство худо заботится об иностранцах, рассчитывающих на его гостеприимство»⁷⁷. Давая понять японским уполномоченным, что в настоящее время дальнейшие переговоры не приведут к положительному результату, Г.А. Игнатьев заключил: «Считаю своим долгом дать вам дружеский совет и предупредить, что при будущих переговорах, правительство наше ни в коем случае не согласиться на проведение границы по 50° с.ш., а потому вам необходимо придумать какой-либо другой исход делу»⁷⁸.

На последнем заседании, 17 августа, по приглашению Г.А. Игнатьева, присутствовал капитан-лейтенант Н.В. Рудаковский, который с 1853 по 1857 годах жил на острове Сахалин. Целью этого визита было не столько убедить японцев в необоснованности их заявлений об исторической принадлежности Сахалина, сколько выяснить истинные причины столь неожиданно возникшего в последнее время внимания Японии к острову и уличить их в том, что действия их на переговорах продиктованы внушением западных держав, а не желанием достичь справедливости. «Из разговоров с господином Рудановским, я еще более убедился, что японцы не имеют никакого права на Сахалин, – заявил Г.А. Игнатьев. Я желал бы, чтобы вы сказали откровенно, зачем японское правительство в последнее время начало обращать особенное внимание на этот клочок земли и посыпает туда своих чиновников. Я спрашиваю это потому, что не вижу решительно никакой пользы для Японии обладать этим островом»⁷⁹. Японские уполномоченные уклонились от прямого ответа, заявив, что главным поводом, почему они в последнее время стали посыпать своих чиновников на остров, послужили переговоры, происходившие с графом Н.Н. Муравьевым в Эдо в 1859 г., где основным аргументом в пользу передачи всего острова России, Н.Н. Муравьев выразил сомнение, по поводу способности японцев защитить южную часть острова от иностранного проникновения. Поэтому японское правительство, желая доказать, что имеет достаточно средств, чтобы удержать остров в своей власти, начало отправлять туда большее число чиновников⁸⁰. Г.А. Игнатьев предупредил, что вмешательство третьей державы серьезно осложнит дальнейшие русско-японские отношения. Японские уполномоченные, со своей стороны, поспешили выразить благодарность за искренние дружеские чувства России и надежду на то, что «ничто не изменит их в будущем»⁸¹.

От имени правительства Г.А. Игнатьев заявил так же протест против действий японцев на Сахалине, которые продвигаются на север и уверяют местных жителей, что весь остров принадлежит Японии, а так же запрещают айну поддерживать отношения с русскими и наниматься к ним на работу в угольных копях. На ответ японцев, что Хорокатань (на 50° с.ш.) принадлежит им, и они имеют право свободно двигаться в этих местах, Г.А. Игнатьев предупредил, что «если такие действия будут продолжаться и далее, то русские оставляют за собой право восстановить пост в Аниве»⁸².

На заседании 20 августа, после обсуждения вопросов об отсрочке открытия портов и изменения денежного курса, где Россия не потребовала от Японии новых привилегий взамен согласия удовлетворить ее просьбу⁸³, японские уполномоченные вновь вернулись к вопросу о Сахалине. Понимая, что в настоящий момент переговоры зашли в тупик, Г.А. Игнатьев, желая снять с уполномоченных личную ответственность за неудачу, предложил им возобновить переговоры с военным губернатором Приморской области, контр-адмиралом П.В. Казакевичем и там уже окончательно разрешить сахалинский вопрос⁸⁴.

После шестого заседания 20 августа, происходили ежедневные и продолжительные совещания по редакции окончательного протокола⁸⁵. Единственное затруднение представлял 2 пункт – по вопросу о Сахалине. Посланники настаивания на том, чтобы в конце этого пункта были прибавлены слова, выражающие мысль, что «назначенные обоими правительствами полномочные вступят в переговоры о проведении границы на самом острове Сахалин». Кроме того, в том месте протокола, где говорится о назначении контр-адмирала П.В. Казакевича полномочным с русской стороны, японцы предложили включить следующую фразу: «посланники тайкуна по возвращении в Японию, докладывают своему правительству о необходимости назначить для переговоров по разграни-

чению или губернатора, под владением которого находится остров Сахалин, или же другого высокого сановника». Это предложение было единственно вызвано помещенными в русском проекте словами, что Сахалин находится в ведении губернатора Приморской области. Как то, так и другое изменение было решительно отвергнуто и японские посланники, видя с российской стороны твердое намерение, не отступать от первоначальных предложений, решились отказаться от своих требований и согласились подписать протокол⁸⁶.

По протоколу 1862 г., русское правительство соглашалось: 1. на изменение монетной системы в Японии; 2. на дальнейшие переговоры об острове Сахалин, уполномоченным по которым назначался губернатор Приморской области контр-адмирал П.В. Казакевич; 3. на 5-летнюю отсрочку открытия портов⁸⁷.

А.М. Горчаков считал результаты переговоров неудовлетворительными, поскольку не был разрешен основной вопрос об установлении границ по проливу. 18 сентября 1862 г. в инструкции П.В. Казакевичу он предлагал не форсировать переговоры до тех пор, пока Япония не откажется от своих претензий на южный Сахалин. Он советовал не назначать встречи с уполномоченными в Эдо или Хакодате, где иностранные представители могли помешать благоприятному исходу переговоров или преждевременно узнать об их провале. А.М. Горчаков выражал надежду, что японское правительство не будет упорствовать, если учтет уроки предыдущих переговоров и дружеские сношения с Россией. П.В. Казакевичу поручалось предложить Японии остров Уруп, причем подчеркнуть, что это не означает признания прав Японии на южный Сахалин⁸⁸. 19 сентября Александр II утвердил полномочия П.В. Казакевича «войти в сношение с правительством его величества тайкуна касательно всех вопросов, относящихся к острову Сахалин, вступать в переговоры с

уполномоченными Японии, заключать с ними и подписывать всякие условия, постановления и договоры»⁸⁹.

Таким образом, Россия, в отличие от Англии⁹⁰, не смогла добиться от Японии необходимых ей уступок в обмен на соглашение удовлетворить просьбу японского правительства. Неудача на очередных переговорах объясняется, на наш взгляд, следующими моментами. Во-первых, тактическим просчетом российской дипломатии – Россия слишком быстро согласилась удовлетворить просьбу Японии, рассчитывая на ответную благодарность с ее стороны, и переоценила свое влияние на политику этой страны. И, во-вторых, русские дипломаты не придавали большого значения слухам, которые распространяли иностранные агенты в Японии об агрессивных намерениях России⁹¹, и их воздействию на правительство бакуфу. Между тем требование России безвозмездно отдать южный Сахалин, воспринималось бакуфу как доказательство правоты иностранных советников, которые внимательно следили за ходом переговоров японской миссии в Петербурге и поддерживали Японию в ее решении не соглашаться на «непомерные требования России»⁹².

Западные державы препятствовали России закрепить свои права на южном Сахалине, поскольку надеялись добиться со стороны Японии разрешения на разработку каменноугольных копей на острове. Дело в том, что присутствие хорошего угля на Сахалине было особенно оценено предпримчивыми иностранцами. Один из представителей крупной американской торговой фирмы в Шанхае «Elephant and C°» обратился с просьбой к генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову о разрешении разрабатывать каменный уголь на Сортунае и доставлять его в китайские порты, которые до этого получали его кругосветным путем из Англии по непомерно высокой цене. Выгодность предложения была очевидна, и ему было разрешено русским правительством занять вдоль берега 500 сажень. Однако вслед последовало до 40 просьб от раз-

ных иностранных компаний об отводе угольных участков. Этот наплыв просьб испугал Петербург: русские дипломаты увидели в этом стремлении опасность мирного экономического завоевания Сахалина. В результате, раздача иностранных участков была запрещена⁹³. Недовольные этим решением представители западных держав решили в таком случае воспользоваться II статьей Симодского договора и на ее основании стали требовать уже от японского правительства разрешения на аренду острова. Стремясь попасть на Сахалин, под предлогом защиты интересов Японии, западные державы поддерживали стремление бакуфу утверждаться на южной части острова до возобновления переговоров с Россией о границе. Именно это явилось основной причиной того, что в дальнейшем условия заключительного протокола 1862 г. не были выполнены японским правительством, хотя оно ссыпалось на междуусобицу, якобы помешавшую отправить уполномоченных для переговоров с П.В. Казакевичем⁹⁴.

На страницах отечественной печати тема русско-японских переговоров 1862 г. не нашла своего должного освещения. В этот период проблема острова Сахалин была поднята только в журнале «Морской сборник», где автор статьи Е.В. Березин обращает внимание общественности на неоценимость сахалинского угля и, с удивлением, спрашивает: «Как до сих пор не составится компания для разработки этого минерала?»⁹⁵.

§ 3. Петербургское соглашение 1867 г.

В 60-е годы XIX века центр тяжести дальневосточной политики держав переместился из Китая в Японию. Западные страны, заключившие договоры с Японией, стали внимательно следить за происходящими событиями в этой стране, понимая, что она стоит накануне революционных событий.

К началу периода бакумацу, исчисляемому с 1854 г. по 1867 г., духовное и экономическое состояние политического режима в Японии было поражено изнутри глубочайшим кризисом, который грозил неминуемой социально-политической смертью общества и превращением государства в колонию (де-факто и даже де-юре). Однако в Японии к этому времени окончательно сформировалась духовная и политическая контрэлита, имевшая свою программу действий в сложившихся условиях. Она понимала неизбежность столкновения с «цивилизованным миром» и в качестве единственно спасительной реакции на это – необходимость коренных преобразований в стране. Период бакумацу стал периодом решительной схватки старой и новой Японии, в которой, прежде всего, решался вопрос: быть или не быть стране суверенной и самостоятельной. Правительство сегуна, вынужденное пойти на контакт с иностранцами и заключить с ними неравноправные договоры, надеялось «откупиться» этим от пришельцев, и, пользуясь географическими выгодами островной страны, попытаться, прежде всего, окончательно расправиться с оппозицией (политика регента Ии Наосука в конце 50-х гг. XIX в.).

Оппозиция понимала, что курс на консервацию существующих порядков правительству осуществить не удастся и, что контакта с европейцами избежать невозможно, но относительно форм и степени этих контактов существовало несколько мнений. Одна партия рекомендовала дать иностранцам решительный отпор, а затем, поддержав, таким образом, престиж Японии, заключить с иностранцами равноправные договоры. Другая – настаивала, прежде всего, на свержении династии Токугава, которая оказалась в настоящий момент явно неспособный править государством. Третья – признавала необходимость открыть иностранцам порты⁹⁶. Но, пожалуй, все были едины только в одном – массам совершенно незачем самостоятельно знакомиться со всеми европейскими технологиями: они должны получить их из рук элиты, адаптированными в

соответствии с ее интересами. В результате, назревала схватка между «верхами» и «верхами» – между правящей элитой, которая уже действительно «не могла» противостоять военной силе иностранцев и добиться полного подчинения себе местных князей, и контр элитой, группировавшейся вокруг микадо.

Начало локальных боевых действий в княжествах Сацума и Тесю летом 1863 г. показало, что назад, к восстановлению мирного *status quo*, пути больше нет. Локальный конфликт перерос в гражданскую войну. Смерть сегуна Иэмото во второй половине 1866 г., а затем и императора Комэй, формально подвела черту под историей сегуната Токугава. Революционный переворот в форме смены элит был неизбежен.

В этих условиях западные державы стремились расширить свои экономические и политические привилегии. Англия, Франция и США стали вмешиваться во внутреннюю борьбу в Японии. По существу, история внутренней политики бакуфу периода бакумату является историей соперничества Европы и США. Первоначально Англия Франция и США официально выступили сторонниками сохранения сегуната, гарантировавшего выполнение торговых договоров. Они вмешивались во внутренние дела Японии под предлогом поддержки законной власти сегуната против мятежных кланов. Эти державы действовали в Японии, как в Китае – единым фронтом при предъявлении требований о новых уступках и при подавлении движения против иностранцев, однако это не исключало их взаимного соперничества на дальневосточных рынках.

После бомбардировки Кагосимы и Симоносеки антисегунская оппозиция убедилась в безнадежности своей борьбы с могущественными державами. В результате, течение в пользу открытия портов постепенно приобрело большое влияние среди сторонников микадо. Лозунг отказа от договоров, потеряв свое реальное значение, становится боевым кличем, объединившим не столько настроенных против иностранцев, сколь-

ко всех японцев, добивавшихся свержения правительства⁹⁷. После высказанного обязательства сторонников микао не выступать против неравноправных договоров, единый фронт западных держав распался – стремление каждой из них сохранить за собой преобладающее влияние в Японии, определило характер их отношения к двум враждующим сторонам. В 1866 г. оппозиция заключила договор с Англией против сегуната. В результате англичане контрабандным путем сбывали юго-западным кланам вооружение и суда. Эта помощь, естественно, не была бескорыстной⁹⁸. Великобритания укрепила свои экономические и политические позиции в Японии и почти полностью ликвидировала французское влияние. Франция до конца поддерживала сегунат и оказывала ему военную и финансовую помощь, что дало ей возможность временно обеспечить свои экономические и политические интересы в Японии.

США, декларируя свою поддержку сегунату, извлекали немало выгод от продажи оружия и судов его оппозиции. Соединенные Штаты выступили посредниками в переговорах Японии с другими державами в результате чего, заняли, так же как и Великобритания, прочную политическую позицию в Японии.

Русское правительство придерживалось крайне осторожной, выжидательной политики в отношении событий, развернувшихся в Японии. Желая избежать осложнений в русско-японских отношениях и столкновения с более мощными державами, которые поддерживали борющиеся лагеря, Россия предпочла объявить о своем нейтралитете. А.М. Горчаков на призыв Ф. Зильбода отправить в Японию чрезвычайное посольство для посредничества в урегулировании ее конфликта с Англией и Францией, заявил, что такое посредничество будет равносильно вмешательству во внутренние дела⁹⁹. Придерживаясь выбранной тактики поведения, русское правительство дважды отклонило просьбу бакуфу об оказании содействия сегунату, ссылаясь на свою занятость в Европе и незнание

«какого правительства действительно хочет страна»¹⁰⁰. В инструкции своему консулу в Японии Е.К. Бюзову, МИД следующим образом объяснял свою позицию: «Мы постоянно уклоняемся от вмешательства в столкновения, возникающие между правительством Тайкуна и европейскими представителями. От подобного вмешательства нельзя ожидать никакой пользы»¹⁰¹. Действительно, благодаря включенной в торговый контракт 1858 г. статьи о наиболее благоприятствующей державе, Россия так же смогла бы воспользоваться любыми преимуществами, которые западные державы получат от Японии вследствие их военного национализма, не участвуя в их совместных демонстрациях, что с удовлетворением отмечал МИД в своем отчете Александру II в 1865 году¹⁰². Гораздо важнее было использовать занятость бакуфу внутренними проблемами и разбирательствами с иностранцами для «водворения русского влияния в южной части острова Сахалин»¹⁰³. Петербург рассчитывал, что укрепление русских позиций на острове и дальнейшее ухудшение внутреннего и международного положения Японии побудит ее отказаться от своих претензий на эту территорию¹⁰⁴.

Данная позиция Петербурга была окончательно сформирована после докладной записки генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова Александру II от 26 января 1865 г. Ссылаясь на донесения военного губернатора Приморской области П.В. Казакевича и консула в Хакодате И.А. Гошкевича, М.С. Корсаков отмечал, что японское правительство даже не собирается отправлять посольство в Николаевск, а наоборот, старается выиграть время, чтобы поставить Россию перед свершившимся фактом. Он указывал, что «японцы полностью поработили айну и приучают их к мысли, что Сахалин является японской территорией». Генерал-губернатор опасался, что японцы смогут распространить свое влияние дальше на север, так как отсутствие противодействия русских они расценивают как признак бессилия России. Поэтому он предлагал

правительству принять ряд безотлагательных мер: 1. весной 1866 г. отправить в Аниву или другой пункт Сахалина 1-2 роты для создания укрепленных постов; 2. распространять русское влияние среди туземцев; 3. основать русские поселения на юге Сахалина¹⁰⁵. По указанию Александра II, МИД рассмотрел записку М.С. Корсакова и одобрил ее основные положения. 27 февраля 1865 г. А.М. Горчаков представил императору доклад, в котором предлагал предпринять следующие действия для предотвращения опасности дальнейшего продвижения японцев на север от залива Анива: 1. временно воздержаться от переговоров с Японией о Сахалине; 2. принять предлагаемые М.С. Корсаковым меры по восстановлению русских прав на южный Сахалин, но во всех действиях соблюдать крайнюю осторожность, так как японское правительство может обратиться за советом к западным державам и вовлечь Россию в неприятные объяснения; 3. выделить с началом навигации 1866 г. из тихоокеанской эскадры 1-2 судна для сахалинской экспедиции и отправить доверенное лицо на Сахалин, поручив ему собрать дополнительные сведения о положении на острове, но придать всем мероприятиям русских совершенно мирный характер и не допустить столкновения с японцами. В случае жалоб японских властей на действия русских на Сахалине, военный губернатор Приморской области и консул в Хакодате должны ответить, что Россия вынуждена оградить свои права, поскольку японцы уклоняются от переговоров и захватывают русские земли¹⁰⁶.

21 мая 1865 г. состоялось особое совещание между великим князем Константином Николаевичем, генерал-губернатором Восточной Сибири М.С. Корсаковым и министром иностранных дел А.М. Горчаковым, на котором была выработана программа действий к ограждению прав России на Сахалине. Особое совещание приняло предложение великого князя Константина Николаевича отменить полномочия П.В. Казакевича и отправить в 1865 г. на Сахалин военный отряд для усиления Курильско-

го поста. Затем военные отряды должны были постепенно продвигаться своими постами к югу, пользуясь неразделенностью острова между Россией и Японией¹⁰⁷. В соответствии с этим решением, М.С. Корсаков распорядился, прежде всего, усилить Кусунайский пост. 12 августа 1865 г. корвет «Варяг» и 20 августа судно «Богатырь» доставили в Кусунай солдат 4-го линейного батальона и годичный запас провизии на 100 человек. Затем была отправлена провизия на пост Мануэ, основанный в 1866 году на берегу Охотского моря, где было предписано топографам заняться съемкой окрестностей русских поселений¹⁰⁸.

Принятые Россией решительные меры и многократные рекогносцировки на юге от Кусуная, встревожили японское правительство. Еще в октябре 1864 г. губернатор Хакодате Коиде Ямато-но-ками направил правительству бакуфу письменное донесение, в котором говорилось, что если провести границу с уступкой, по линии 48° с.ш. и открыть порты в Кусунай и Тоннай, то станет ясно, что эта территория японская¹⁰⁹. Однако правительство медлило с решением, до тех пор, пока не убедилось, что в условиях гражданской войны нельзя предпринять серьезных контмер по колонизации Сахалина. Когда в 1866 г. Коиде Ямато-но-ками вновь предложил правительству провести переговоры, настойчиво убеждая в необходимости демаркации государственной границы, оно решило направить в Петербург делегацию во главе с губернатором Хакодате, чтобы уже на дипломатическом уровне попытаться заставить Россию отказаться от создания постов на острове к югу от Кусуная¹¹⁰. Об этом решении губернатор Хакодате известил русского консула Е.К. Бюцова в мае 1866 г. Он так же постарался узнать согласится ли МИД на эти переговоры, и каковы будут требования русских, если японцы не станут настаивать на установлении границы по 50° с.ш. Е.К. Бюцов, в соответствии с данными ему инструкциями МИД России, заявил, что пограничный вопрос следует решать на месте и незачем ехать для этого в

Петербург. При этом он добавил, что японское правительство напрасно слушает советы иностранных государств и отвергает предложение Н.Н. Муравьева-Амурского. Коиде стал расспрашивать об условиях и уступках, на которые пойдут русские за желание оставить южный Сахалин за собой: будут ли возводиться укрепления в Аниве, сохраняться ли рыболовные промыслы за Японией, что представляет собой Уруп и другие Курильские острова. На это Е. К. Бюцов ответил, что он не уполномочен решать эту проблему¹¹¹.

Так как русское влияние на айну не могло еще распространиться и весь остров еще не перешел под фактический контроль России, Петербург стремился уклониться от переговоров¹¹². Но правительство сегуната настойчиво ходатайствовало об их необходимости. Наконец, не дожидаясь официального согласия русского МИД, 26 ноября 1866 г. оно отправило посольство в Россию, которое прибыло в Петербург 17 января 1867 г. Не только соображения государственного престижа делали Петербург единственным желанным местом для переговоров в глазах японского правительства. На наш взгляд, бакуфу стремилось к переговорам на высшем уровне, чтобы иметь возможность окончательно решить сахалинский вопрос и не дать возможности русским дипломатам на переговорах уклониться от решения проблемы, ссылаясь на отсутствие полномочий.

Переговоры с российской стороны вел директор азиатского департамента П.Н. Стремоухов. 23 января он приступил к своим обязанностям. На первом заседание Коиде объяснил, что бакуфу не выполнило соглашение 1862 г. из-за междоусобной войны. Японский посол предложил немедленно решить вопрос об установлении границы на Сахалине по 48° с.ш., угрожая ухудшением русско-японских отношений: «Мы всегда говорили о взаимной дружбе, но если это дело останется в том положении, в каком оно находится теперь, то дружба будет только на словах, а в сердце у нас будет вражда. Япония, – подчеркнул Коиде, – небольшое

государство – земли у нас мало и уступка территории в условиях междоусобной войны в стране, вызовет нападки оппозиции на правительство. Предложения японцев всегда основаны на справедливых доводах, и я надеюсь, что и ваши ответы будут иметь должное основание», – заключил японский уполномоченный. П.Н. Стремоухов парировал это заявление словами, что он не позволил бы себе предлагать представителю другой державы что-либо не имеющего основания¹¹³.

На заседании 25 января японские уполномоченные вновь заявили о необходимости проведения границы на острове, сославшись на возникновение конфликтов между русскими и японцами на Сахалине. П.Н. Стремоухов ответил, что в столкновениях на острове виноваты сами японцы, которые занимают не принадлежащие им земли и подстрекают туземцев против русских. Поэтому русское правительство вынужденно принять контрмеры для ограждения своих законных интересов. Мы считаем, добавил П.Н. Стремоухов, что граница по проливу Лаперуза будет единственным средством избежать столкновений. Но еще важнее, – подчеркнул он, – те государственные соображения, которые побуждают русское правительство отстаивать свои права на Сахалин, так как остров составляет одно целое с Амурским краем и захват его иностранными державами причинит России непоправимый ущерб. Далее П.Н. Стремоухов отметил готовность правительства уступить Японии Уруп с прилегающими островами (Чипрой, Брат Чипроев и Броутон) взамен на признание за Россией прав на весь Сахалин с сохранением за Японией прав на имеющиеся у нее рыболовные промыслы в акватории этого острова. Коиде неоднократно перебивал речь П.Н. Стремоухова. Он пытался доказать недружественный характер предложений России, намекая, что они исходят не от русского императора и противоречат его воли. Русский уполномоченный указал на необходимость соблюдать хладнокровие при переговорах и не допускать оскорблений по его адресу – пред-

ставителя русского императора. Коиде поспешил заметить, что он лишь выразил сомнения в полномочиях П.Н. Стремоухова делать подобные предложения. После решительного заявления П.Н. Стремоухова о «нemyслимости переговоров при допущение подобных выражений», Коиде извинился, сделав оговорку, что «он первый раз ведет переговоры и ему не вполне знакомы все принятые при этом формы»¹¹⁴.

На очередном заседании, 28 января, Коиде стал вновь доказывать, что Япония имеет исторические права на южный Сахалин, что правительство не может уступить его России, так как это вызовет насмешки иностранцев и возмущение собственного народа. П.Н. Стремоухов выразил сомнение в том, что признание прав России на весь Сахалин, имеющий для нее важное государственное значение, может вызвать недовольство японцев, которые заинтересованы лишь в сохранении на острове своих рыболовных промыслов. Коиде, продолжая настаивать на законных правах Японии, ответил, что данная уступка будет выглядеть, как выражение слабости правительства и неспособности его отстоять национальные права, что в сложившейся обстановке тем более невозможно¹¹⁵.

Таким образом, непримиримость позиций сторон в очередной раз поставила переговоры в тупик, из которого японская сторона попыталась выйти путем смены уполномоченного, ведущего переговоры, рассчитывая, что извинения изменят позицию П.Н. Стремоухова. 31 января Коиде письменно сообщил, что ввиду своей болезни поручает переговоры Исикува Суруга-но-ками и просит извинения за неуместные слова. На заседании Исикува повторил прежние аргументы против установления границы по проливу Лаперуз и заметил, что «обмен южного Сахалина на Уруп равносителен обмену хорошего дома на деревенскую хижину». П.Н. Стремоухов, поняв этот намек на недостаточность предлагаемой русскими территориальной компенсации, возразил, что остров Уруп будет исключительной собственностью Японии, между тем как ее права на

южный Сахалин весьма проблематичны. Отметив лояльное отношение России к Японии, и напомнив об отказе России участвовать в неоднократных антияпонских акциях иностранных держав, Стремоухов заключил, что Россия всегда стремилась быть для Японии дружественным государством. Исиакава согласился, с этим заявлением¹¹⁶.

3 февраля Исиакава вновь заявил, что посольство не может принять русские предложения и поэтому просит императора России пойти на уступки Японии в этом вопросе¹¹⁷.

На заседаниях 7 и 10 февраля развернулась дискуссия в связи с сообщением П.Н. Стремоухова, что император по прежнему настаивает на установлении границы по проливу Лаперуза и готов назначить уполномоченным военного губернатора Приморской области, если японское правительство пожелает возобновить переговоры на этой основе¹¹⁸.

14 февраля японские уполномоченные предложили заключить временное соглашение о Сахалине, ссылаясь на то, что они не могут вернуться на родину без каких-либо результатов и предложили на обсуждение свой проект соглашения¹¹⁹. 17 февраля японский проект подвергся обсуждению. Л.Н. Стремоухов заявил, что он для России не приемлем, поскольку фактически устанавливает границу на острове¹²⁰. 22 февраля он предложил официально подтвердить право русских создавать поселение на южном Сахалине. Японская сторона выдвинула второй проект русско-японского соглашения, в котором уполномоченные пытались доказать целесообразность создания русской гражданской администрации на острове, поскольку японским властям якобы легче будет наладить с ней дружеские отношения. П.Н. Стремоухов ответил, что в России есть правило назначать начальниками пограничных постов военных, которым подчиняются команды постов и для Сахалина не может быть исключения. И «если имеются справедливые претензии к начальникам постов, можно пожаловаться на них военному губернатору Приморской облас-

ти»¹²¹. На заседании 28 февраля был обсужден русский проект соглашения¹²², который лег в основу подписанного 18 марта 1867 г. временного соглашения о совместном владении островом Сахалин. Оно состояло из двух частей: в первой части приводились предложения России: 1. установить границу по проливу Лаперуз; 2. сохранить за Японией принадлежащие ей рыболовные промыслы на Сахалине; 3. передать Японии остров Уруп с прилегающими островами Чипрой, Брат Чипроев и Брутон; 4. установить временные правила для русских и японцев на Сахалине ввиду невозможности прийти к соглашению. Во второй части сообщалось, что японские уполномоченные отклонили все русские предложения кроме четвертого и предлагались следующие правила:

- русские и японцы должны поддерживать мирные и дружеские отношения и разрешать конфликты путем переговоров между местными властями России и Японии (Ст. 1);
- в силу общности владения Сахалином, русские и японцы имеют право свободно передвигаться по острову, возводить постройки и заниматься промыслами (Ст. 2);
- местным жителям предоставляется личная свобода и право распоряжаться своим имуществом (Ст. 3);
- в случае согласия японского правительства на изложенные выше предложения России местные губернаторы (Эдзо и Приморской области) могут быть уполномочены заключить трактат (Ст. 4);
- временные правила вступят в силу не позже чем через 6 месяцев после их подписания (Ст. 5)¹²³.

Данное соглашение представляло определенный шаг на пути окончательного разрешения сахалинского вопроса, лишив японцев повода препятствовать освоению русскими южного Сахалина. В отчете за 1867 г. МИД России отметил, что переговоры были безуспешны, но не бесполезны, поскольку Япония убедилась в твердости позиции России и при-

знала ее юрисдикцию на Сахалине¹²⁴. А.М. Горчаков считал соглашение более выгодным, чем II статья Симодского трактата, поскольку оно давало возможность продвигаться на юг и возвращать там российское влияние. По его мнению, самым единственным способом «закрепиться на Сахалине» является не военная оккупация острова, а развитие на нем русской торговли и промышленности «Для этого надо немедленно воспользоваться общностью владений и принять такие меры, чтобы спорная часть острова силой самих обстоятельств перешла в наше ведение. С достижением этой цели должно будет, разумеется, прекратиться и значение заключенного с японским посольством правил, которые в этих целях и были названы временными»¹²⁵.

Правительство бакуфу так же не было удовлетворено результатами посольства Коиде. Поэтому в ноябре 1867 г., приняв совет губернатора Хакодате, оно провозгласило разрешение «впредь не ограничивать число желающих всех групп населения переселяться на остров Сахалин»¹²⁶. Таким образом, правительство Японии, так же как и России, пришло к выводу, что лишь форсирование переселения сможет решить проблему границы, причем автоматически: выигрывает та сторона, которая быстрее утвердит свое влияние на местное население острова – айну и освоит в хозяйственном плане больше территорий. В результате, уже в 1868 г. МИД России с удивлением отмечал: «не взирая на расстройство государственных финансов и кровавые междуусобия, японцы не отказываются, однако, от своих видов на Сахалин. Они зорко следят за действиями русских на острове и не пропускают случая, чтобы поколебать наше влияние на местных жителей»¹²⁷. В течение 1868 г. правительство Японии переселило на остров около 300 человек и приняло меры к началу разработки каменноугольных залежей. Со своей стороны местное русское начальство так же старалось употребить все средства к упрочнению российского влияния на Сахалине и, по возможности, пыталось парали-

зователь действия японцев¹²⁸. Об этом противостоянии русских и японцев на Сахалине, впоследствии писал, не без доли иронии, известный отечественный публицист А.Я. Максимов: «Не будучи в силах ставить военные посты в каждом понравившемся нам месте, мы начали водружать в знак занятия известного пункта столбы с надписями; японцы не замедлили последовать нашему примеру и ставили такие же столбы, где только поспевали. Эта конкуренция, создав на острове чрезвычайную чрезполосицу, была причиной беспрестанных ссор и недоразумений, возникавших между русскими властями и японскими чиновниками»¹²⁹. Таким образом, вопреки желанию русского правительства, сахалинский вопрос усложнялся с каждым годом и грозил в будущем еще более серьезными затруднениями.

Соглашение 1867 г. не было одобрено и русской общественностью. М. Венюков в журнале «Военный сборник» опубликовал статью, которая наиболее точно отразила впечатление, произведенное этим договором в обществе. Он писал: «ныне мы должны употребить все усилия, что бы поскорее выйти из ложного положения, созданного договором 1867 г. о совладении с Японией»¹³⁰.

Однако факт очередной неудачи российской дипломатии на переговорах с Японией был сразу же затмен более драматичным, по мнению отечественной периодики, событием – продажей Аляски Соединенным Штатам. «Сегодня, вчера и третьего дня мы передаем и передавали полученные из Нью-Йорка и Лондона телеграммы о продаже США владений России в Северной Америке – и теперь, как и тогда, не можем отнести к подобному невероятному слуху иначе, как к самой злой шутке над легковерием общества»¹³¹, – писала газета «Голос». Особенно отрицательную реакцию русской прессы вызвало сообщение о предложенной сумме продажи. «Голос» писал, что «названная сумма чуть более \$ 7 млн. слишком ничтожна для России. А если учесть, что правительство

должно будет выдать РАК компенсацию, то останется всего \$ 5-6 млн.! И стоит ли лишать Россию ее американских владений как раз в то время, когда там открыто золото, разработка которого в 2-3 года доставит более, чем дают за них США»¹³². Позднее, «Голос» с возмущением добавлял: «Нужели трудами Шелихова, Баранова, Хлебникова и других самоотверженных людей России должны воспользоваться иностранцы и собрать в свою пользу плоды их?»¹³³

«Московские ведомости» с намеком на то, что продажа Аляски была скорее сделкой не экономической, а политической, перепечатали передовую статью «Morning Herald», где было сказано: «Единственное, что мы можем возразить против этой сделки это то, что она сильно отзывается спекуляцией. Страна уступается слишком дешево. Она покупается правительством США дешевле, чем сколько за нее давали частные лица»¹³⁴. О том, что эта сделка вытекала из сложившейся для России международной обстановки, писали и сами американцы: «Политическое его – трактата значение, несомненно. Уступка его указывает на вероятность политического, торгового, военного союза между Россией и США против Англии и Франции»¹³⁵. Однако М. Венюков, как бы возражая тем, кто видел в продаже Аляски «тактику дальнего прицела», справедливо писал, что «уступить обширную страну ради одной дружбы, по меньшей мере, наивно»¹³⁶.

Не менее оживленную дискуссию в русском обществе вызвали события, происходившие в Японии: падение сегуната и последовавшие за этим преобразования в политической и социально-экономической жизни этой страны, не остались не замеченными русскими корреспондентами. Первыми, на происходящее в Японии, откликнулись газеты. В 1868 г. на страницах «Голоса», «Русских ведомостей», «Нового времени» появились сообщения о гражданской войне и свержении сегуната. Причем оценка, дававшаяся этим событиям на страницах либеральной прессы –

«Голоса» и «Русских ведомостей» и на страницах газет консервативного направления – «Нового времени» и «Московских ведомостей» была практически идентичной. Газеты одинаково характеризовали их как «междоусобную войну между сегуном и феодальными князьями, захватившими в свои руки молодого монсеньора»¹³⁷.

Значительную информацию о внутренней жизни Японии несли статьи И.Д. Касаткина, который с 1860 г. находился в составе первого русского консульства. Его корреспонденции из Японии регулярно печатались на протяжении 60-х годов в «Московских ведомостях», «Русском архиве», «Русском вестнике». В очерке, посвященном только что свершившемуся перевороту Мэйдзи, И.Д. Касаткин подчеркивал решающую роль внутренних факторов, приведших в конечном итоге к событиям 1868 года. «Было бы ни с чем несообразной ошибкой полагать, – писал он, – что современною революцией Япония обязана вторжением к ней иностранцев. Эта революция давно уже была подготовлена. Приход иностранцев лишь на несколько лет ускорил разрыв»¹³⁸. К этому же выводу пришел и М. Венюков, побывавший в 1868 г. в Японии. «Факты, приведшие к нынешнему перевороту, – отмечал русский публицист, – больше принадлежат собственно японской истории, чем летописям международным»¹³⁹, а сами эти события являются «переворотом, задуманным и исполненным феодальной аристократией»¹⁴⁰.

В 70-е гг. особый интерес русской общественности вызывали реформы, проводимые правительством Мэйдзи. Отмечая довольно быстрое экономическое развитие и усиление военной мощи Японии, газеты призывали русское правительство обратить внимание на характер этих реформ, недвусмысленно указывая на возможный путь решения российских проблем, так как реформы эпохи Мэйдзи, не приведшие к потрясениям или ослаблению экономики Японии, являлись в глазах прессы удачным решением проблемы перехода от аграрной к индустриальной

эрे¹⁴¹. «Грустно сознавать, – писал один из корреспондентов журнала «Живое обозрение стран света» М.Д. Бутин, – что именно мы остаемся глухи и безучастны к великому движению, совершающемуся вблизи нашей отдаленной восточной окраины, где воды Тихого океана положили границу между старым и новым светом»¹⁴².

Однако позиция, занимаемая русской прессой в вопросе о реформах в Японии, вызывала нарекания со стороны правительства. Неодобрительно к ней относились и российские дипломаты. Так, К.В. Струве в своем донесении из Японии директору Азиатского департамента П.Н. Стремоухову писал, что «газеты русские служат немаловажной причиной к тому образу действий, какое приняло в последнее время министерство Ивакуры. Японцы набрасываются на иностранные газеты и вычитывают и помещают в своих газетах все то, что пишут о Японии. И неудивительно, что они воображают, что европейские державы и общественное мнение в Европе верит в их несуществующий прогресс и цивилизацию»¹⁴³. Таким образом, в процессе оценки характера происходивших в Японии реформ, между мнением общественности и дипломатов наблюдались значительные расхождения.

В 70-е гг. XIX в. все более отчетливо начинают звучать призывы общественности о необходимости, наконец, решить проблему острова Сахалин. «Судьба и политика наша дали нам в руки Сахалин с его каменным углем – этою альфою и омегою промышленности. Если мы обеспечим доставку сахалинского угля, то сделаем разом огромный шаг: разовьем промышленную деятельность Восточной Сибири, составим крупную статью отпускной торговли и завоюем почетное значение во мнение народов Азии наряду с американцами, англичанами и немцами. России, безусловно, необходимо обладание этим островом, если только мы желаем удержать за собой западный берег Тихого океана»¹⁴⁴, – с таким призывом к русскому правительству обратился журнал «Морской сбор-

ник». С этим призывом общественности, Петербург был вполне солидарен, но если в прессе все еще периодически появлялись предположения о том, что если не удастся получить весь остров, то необходимо провести наиболее удобную границу¹⁴⁵, то в кабинетах российских дипломатов этот вопрос был решен уже однозначно – необходимо предложить Японии такую компенсацию, размер которой заставил бы японское правительство уступить России весь остров Сахалин.

Таким образом, Конвенция 1867 г., лишь разъяснив статьи о нераздельном владении Симодского трактата, не решила проблему демаркации границы. Надежда русского правительства на то, что оно в ближайшее время урегулирует эту проблему автоматически, колонизировав весь остров, не оправдались. Японское правительство активно противодействовало этому намерению России, усиливая свое влияние на острове параллельно с русским. В результате, Петербург пришел к выводу о необходимости дипломатического урегулирования сахалинского вопроса.

* * *

В 60-е гг. XIX в., несмотря на успешное заключение Симодского договора, отношения между Россией и Японией оставались довольно напряженными. Основной проблемой в этих отношениях стал вопрос о территориальной принадлежности острова Сахалин. Россия, лишенная выхода в южные моря после Крымской войны, стремилась утвердить свои позиции на Тихом океане. Опасаясь быть закрытой во внутренних морях и на Дальнем Востоке, она хотела укрепить свое влияние на Сахалине, полное владение которым давало бы возможность как беспрепятственному выходу в Тихий океан, так и полной защите всех дальневосточных рубежей. Однако Петербург потерпел поражение в переговорах с Японией в 1859, 1862 и 1867 гг., так как рассчитывал получить желаемое без какой-либо серьезной компенсации со своей стороны. Японское

правительство, заручившись поддержкой Англии и Франции, и, оценив всю значимость для России острова (о чем неоднократно говорили сами русские уполномоченные), стало вести тонкую игру, стремясь получить максимальную компенсацию. Такое поведение привело к тому, что Россия от обещания сохранить рыбные промыслы (в 1859, 1862 гг.) перешла к предложению об обмене территориями (1867 г.). Но, по заявлению японских уполномоченных, эта территориальная компенсация была недостаточной. Тактика, выбранная японской дипломатией на переговорах, автоматически приводила русское правительство к решению о необходимости увеличения территориальной компенсации, которая была возможна лишь за счет Курильской гряды. Однако прежде чем принять подобное решение, Петербург попробовал выиграть гонку по заселению Сахалина у Японии. Временное соглашение 1867 г. позволяло беспрепятственно заселять южную часть острова, но отсутствие достаточного финансирования снизило эффективность этих мероприятий, основной положительный момент которых, заключался в том, что западные державы не были допущены на Сахалин.

Сахалинский вопрос продолжал оставаться довольно спорным в российско-японских отношениях.

Глава III. Проблема границы в русско-японских отношениях в 70-е гг. XIX века.

§ 1. Россия в дальневосточной политике Японии.

Длительные переговоры между Россией и Японией по поводу Сахалина, растянутые на десятилетие, привлекали внимание мировых держав, и, особенно, Англии, у которой отношения с Россией были обострены в связи с противоречиями в Центральной Азии. Англия, вторгнувшаяся в пределы Японии с юга, и Россия, продвигавшаяся к японским островам с севера, ревниво следили друг за другом на этом архипелаге. Силы каждой из них были направлены к тому, чтобы не допустить экспансии другой страны на крайнем востоке обширного азиатского материка. Еще в период бакумацу, Англия, стремясь вытеснить Россию из тихоокеанского региона, пыталась взять у Японии в аренду остров Хоккайдо, Хакодате и залив Анива на Сахалине. Но Япония опасалась осложнений в отношениях с Россией и отказалась Англии в ее претензиях. В результате, из-за невозможности прямого военного присутствия на южном Сахалине, Англия стала вмешиваться в русско-японские переговоры, стараясь усилить свое влияние на Японию в противовес России.

Японское правительство, видя эти противоречия, пыталось использовать их для укрепления своих позиций в переговорах с Россией. А.М. Горчаков в докладе от 15 мая 1870 г. предостерегал Александра II, что Япония попытается захватить южный Сахалин, используя окончание гражданской войны, свою географическую близость к острову и нелегальную поддержку иностранных держав. Российский министр иностранных дел утверждал, что с окончанием гражданской войны японское правительство «стало делать чрезвычайные усилия для распространения и утверждения своего влияния на Сахалине. Если, с одной стороны, в этом выражалось желание вознаградить упущенное время, то, с другой,

не может подлежать сомнению, что японцы в последние годы более чем прежде стали прислушиваться к подстрекательствам иностранцев, преимущественно англичан не перестающих распространять на Востоке самые преувеличенные слухи о наших честолюбивых замыслах. Замечательно, что с особой настойчивостью повторяются и печатаются известия о намерениях России овладеть островом Эдзо. Близкое участие, которое англичане принимают в сахалинском деле, доказывается и частым появлением их военных судов около наших берегов»¹.

Русский публицист Е. Пеликан так же указывал на неоднократные заявления французов и англичан, что они пришли в Японию с единственной целью – спасти ее от агрессии России, ненасытной в своих замыслах². Другой отечественный исследователь и путешественник М. Венюков с возмущением писал о дискредитации русского имени в Японии английскими и французскими представителями купечества, дипломатами, офицерами и журналистами: «все они усердно внушают японцам, что Россия их главный и самый опасный враг, что нужно употребить все усилия, чтобы противиться ее поглощающему влиянию. В то же время, - отмечает М. Венюков, - не пропускается ни один случай унизить Россию нравственно, показав перед японцами ее слабость после столкновения с Европой, безденежье, административную неурядицу и тому подобное. Всякий русский корабль, появившийся в японских водах, кажется, поэтому японцам чуть ли не авангардом завоевательного флота, а каждый русский путешественник – тайным агентом»³.

В результате такой целенаправленной дезинформации со стороны иностранной прессы, японское правительство добавило еще один аргумент в пользу своего нежелания уступить южный Сахалин России: 3 января 1872 г. консул в Хакодате, статский советник С.К. Бюцов в докладной записке А.М. Горчакову подчеркивал, что правительство микадо под влиянием наговоров иностранных держав, отказывается уступить часть

острова, ссылаясь на угрозу дальнейших захватов, но, одновременно намекнуло, что Уруп с прилегающими островами является недостаточной компенсацией. На этом основании С.К. Бюцов предлагал увеличить территориальную компенсацию. Он писал, что «если совершенно отложить в сторону мысль о денежном вознаграждении, которое японцы охотнее всего приняли бы, но которое не соответствует нашим интересам, остается один только способ сделать наше предложение более привлекательными для японцев, а именно, увеличить территориальную уступку присоединением к острову Уруп еще остров Симусир (Шумшу) и даже несколько других островов Курильской гряды, но никак не далее 4 пролива, сохранение которого, как удобного выхода из Охотского моря в океан, для нас важно»⁴. 5 января 1872 г. это предложение было одобрено Александром II и великим князем Константином⁵. Однако, ст. советнику С.К. Бюцову поручалось, прежде всего, добиться принятия русских предложений 1867 г. на следующих переговорах, и только, в крайнем случае, уступить, Курильские острова до 4 пролива, заручившись обязательством Японии не переуступать их иностранным державам⁶.

В начале 70-х гг. XIX в. в Японии по мере проведения реформ, связанных с упразднением княжеств и созданием префектур, с принятием закона о введении воинской повинности и реорганизации социальной структуры общества, усилились антиправительственные выступления разорившегося самурайства. Члены правительства Сайго Такомори и Сузэдзима Танэоми выдвинули план решения проблемы безработицы, как идею захвата Кореи в целях включения ее в сферу своего влияния и противостояния России. Другие члены правительства – Ивакуро Томоми, Окубо Тосимити и Кидо Такаеси считали, что необходимо создать совместно с Китаем и Кореей систему общей обороны для укрепления независимости Японии. Выдвигалась, так же, идея о необходимости убедить

Корею в целесообразности присоединения к Японии, а, в случае отказа, добиться ее присоединения военной силой⁷.

Министр внешней политики Соэдзима направил всю свою энергию на воплощение идеи вторжения в Корею в жизнь⁸. Для ее реализации необходимо было найти союзника – достаточно сильного, чтобы противостоять Китаю, который японцы продолжали считать «спящим львом», но в то же время, достаточно «дешевого», чтобы Япония была в состоянии без ущерба для себя оплатить его услуги. В этих условиях соседняя с Китаем Россия была, по мнению Соэдзимы, самым подходящим союзником и цена за ее поддержку в будущей войне – южный Сахалин – наиболее приемлемой формой расплаты. А инспекция Куродо Киетаки на Сахалин окончательно убедила японское правительство в выгодности этого обмена. В 1870 г. для того, чтобы сдерживать проникновение русских на Сахалин, новое императорское правительство Японии назначило Куродо Киетаки заместителем министра по делам освоения новых районов и направило его на Сахалин, поручив ему предоставить свои соображения о действиях, необходимых для роста влияния Японии на острове. Однако, проинспектировав различные районы Сахалина, Куродо сделал пессимистический вывод о том, что остров не стоит денег, какие потребовались бы «на приведение его в культурное состояние, ибо не только климат его крайне холоден, но и почва бедна и бесплодна; кроме того, до тех пор, пока Япония будет обладать частью его, для нее всегда будет существовать опасность столкновения с Россией, а сохранить свое влияние на Сахалине мы сможем максимум года на три». Он рекомендовал правительству «предоставить России весь Сахалин, на каких-либо условиях или без таковых, как придется, и сосредоточить все свои усилия для разработки острова Хоккайдо»⁹. В результате такого заключения, потребность в Сахалине как в территории, необходимой для успешного развития экономики государства, в глазах правительства Мэйдзи отпала. Поэтому

должность специального уполномоченного по освоению Сахалина была упразднена, и остров был возвращен под административное управление Хоккайдо. Все дальнейшие усилия правительство стало направлять на колонизацию острова Эдзо¹⁰. Таким образом, Сахалин стал представлять для Японии только политическую ценность - он позволял ей иметь постоянное влияние на политику России, так как, благодаря усилиям, как русских дипломатов, так и советам иностранных представителей, верховное правительство очень хорошо понимало, что Сахалин для России есть стратегически важная местность, за которую она готова заплатить значительную цену. Из этого следовало, что, во-первых, необходимость очередных переговоров о спорных территориях была осознана и в Японии. И, во-вторых, основной задачей на предстоящих переговорах являлась необходимость добиться максимальной территориальной компенсации от России и, по возможности, заручиться ее поддержкой в предстоящей войне с Китаем из-за Кореи, для чего применить аргумент о размере территориальной компенсации было более чем уместно¹¹.

70-е гг. XIX в. стали новым этапом в истории российско-японских отношений. Периодом, когда обе стороны окончательно убедились в невозможности решить сахалинскую проблему без дипломатических переговоров и обоюдных уступок сторон. Упорство, с которым Япония пыталась закрепиться на южном Сахалине, а так же явная поддержка западных держав японской стороны заставили российских дипломатов прийти к решению о необходимости изменить свою политику в этом вопросе – тактика 60-х гг. - уклонение от переговоров была признана не актуальной. Начало 70-х гг. было отмечено максимальной активностью России в желании окончательно разрешить сахалинский вопрос. Увеличение территориальной компенсации и переговоры 1872 – 1874 гг., проходящие по настоянию Петербурга, наглядно свидетельствуют об этом стремлении России.

Однако 70-е гг. XIX в. были так же отмечены изменением отношения Японии к России. Если в период бакумацу, по мнению, Х. Вада, в Японии относились к России как к учителю - молодая японская интеллигенция была увлечена идеей необходимости для Японии следовать примеру реформ Петра I и полагала, что эти реформы могут послужить образцом для их страны¹². То для Японии периода Мэйдзи, Россия уже не являлась образцом для подражания. Главными причинами этого Ц. Тогава считает изучение реальной обстановки в России, с одной стороны, и усиление британской русофобии – с другой¹³. Еще в 1869 г. правительственный журнал «Мэйдзи ганкан» поделил все страны мира на пять категорий: цивилизованные (Англия, Франция, Голландия, США); просвещенные (Италия, Россия, Испания, Португалия); полупросвещенные (Китай, Индия, Турция, Персия); нецивилизованные страны (кочевые племена Сибири, Центральной Азии, Африки); варвары (американские индейцы,aborигены Австралии и Африки)¹⁴. Таким образом, Россия относилась ко второму зшелону стран.

Другим косвенным показателем низкого рейтинга России в Японии служит тот факт, что многие студенты, пройдя заграничные стажировки, сделали блестящие карьеры, тогда как из стажировавшихся в России японцев, лишь один добился поста министра. Х. Симидзу писал, что японские стажеры в России были разочарованы, так как «русские по всем позициям, по сравнению с другими странами, отсталые, и сами изучают все иностранное» и японские студенты вскоре возвращались на родину¹⁵. Подтверждение таким оценкам дала и поездка специального посольства Японии во главе с Ивакуро Томоми. В США она пробыла 205 дней, в Англии – 112, Франции – 70, в России – 16 дней. Члены этой миссии пришли к выводу, что абсолютная монархия, большой разрыв между бедными и богатыми, неграмотность населения, то есть все то, что было свойственно России – это показатель отсталости страны, и в

силу этого, ее опыт неприемлем в Японии. Поэтому Россия была исключена из числа стран, которым Япония должна подражать.

Практически, именно с этого периода стал укрепляться образ России-врага. Не случайно, по мнению Х. Вада, этот образ является в Японии наиболее фундаментальным и убедительным. Формированию этого образа немало способствовали и советы иностранных представителей. А его становление чутко осознала отечественная публицистика, которая в его возникновении обвиняла не только наветы западных держав, но и экономическую слабость России на Дальнем Востоке¹⁶. Иностранные представители в Японии постоянно поддерживали в японском обществе мнение, что Россия – враг, который угрожает непосредственно территории Японии и ее независимости¹⁷. Между тем, в среде японского правительства существовало мнение, что основную угрозу Россия представляет на континенте, так как она будет препятствовать японской экспансии в Корее¹⁸. Таким образом, вскоре после Мэйдзи исин Япония, решившая принять на равных правах с другими державами участие в наступлении на Китай, стала рассматривать Россию, как своего потенциального противника, который угрожает не только непосредственно независимости Японии, но и препятствует ее влиянию на континенте¹⁹. Однако, признав первоочередной внешней политической задачей вторжению в Корею, правительство Мэйдзи, понимая свою неспособность вести войну на два фронта, стремилось заручиться поддержкой, или, хотя бы, нейтралитетом России в будущей войне с Китаем. Поэтому, Соэдзима, в беседах с С.К. Бюзовым, неоднократно возвращался к теме о правах Японии на остров Тайвань и выражал надежду на то, что Россия займет благожелательную позицию в отношении Японии, если она пойдет на разрыв с Кореей или организует экспедицию на Тайвань²⁰. Но так как С.К. Бюзов решительно отклонял все притязания Японии на совместные агрессивные выступления, предупреждая, что подобные мероприятия Японии

могут вызвать серьезные осложнения в международных отношениях, 10 августа 1873 г. Соэдзима после возвращения из Китая, где безуспешно добивался уступки Тайваня и Рюкю, объявил, что видит только два способа прийти к окончательному соглашению по Сахалину: или покупку у России всего острова или уступка его в обмен на обязательства Петербурга остаться нейтральным в случае войны Японии с Китаем и допустить высадку японских войск на русских берегах для вторжения в Корею. С.К. Бюцов категорически отверг первое предложение и дал понять, что вряд ли русское правительство согласится пропустить японские войска через свою территорию и дать обязательства о нейтралитете на неопределенный срок. Затем он попытался возобновить обсуждение русских предложений, но натолкнулся на отказ²¹.

МИД России, получив последнее предложение Японии о пропуске японских войск через российские владения в обмен на отказ Японии от южного Сахалина, решительно отклонил их, предложив С.К. Бюзову выдвинуть следующие причины для отказа: высадка японских войск сопряжена с исключительными трудностями, так как им придется преодолеть длинный морской путь, оторваться от баз снабжения, прокладывать дорогу через девственные леса, при этом они не смогут рассчитывать на местные перевозочные средства и продовольствие ввиду слабой заселенности южного побережья Уссурийского края. С.К. Бюзову следовало выдвинуть и политические мотивы этого отказа, а именно, что пропуск японских войск даст повод предполагать наличие секретного русско-японского соглашения, враждебного интересам Китая и европейских держав, что может привести к политическим осложнениям²². С.К. Бюзов должен был облечь отказ русского правительства в весьма осторожную и вежливую форму, чтобы не сорвать переговоры о Сахалине. По этой же причине Петербург счел возможным разрешить своему поверенному войти с японским правительством в соглашение относительно россий-

ского нейтралитета в случае войны Японии и Кореи, с тем, однако, чтобы японцы не нарушали неприкосновенность русской границы²³.

Но С.К. Бюцову не удалось передать ответ правительства России на последние японские предложения, так как Соэдзима неожиданно прервал переговоры под предлогом того, что на Сахалине произошло вооруженное столкновение между русскими и японцами. Он предложил дождаться японских чиновников, которые были отправлены на остров для расследования причин конфликта²⁴. На заявление С.К. Бюцова о том, что не следует из-за неожиданного недоразумения откладывать переговоры, Соэдзима ответил, что японское правительство не возобновит переговоры до тех пор, пока не будет произведено расследование и наказание виновных в происшествии на Сахалине. Однако русский дипломат понял, что основная причина задержки переговоров в том, что Соэдзима дождался возвращения посольства Ивакура из Европы, чье влияние и значение в правительстве было слишком велико, чтобы Соэдзима смог пренебречь его мнением и заключить договор без его одобрения²⁵. Действительно, сторонник военной партии Соэдзима, стремился получить согласие на его план вторжения в Корею у всех членов императорского правительства до возвращения его основного противника Ивакура Томоми. Соратник Соэдзима, генерал Торио так же принимал активное участие в дебатах, стараясь доказать необходимость выполнения этого плана до возвращения посольства Ивакуро. Вскоре большинство членов кабинета поддержали позицию военной партии, но, как отмечал в своих воспоминаниях генералиссимус Санго, «так как члены императорского правительства торжественно обещали лорду Ивакуро не предпринимать до его возвращения никаких перемен, то ничего не оставалось, как открыто обсудить вопрос о вторжении по возвращении посольства и в присутствии членов европейских партий»²⁶. Премьер-министр Сайджо так же согласился на войну с Китаем, но только под условием, чтобы ее

одобрил Ивакуро²⁷. В этих условиях Соэдзима счел целесообразным приостановить переговоры с Россией и добиться первоначально победы своей партии во внутрикабинетной борьбе, чтобы не получилось, что Япония откажется от прав на южный Сахалин ради обязательства России, которым не суждено будет воплотиться в жизнь из-за противодействия внутри самого японского правительства.

В сентябре 1873 г. посольство Ивакуры вернулось в Японию, не сумев добиться от западных держав пересмотра неравноправных договоров²⁸. Верховное правительство немедленно раскололось на два лагеря: военный министр Сайго Такамори, министр юстиции Это Симпэй и министр иностранных дел Соэдзима, а так же члены правительства Гото и Итагаки стояли за войну, тогда как Ивакура, Кидо, Окубо, Ито и остальные члены его посольства единодушно выступали против развязывания войны с Китаем из-за Кореи, ссылаясь на экономическую и военную слабость Японии, на неустойчивость политического положения в стране и международную изоляцию. Аргументация Окубо Тосимими против немедленной войны была весьма характерна для взглядов умеренных. Он утверждал, что «Россия является наиболее опасной из всех иностранных держав. Ее экспансия на юг хорошо известна и если Япония и Корея вступят в войну, они легко станут добычей России. Англия так же является могущественной державой, у которой Япония заняла много денег. Если Япония и Корея будут между собой воевать и в результате войны, Япония не уплатит проценты по займу, Англия использует это как предлог для вмешательства во внутренние дела Японии, превратив ее, таким образом, в Индию»²⁹. Окубо так же предупреждал, что, в связи с войной, придется увеличить налоговое бремя населения, выпустить новые бумажные деньги и прибегнуть к внешним займам, что чревато серьезными внутренними и международными осложнениями³⁰. В связи с этим «мирная» партия предлагала действовать пока дипломатическими

средствами и, опираясь на поддержку Англии и США, распространить свое влияние на подвассальные территории Китая (Тайвань, Корея, Рюкю). Таким образом, расхождения между «военной» и «мирной» партиями были не в делах, а в способах достижения таковых.

В октябре 1873 г. произошел раскол правительства: Сайго, Соэдзима и другие лидеры военной партии ушли в отставку. Их место заняли Тэрадзимо, Окубо, Кацу и Кидо³¹.

Нового министра иностранных дел – Тэрадзимо, С.К. Бюцов считал «преданным англичанам» и его обвинял в срыве переговоров о Сахалине. 21 октября 1873 г. Соэдзимо сообщил С.К. Бюзову, что правительство возражает против уступки южного Сахалина, но заверил, что через несколько месяцев положение измениться. Он намекнул, что главным поводом его отставки явилось его стремление сблизить Японию и Россию и уступить в сахалинском вопросе.

С.К. Бюцов встретился с Тэрадзима, который заявил об отсрочке переговоров на неопределенное время до расследования конфликтов на Сахалине. В связи с этим, С.К. Бюцов счел не целесообразным передать ответ русского правительства о Корее. В своем отчете МИД о причинах отсрочки переговоров по Сахалину, он назвал изменения состава правительства Японии, основным виновником этого срыва³². А.М. Горчаков придерживался той же точки зрения. В отчете МИД за 1873 г. он отмечал, что накануне окончательного решения вопроса о Сахалине, произошла отставка Соэдзима и назначение менее расположенного к России Ивакура вице-канцлером, что эта перемена в составе правительства является не совсем удачной, и она на время положила конец успешно начавшимся переговорам по Сахалину³³. Однако вопрос заключался не в личных симпатиях или антипатиях отдельных японских чиновников. По свидетельству Арига Н., в сентябре 1873 г. японский кабинет решил последовать совету, выраженному в обращении Куродо Китетаки к прави-

тельству и предоставить России весь Сахалин на «каких-либо условиях или без таковых, как придется». Но вмешательство иностранных представителей заставило изменить это решение³⁴. Дело в том, что французский поверенный в делах Жорес передал Соэдзима сообщение вернувшегося во Францию Утре, что в правительстенных кругах России имеются сторонники уступки Сахалина Японии в целях предотвращения конфликтов на острове и упрочнения русско-японских отношений. А еще раньше, в августе 1873 г. американский посланник Бингам, заявил в беседе с Соэдзима, что русское правительство намерено уступить Японии все права на Сахалин³⁵. Естественно, что после таких неоднократных заявлений, правительство Мэйдзи решило приостановить переговоры, чтобы подтолкнуть Петербург к принятию окончательно того решения, о котором с такой убедительностью говорили иностранные представители в Японии.

Японские историки признают, что императорское правительство допускало подобное вмешательство иностранных держав в русско-японские отношения, и объясняют эту игру на международных противоречиях тем, что Россия проявляла несговорчивость и затягивала переговоры о Сахалине³⁶. Действительно, в истории русско-японских переговоров о демаркации границы были периоды, когда российские дипломаты сознательно шли на их оттягивание³⁷, но в 70-е гг. XIX в. МИД России, осознав, что желаемого можно достичь только путем переговоров и увеличения размера территориальной компенсации, стремился безотлагательно разрешить вопрос о Сахалине и поэтому шел на значительные уступки. Однако внутренние противоречия японского кабинета министров, которые не смогли выработать единую линию внешней политики страны и активное вмешательство западных держав в ход переговоров, привели к их очередному срыву со стороны Япония, которая на этом этапе сама стремилась их затянуть. Тем не менее, нестабильность япон-

ского общества и связанные с ней изменения во внешней политики правительства Мэйдзи, требовали сохранения дружбы Японии с Россией, что, естественно, подразумевало возобновление переговоров о Сахалине.

В январе 1874 г. 9 самураев клана Тоса ранили Ивакура Томоми, которого самурайство считало главным виновником отмены рисовых стипендий и похода в Корею. В начале февраля 1874 г. началось восстание самураев клана Сага и Кюсю под руководством бывшего министра юстиции Это Симпэй. Они требовали восстановления самурайских привилегий, отмены реформ изменения состава правительства, пересмотра неравноправных договоров и экспансии на материк. Город Сага был взят восставшими, губернатор и многие чиновники – убиты. В связи с этим, вопрос о необходимости войны с Китаем, призванный отвлечь самурайство от проблем внутренней политики был решен положительно. В 1874 году японское правительство организовало экспедицию на остров Тайвань³⁸, находившийся в вассальной зависимости от Китая. И хотя японские войска были затем выведены с Тайваня, японское правительство при посредничестве американцев и англичан, вынудило Китай подписать договор об уплате Японии 500 тыс. таэней в компенсацию за «причиненный ущерб»³⁹. В этот же период Япония приступает к подготовке вторжения в Корею, для успешного осуществления которого необходим был, как уже отмечалось выше, по крайней мере, нейтралитет России.

Другой момент, не менее значительный на наш взгляд, который толкал Японию на возобновление переговоров, это было желание видеть в лице Петербурга союзника в борьбе за отмену неравноправных условий в договорах с западными странами.

Таким образом, все вышеназванное увеличивало количество сторонников Куродо Киетаки, который продолжал настаивать на необходимости устранения причины, способной вызвать нежелательное ухудшение в отношениях Японии с Россией. Для окончательного решения террито-

риальной проблемы с Россией в феврале 1874 г. полномочным посланником Японии был назначен Такэаки Эномото, который поддерживал позицию Курода Киетаки о необходимости уделять основное внимание колонизации Хоккайдо, а не Сахалина. Эномото был присвоен чин вице-адмирала, что должно было поднять престиж японского посла⁴⁰. Переговоры было решено возобновить в Петербурге, несмотря на настойчивое желание русского правительства вести их в Токио. В своем решении правительство микадо руководствовалось, на наш взгляд, соображениями следующего характера. Во-первых, так как последние предложения России содержали предложения о компенсации территорий Курильских островов лишь до 4 пролива, а по инструкции Эномото, японское правительство было намерено получить от России все Курильские острова, то значительная удаленность места переговоров от Токио, давала возможность японским дипломатам по необходимости оттягивать ход переговоров, что позволило получить достаточно времени для обдумывания каждого шага, необходимого для реализации инструкций, возложенных на посольство. И, во-вторых, соображения повышения государственного престижа Япония, также играли не последнюю роль в позиции правительства Мэйдзи при выборе места переговоров.

5 марта 1874 г. кабинетом министров была разработана инструкция, по которой Эномото должен был добиться от России согласия отдать за южный Сахалин все Курильские острова, а так же пойти другие уступки.

1. Следует получить в качестве территориальной компенсации за Карабуто все Курильские острова от Урупа до Камчатки.
2. Каждый наш подданный должен по своему усмотрению решить вопрос – эвакуироваться ли ему из тех мест, где он проживает.
3. Русское правительство должно по-прежнему не облагать места поселения японских подданных налогами и не взимать какие-либо пошлины с ввоза и вывоза товаров.

4. Наше правительство назначает консула в Косуи-Котан.
5. Россия должна разрешить нашим купцам торговлю в 4 пунктах:
Анива, Владивосток, Петропавловск, Посыт.
6. Разрешить китобойные промыслы у берегов Манчжурии.
7. Россия покупает нашу недвижимость за соответствующую цену.
8. Япония приобретает русскую недвижимость на Курилах.
9. Эдзосцы, проживающие на Курильских островах и Карафuto могут по своему усмотрению решить вопрос о переселении.
10. Оставшиеся подчиняются законам того государства, к которому перешла территория⁴¹.

Таким образом, эта инструкция свидетельствует о том, что правительство Японии окончательно приняло решение об обмене Курильских островов на Сахалин⁴². При этом японскому правительству пришлось отказаться от идеи Соэдзима привлечь военную мощь России для осуществления японской экспансии в Корее.

§ 2. Остров Сахалин в русско-японских переговорах 1874 - 1875 гг.

Петербургское соглашение 25 апреля 1875 г.

В начале июня 1874 г. чрезвычайный и полномочный посланник Японии вице-адмирал Эномото Такэаки прибыл в Петербург с целью добиться от правительства России согласия обменять все Курильские острова на Сахалин, так как последнее предложение России содержало заявление об обмене Курильских островов лишь до 4 пролива на Карафuto. Эномото вручил Александру II свои верительные грамоты и заявил, что он уполномочен заключить соглашение о Сахалине. МИД ответил, что по Петербургскому соглашению 1867 г. переговоры должны вестись на Дальнем Востоке и русский поверенный К.В. Струве уже получил соответственные полномочия, но все же русское правительство

готово выслушать новые японские предложения и передать их своему представителю в Японии для заключения договора⁴³.

Петербург обоснованно предполагал, что Эномото, по приказу своего правительства будет опять затягивать переговоры, мотивируя это ожиданием очередных директив из Токио по каждому обсуждаемому вопросу. Но все же было принято решение использовать любую возможность для окончательного решения проблемы Сахалина, поэтому П.Н. Стремоухов был назначен уполномоченным на переговорах с Эномото.

10 июня 1874 г. очередные переговоры начались. Японский представитель заявил, что он глубоко признателен русскому императору за милостивый прием и питает надежду, что удастся сохранить дружественный характер русско-японских отношений, которые имеют для Японии гораздо большее значения, чем сношения с какой-либо другой страной. Однако, заметил Эномото, три случая убийства японцев на Сахалине в течение 1871-1873 гг. расцениваются японским народом как признак недружелюбия России: японские рыбопромышленники высказывают опасения, что им не удастся воспользоваться предоставленными привилегиями, так как столкновения с ссыльными и каторжными принудят их покинуть Южный Сахалин сразу же после перехода его в руки России. Японское правительство питает подозрение, что Россия создала на Сахалине колонии специально с целью выжить японцев с острова. Затем Эномото спросил о результатах расследования русским правительством указанных преступлений, подчеркнув, что принятие мер к их прекращению ускорит соглашение по Сахалину. П.Н. Стремоухов обещал ему, навести справки о расследовании, заметив, что эти случаи еще раз подчеркивают необходимость окончательно разрешить спор о Сахалине⁴⁴.

Эномото настоял на отсрочке переговоров до окончания расследования. 2 июля 1874 г. К.В. Струве телеграфировал П.Н. Стремоухову: «Террасима, ссылаясь на телеграмму Эномото, просит отложить переговоры

о Сахалине до получения письменного сообщения. Я согласился в силу вашей телеграммы»⁴⁵.

МИД обратил внимание Морского министерства и властей Восточной Сибири на необходимость безотлагательно провести расследование и наказать виновных на месте, дабы рассеять подозрение Японии относительно безнаказанности русских преступников и намерении России выжить японцев с Сахалина, что будет содействовать мирному разрешению территориального вопроса.

Однако только 2 ноября 1874 г. состоялось новое заседание, которое Эномото пытался целиком посвятить обсуждению инцидентов на Сахалине. Потерпев неудачу, он стал доказывать, что для упрочения дружественного характера русско-японских отношений следует установить естественную границу на Сахалине по проливу Мамия (Татарский), другими словами – передать остров в руки Японии. П.Н. Стремоухов возразил, что естественной границей следует считать пролив Лаперуза, так как только таким путем удастся уничтожить источник конфликтов между подданными обеих стран. Эномото пригрозил, что японское правительство, в свою очередь, так же будет отправлять на Сахалин солдат и преступников, так как оно не может отказаться от своей территории вопреки воле народа.

П.Н. Стремоухов усомнился в том, что японский народ выступит против уступки южного Сахалина, учитывая провал колонизации острова, несмотря на затрату больших средств и возможность получить достаточную компенсацию. Эномото стал уверять, что прогресс Японии за последние годы является залогом того, что японцы сумеют колонизировать остров. Он подчеркнул, что вопрос об установлении границы имеет для Японии, в основном, политическое значение, так как речь идет о сохранении ее государственного суверенитета. П.Н. Стремоухов справедливо заметил, что Эномото не вносит новых предложений, а повторяет

аргументы своих предшественников, поэтому продолжать дальнейшие переговоры бесполезно. Таким образом, выполнив указания пункта о необходимости провести границу по 50° с.ш. возложенных на него обязательств и опасаясь, что дальнейшее настаивание может привести к срыву переговоров, Эномото поспешил заявить, что хотя в данной ему инструкции речь идет только об установлении границ на острове (как известно, вся она на самом деле была посвящена вопросу обмена территориями с Россией!), он готов под свою личную ответственность тщательно обсудить вопрос о предлагаемой Россией компенсации и доложить своему правительству. Причины, по которым Эномото скрыл данные ему полномочия, следуют на наш взгляд искать в следующем: 1. понимая, сложность своей задачи – заставить Россию уступить еще ряд островов, в добавление к предложенным, Эномото не хотел заранее извещать русское правительство о том, что вопрос о согласии на обмен территориями в Японии уже решен и его задача, как посла, лишь в урегулировании территориальной компенсации; 2. зная о несогласие многих членов правительства на уступку Сахалина, Эномото, ведя переговоры от своего имени, давал возможность своему правительству отменить принятое решение в любое время по ходу переговоров.

23 ноября П.Н. Стремоухов дал директиву К.В. Струве – убедить японское правительство, что существующее положение на Сахалине вредит дружеским отношениям Японии и России и, следовательно, невыгодно для обеих сторон. П.Н. Стремоухов подчеркивал, что необходимость окончательного разрешения вопроса, становится все более и более очевидной, так как русским властям трудно и почти невозможно предотвратить конфликт на Сахалине в связи с созданием пенитенциарных колоний. Он предлагал К.В. Струве склонить Японию к обмену южного Сахалина на часть Курильского архипелага, имея в виду готовность

русского правительства пойти на дальнейшие уступки в целях разрешения спорного вопроса и ликвидации повода к недоразумениям⁴⁶.

Таким образом, тактика японского уполномоченного полностью себя оправдала. 21 декабря 1874 г. состоялась новая встреча Эномото и П.Н. Стремоухова. Эномото, прежде всего, потребовал ответа на свой запрос относительно окончательного решения императора. П.Н. Стремоухов сообщил, что ему поручено вести переговоры об установлении границ по проливу Лаперуза путем обмена Южного Сахалина на Курильские острова до 4 пролива, так как император считает, что установление границ на острове не предотвратит конфликтов между русскими и японцами. П. Н. Стремоухов просил Эномото дождаться об этом своему правительству. Японский уполномоченный обещал запросить инструкцию(!). Он подчеркнул так же, что Курильские острова не являются полноценной компенсацией за южный Сахалин, так как они бедны сырьевыми ресурсами и неудобны для мореплавания, поэтому он готов под свою личную ответственность предложить два способа решения вопроса: 1. Россия должна уступить Японии в обмен на южный Сахалин остров Уруп с прилегающими островами, а так же компенсировать отказ от весьма ценных рыбных промыслов и различных строений на Сахалине путем передачи определенного количества деревянных военных судов, ненужных ей в связи с постройкой броненосцев; и 2. Россия должна отдать все Курильские острова до Камчатки. При том или ином способе обмена следует: а) сделать приблизительную оценку стоимости уступаемых и приобретаемых территорий и имущества, находящегося в государственном и частном владении; б) установить в самом удобном пункте залива Анива порто-франко для японской торговли и беспошлинного вывоза рыбы с японских промыслов⁴⁷.

31 декабря П.Н. Стремоухов передал Эномото, что русское правительство не может согласиться на уступку военных судов или всей Ку-

рильской гряды, так как пролив между Камчаткой и Паромуширом опасен для мореплавания, а 4 пролив будет неудобно использовать после перехода его в руки Японии. Но Эномото упорно отстаивал свои предложения. 24 января 1875 г. А.М. Горчаков сообщил управляющему Морским министерством Н.К. Краббе об отказе японского уполномоченного установить границу по 4 проливу, который является наиболее удобным для перехода русских судов из Охотского моря в Тихий океан. Ссылаясь на желание императора скорее разрешить вопрос о Сахалине, А.М. Горчаков запрашивал мнение морского министерства относительно уступки Японии всего Курильского архипелага⁴⁸. Управляющий морским министерством Н.К. Краббе дал положительный ответ⁴⁹.

20 февраля 1875 г. П.Н. Стремоухов приступил к обсуждению с Эномото проекта соглашения. Японский уполномоченный предложил уступить Японии весь Курильский архипелаг, а так же выплатить 74 тыс. йен за японские казенные строения на Сахалине и 19800 – за движимое имущество на острове. П.Н. Стремоухов ответил, что он уполномочен уступить все Курильские острова, кроме Парамушира, Шумшу и Аналаида, которые должны остаться русскими (тем самым сохранить за Россией 4 пролив). Он так же заметил, что необходимо подвергнуть японское имущество точной описи и оценке. Русский уполномоченный согласился с предложением Эномото, что местное население Курильских островов и Сахалина должно по своему усмотрению решить вопрос о своем месте проживания после обмена территориями, причем, заметил он, выезд их должен быть ограничен определенным сроком. П.Н. Стремоухов так же принял предложение сохранить за японцами права частной собственности на движимое и недвижимое имущество и свободу заниматься промыслами и торговлей, но они должны производиться под контролем местных властей.

П.Н. Стремоухов отклонил требования Эномото о том, чтобы японцы навсегда были освобождены на Сахалине от уплаты налогов и пошлин. Он предупредил, что местные власти будут отводить японцам участки земли и леса на основании существующих правил и не допустят самовольной порубки и захвата земель. Он так же отверг требования сохранить за японцами право свободной эксплуатации ими ресурсов Сахалина, ссылаясь на принадлежность их русскому правительству и на то, что разработка копей должна производится по законам и правилам, издаваемым в России. П.Н. Стремоухов согласился на превращение порта Корсаков в порто-франко для японских судов при условии ограничения этого определенным сроком, причем указал, что японское правительство может назначить в Корсаков консула или дипломатического агента. Он так же обещал Эномото, что порты Приморской области будут открыты для японской торговли на правах наиболее благоприятствующей нации и что японцы смогут заниматься рыболовством у берегов этой области на одинаковых основаниях с другими иностранцами⁵⁰.

МИД просил великого князя Константина и управляющего министерством финансов М.Х. Рейтерна утвердить предложения П.Н. Стремоухова, в частности об уступки Курильских островов. Великий князь лаконично ответил, что он их санкционирует⁵¹. М.Х. Рейтерн дал пространный и весьма характерный ответ: «Ввиду малой пользы, которую Россия извлекла доселе из Курильских островов, и тех затруднений, с которыми сопряжено снабжение продовольствием населения этих островов, несмотря на его малозначительность, и я, со своей стороны, признаю, что для нас гораздо выгоднее обменять эти острова на южную часть Сахалина». Выражая свое согласие с мнением великого князя Константина, М.Х. Рейтерн в то же время обращал внимание П.Н. Стремоухова на помещенную в газете «Голос» (№1875) корреспонденцию из Сан-Франциско, в которой упоминалось о наличии на Парамушире бога-

тых серебряных рудников. При этом М.Х. Рейтер заметил, что этому известию он не придает большой веры и поэтому оно не может служить препятствием к соглашению с Японией, но все же сообщает об этом на случай, если удастся отстоять Парамушир, Шумшу и Аналаид⁵².

И так, вопрос о передачи Курильских островов был согласован между министерствами. Желание Петербурга видеть в лице Японии дружественную нацию, отношения с которой не омрачались бы какими-либо конфликтами и военно-стратегическая и экономическая необходимость владеть всей территорией острова Сахалин, толкали русское правительство к максимальным уступкам. Выдержка японской стороны так же способствовала этому. Как уже отмечалось выше, обе державы при решении этого вопроса полагались, прежде всего, на время – оттягивали решение проблемы, надеясь, что обстоятельства заставят противоположную сторону пойти на компромисс. В данном случае время оказалось на стороне Японии. Правительство России, в погоне за островом не захотело заметить ценность отдаваемых островов и не считалось с трудностями дальнейшего мореплавания из-за потери 4 пролива. В отчете МИД за 1874 г., представленном императору в марте 1875 г., с удовлетворением отмечалось, что вопрос о Сахалине находится на пути окончательного разрешения⁵³.

МИД вручил Такэаки Эномото справку, в которой перечислялись 18 больших Курильских островов до Итурупа, отмечалось их географическое положение и площадь в 7128 кв. верст или 1782 морские мили. Для сопоставления указывалась площадь южного Сахалина в 1700 кв. верст или 422,8 морских миль. Таким образом, русское правительство обменивало огромную территорию Курильских островов на значительно меньшую территорию южного Сахалина. В этой справке давалось так же описание отдельных островов, изобилующих рыбой и животными, причем подчеркивалось, что бобровый промысел составляет основную часть

дохода. Отмечались места пригодные для занятий скотоводством и земледелием, для устройства пристаней. Указывалось на то, что минеральные ресурсы Курил еще не изучены, но на побережье Парамушира найдены выброшенные морским прибоем раковины с голубым жемчугом; что большинство островов не заселены и туда приезжают лишь промышленники для занятия охотой и рыболовством⁵⁴.

10 марта 1875 г. П.Н. Стремоухов передал Эномото уже согласованный проект договора. Но Эномото заявил, что не уполномочен его подписать, так как данную процедуру предполагалось совершить в Токио. Эномото обещал исполнить полномочия по телеграфу, чтобы приблизительно через 5 недель оформить заключение договора⁵⁵.

16 марта министерство телеграфировало К.В. Струве: «Состоялось предварительное соглашение с Эномото об обмене Сахалина на все Курильские острова. Он просит по телеграфу уполномочить его подписать трактат. Содействуйте скорейшему разрешению его просьбы»⁵⁶.

22 марта К.В. Струве ответил: «Терасима обещает, что на днях будет отправлено Эномото по телеграфу согласие правительства подписать трактат»⁵⁷. 29 марта К.В. Струве снова телеграфировал: «Правительство искренне желает скорейшего решения сахалинского вопроса. По уверению Ивакуры оно согласно на сделанные предложения, но ожидает выяснения некоторых маловажных подробностей; лишь бы не подпали постороннему влиянию»⁵⁸.

Действительно, у русского дипломата имелись серьезные основания опасаться иностранного вмешательства. Во время переговоров по Сахалину, в японской и иностранной печати появились статьи, направленные к срыву намечавшегося соглашения. 12 декабря 1874 г. в «Japan Weekly Mail» была помещена статья под название «Сахалин», в которой давалась историческая справка об агрессивных намерениях России в отношении Курильских островов, Сахалина и Эдзо чуть ли не со времен по-

сольства Н.П. Рязанова и набегов Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова. Автор этой статьи упрекал японцев за их упорный отказ принять разумные предложения А.П. Игнатьева об установлении естественной границы, причем намекал, что речь, якобы, шла о 48 параллели, но, ни в коем случае о проливе Лаперуза. Японцы, по его мнению, должны были учесть реальное расположение сил («даже небеса на стороне тех, кто имеет сильные батальоны») и согласиться скорее на разграничение острова по 48 параллели, чем на совместное владение, которое русские использовали для продвижения на юг. Касаясь последних переговоров, автор рекомендовал японцам не стесняться в предъявлении максимальных претензий относительно территориальной компенсации, поскольку Россия обладает обширными территориями⁵⁹.

В том же номере газеты был дан перевод статьи из японского официоза «Нити-Нити Симбун» от 2 декабря 1874 г., в которой высмеивались аргументы прежних японских уполномоченных относительно исторических прав Японии на Сахалин. Смысл этой публикации сводился к тому, что Японии следует отказаться от этого острова⁶⁰.

4 января 1875 г. английская газета «Japan Daily Herald» напечатала перевод статьи, помещенной в «Хоти Симбун» под названием «Протест против уступки Сахалина Японии». Эта газета отражала взгляды самурайства, требовавшего агрессии против России, Китая и Кореи. Яростно атакуя «Нити-Нити Симбун» «за помещение лживой статьи о необходимости передать Сахалин России», «Хоти Симбун» критиковала правительство и требовала завладеть Сахалином целиком, в котором Япония особенно заинтересована, поскольку там находятся рыболовные промыслы и проживают 2000 «собратьев» японцев. Автор возмущался тем, что правительство, проявившее решимость в борьбе за Рюкю и Формозу, относится индифферентно к судьбе айну и разрешает своему официозу печатать статьи, которые могут ввести в заблуждение общественнос-

мнение и отбить у Эномото желание отстаивать японские интересы при переговорах в Петербурге. Автор с похвалой отзывает о таких иностранных советчиках, как французский миссионер Кашен, подстрекавший японцев к отказу от разрешения Сахалинского вопроса⁶¹. Одновременно иокогамские газеты распространяли слухи о согласии японского правительства продать России южный Сахалин за 1700 йен золотом⁶². В одной из них была напечатана статья, предлагавшая создать на Сахалине независимое государство из японских и европейских колонистов, чтобы оградить Японию от агрессии России с севера. Автор указывал, что шведы и датчане являются наиболее подходящими колонистами, ибо они сумеют содействовать освоению Сахалина⁶³.

Таким образом, Петербург, беспокоясь о возможности влияния общественного мнения на политику правящего кабинета Японии, стремился быстрее заключить соглашение об обмене территориями.

7 апреля 1875 г. Эномото известил П.Н. Стремоухова о полученном по телеграфу согласии правительства заключить трактат на условиях, о которых он уже договорился с русским уполномоченным. При этом он предупредил, что он получит полномочную грамоту не ранее 20 июля 1875 года⁶⁴. Эта новая отсрочка обеспокоила МИД. П.Н. Стремоухов предложил А.М. Горчакову два способа оформления договора: 1. составить окончательную редакцию иparaфировать договор, отложив его подписание и реализацию до прибытия полномочной грамоты, но, при этом следует учесть высказанное Струве опасение, что постороннее влияние может поколебать решимость японского правительства; 2. принять официальное заявление Эномото, подтвержденное телеграммой К.В. Струве, за действительное полномочие на заключение договора; подписать трактат и сделать распоряжения о его претворении в жизнь, а после получения Эномото полномочной грамоты составить дополнительный протокол о ее надлежащем предъявлении. П.Н. Стремоухов

подчеркивал, что вице-адмирал Эномото обнаружил весьма сильное желание как можно скорее привести это дело к окончательному решению⁶⁵. 10 апреля Александр II одобрил второе предложение Стремоухова. В тот же день Стремоухов в ответной ноте Эномото указал, что русский император, движимый чувством искренней дружбы к японскому императору согласился не откладывать заключение данного договора, имея в виду, что после получения Эномото письменного полномочия будет составлен протокол подтверждающий совершение данного акта⁶⁶.

25 апреля 1875 г. А.М. Горчаков предъявил Эномото свои полномочия⁶⁷. В тот же день был подписан трактат об обмене Сахалина на Курильские острова. В преамбуле указывалось, что данный трактат заключается в целях ликвидации многочисленных затруднений, проистекающих от совместного владения Сахалином и упрочнения доброго соглашения между обеими империями.

I-ая статья гласила: Император Японии отказывается от своих прав на часть территории Сахалина в пользу императора России и граница между империями устанавливается по проливу Лаперузса.

II-ая статья: Император России уступает императору Японии взамен части Сахалина 18 Курильских островов (следует перечень). Граница устанавливается по проливу между м. Лопатки на Камчатке и о. Шумшу.

III-ая статья: Взаимная передача территориями состоится немедленно после обмена ратификациями настоящего трактата и будет произведена смешанной комиссией из представителей обеих сторон.

IV-ая статья: Движимое и недвижимое имущество подвергаются описи и оценке со стороны той же комиссии, после чего производится взаимный расчет.

V-ая статья: Русские и японцы могут вернуться в свое отчество или остаться на уступаемых территориях. За ними сохраняется право собственности на принадлежащее им имущество, свободу занятия промысла-

ми и вероисповедания на одинаковых правах с местными жителями, но они должны подчиняться законам той страны, к которой перешла территория.

VI-ая статья: Русский император, учитывая выгоды, проистекающие от уступки острова Сахалин, разрешает японским судам посещать в течение 10 лет Корсаков без уплаты торговых и таможенных пошлин и предоставляет японскому правительству право назначить консула в этот порт. Японские суда и купцы пользуются правами и преимуществами наиболее благоприятствуемых наций для торговли в портах Охотского моря и Камчатки и рыбной ловли в этих водах.

VII-ая статья: Принимая во внимание, что японское правительство телеграммой удостоверило об отправке полномочия своему представителю, не откладывать более подписание данного договора и обмен протоколами совершив после получения его японским посланником, о чем будет составлен специальный протокол.

VIII-ая статья: Трактат будет одобрен и ратифицирован императорами обеих стран в течение 6 месяцев со дня подписания⁶⁸.

Если сравнить инструкцию, данную Эномото японским правительством и текст заключенного трактата, то можно прийти к выводу, что вице-адмирал полностью выполнил возложенную на него задачу: Россия уступила по всем пунктам, единственное, что отстоял Петербург – это 10-летний срок на право беспошлинной торговли Японии, а не бесконечность его действия, как настаивал Эномото. Для Японии это был первый договор, заключенный с европейской державой, на равноправной основе, дающей ей возможность вновь поднять вопрос о пересмотре ранее заключенных торговых договоров, ущемляющих ее суверенитет.

В тот же день А.М. Горчаков и Эномото подписали декларацию в качестве дополнения к IV статье трактата. Русское правительство обязывалось уплатить Японии за 194 строения на южном Сахалине 74 тыс. йен,

за движимое имущество – 19 тыс. 814 йен (Ст. 1). Смешанная комиссия должна была проверить стоимость движимого и недвижимого имущества на уступаемых территориях, и русское правительство обязывалось не позже 6 мес. после обмена территориями вручить представителю Японии разницу в оценочных суммах имущества обеих сторон (Ст. 2). Японское правительство и русский министр-резидент в Токио заключил также дополнительную статью к V статье договора о положении и правах подданных обеих сторон, оставшихся на уступаемых территориях (Ст. 3). Декларация имела ту же силу, что и трактат⁶⁹.

25 апреля 1875 г. Александр II ратифицировал договор⁷⁰. МИД дал К.В. Струве полномочия и подробные директивы в отношении заключения дополнительной статьи. Он должен был учесть две категории жителей на уступаемых территориях: японцев и айну, которым предоставлялись разные льготы, а так же объяснить японскому правительству правила передачи территории, установленные при переходе русской североамериканской колонии в руки США и французской Лотарингии Германии⁷¹. Одновременно МИД просил соответствующие министерства назначить гражданскую и военную администрацию на Сахалине, определить уполномоченных в смешанный комитет и обеспечить их судном для объезда обмениваемых территорий, а так же предоставить японцам льготы указанные в VI статье трактата⁷².

МИД спешил окончательно оформить договор и осуществить его основные статьи, в связи с известиями о поведении иностранных представителей в Японии, о котором в мае 1875 г. телеграфировал К.В. Струве из Иокогамы: «Вчерашия газета напечатала телеграмму из Лондона, что Сахалин уступили России. Это наделало здесь много шума. Английский посланник думает, что дело еще не кончено, а решится здесь. В разговорах с Терасимой я этой мысли не допускаю, говоря, что подписанием

трактата дело завершено, а заключение дополнительной статьи назвал установлением подробностей, не могущих влиять на ратификацию»⁷³.

19 мая К.В. Струве сообщил о назначении японских представителей в смешанную комиссию и о запросе Терадзима, где они могут встретиться с русскими уполномоченными⁷⁴. Последнее сообщение было расценено управляющим министерством иностранных дел А.Г. Жомини, как свидетельство решимости японского правительства претворить трактат в жизнь, не считаясь с затруднениями, упомянутыми в предыдущей телеграмме К.В. Струве⁷⁵. А.Г. Жомини имел в виду отрицательную оценку договора иностранными резидентами в Японии. Тем более, русское правительство считало не целесообразным задерживать процедуру обмена территориями.

10 августа состоялся обмен ратификациями трактата⁷⁶. В тот же день Тэрэдзима передал К.В. Струве 3 ведомости, в которых перечислялись 228 сооружений (здания, мосты, дороги) японцев на Южном Сахалине на сумму 79 623 йены 44 сэны, вместо указанных в первой статье декларации 194 строений на сумму 74 тыс. йен. Японский уполномоченный так же сообщил, что русскому правительству уже не придется вносить в соответствии с 1 ст. декларации 19 тыс. 814 йен за японское казенное имущество, которое, по недоразумению местных властей, оказалось частью проданным, частью вывезенным⁷⁷. Петербург не счел целесообразным поднимать вопрос о нарушении японцами IV статьи договора и I статьи декларации, тем более что новые предложения давали России экономию в денежных средствах, и согласился выплатить требуемую сумму после ее уточнения смешанной комиссией⁷⁸.

14 апреля 1876 г. русское правительство выплатило Японии за недвижимое имущество на южном Сахалине 76 641 йен 91 сэн (112 тыс. 759 рублей 59 копеек), то есть почти на 3 тыс. йен меньше, чем требовали японцы до уточнения комиссией стоимости всех построек⁷⁹. Таким

образом, в вопросе о финансовой компенсации Петербург проявил больше настойчивости, чем территориальном. К сожалению, политика российского государства свелась, в данном случае, к тому, что денег в стране не хватает, а географического пространства – вполне достаточно. В тот же день Эномото в ноте директору Азиатского департамента Н.К. Гирсу заявил: «Я считаю, что все формальности, указанные в декларации, были выполнены участниками договоров, и это важное дело можно считать законченным»⁸⁰.

МИД в отчете Александру I за 1875 г. с удовлетворением отмечал благоприятное завершение многолетних переговоров о Сахалине, миролюбивый исход споров о принадлежности острова и укрепление дружественных отношений с Японией: «Сахалинский вопрос, служивший долгое время причиной недоразумений и переговоров, окончательно разрешен заключением трактата 7 мая 1875 г., в силу коего Япония уступила нам южную часть острова Сахалин взамен принадлежащих нам группы Курильских островов. Таким образом, заключает МИД, долгожданные стремления русской политики увенчались успехом. Сахалин перестал быть предметом и целью внешней политики нашей и сделался отныне одною из богатейших областей русского государства»⁸¹.

Положительную оценку договор получил и со стороны русской общественности. «Голос» с удовлетворением писал в 1875 г., что «Сахалин с нынешнего года становится исключительно русским, и, таким образом, мы, благодаря дружбе японцев, выходим из фальшивого положения, в которое нас поставили дипломаты 1855-1867 годов»⁸². Относительно обмена Сахалина на Курильские острова «Голос» замечает, что «это такое неважное обстоятельство, о котором в виду устраниния ныне всяких поводов к столкновениям двух соседних государств, можно почти не заботиться»⁸³. Подобная точка зрения доминировала в 70-80 гг. XIX в. Ведущие отечественные публицисты с удовлетворением говорили об успе-

хах российской дипломатии на переговорах с Японией. «С договором 1875 г., – писал А.Я. Максимов в «Русском вестнике», - сахалинский вопрос был, наконец, разрешен к обоюдной выгоде»⁸⁴. «Только в 1875 г. мы избавились от странной комбинации (договоры 1855, 1867 гг. – С.Е.), придуманной дипломатами, - соглашается с ним М. Венюков, теперь у нас нет никакого повода к разногласиям с Японией и мы получили залог ее постоянного желания сохранить нашу дружбу вследствие того, что предоставили японцам право ловить у сахалинских берегов рыбу»⁸⁵. «Для отстранения всякого иноземного вмешательства Россия купила спокойствие со стороны Японии передачей ей Курильских островов. Этую цену мы отстояли исключительное право на Сахалин, сделав его крайней границей и оплотом русской национальности, - Я.Н. Бутковский считал добровольный отказ России от Курильских островов – одним из благоразумнейших актов прошлого царствования»⁸⁶.

Причина практически единодушного одобрения договора 1875 г. заключается в том, что в глазах русской общественности Сахалин никогда не считался исконно русской (впрочем, как и японской) территорией⁸⁷. И так как «положительных прав на владение Сахалином не могли представить ни Япония, ни Россия»⁸⁸, то несомненным успехом отечественной дипломатии считался этот договор, явившийся результатом убеждения японской стороны, что для России эта территория имеет политически большее значение.

Однако, с переходом всех Курильских островов в руки Японии, оказались закрытыми выходы для русских судов в Тихий океан, и возникла опасность использования их в качестве военной базы для нападения на русские дальневосточные владения. То есть, военно-стратегическую задачу – оборону тихоокеанских берегов – Петербург, с приобретением Сахалина, не решил, хотя, как отмечалось выше, она была в числе основных при аргументации необходимости владеть островом целиком.

Именно на это обстоятельство обратили внимание «Московские ведомости», которые указывали, что «с отходом Курильской гряды к Японии, Охотское море не будет уже нашим внутренним морем. Какие это может иметь последствия - покажет будущее», газета выражала удивление, что «при обсуждении последствий обмена Курильских островов на южную часть Сахалина это немаловажное обстоятельство было упущено из внимания»⁸⁹.

О последствиях, какие имела Россия после уступки всей гряды Курильских островов, российское общество задумалось гораздо позднее – в конце 80-90-х гг. XIX в. Немного раньше М. Венюков начинает говорить о не равнозначности территориального обмена с Японией. «Мы не станем предугадывать, - пишет он в 1880 г., - чем еще предстоит нам поплатиться за отказ японцев от права на Сахалин, но заметим, что южная часть острова имеет не более 215 кв. миль, и, что уступленный нами архипелаг занимает гораздо больше этого пространства»⁹⁰. А.П. Чехов, соглашаясь с поздними заявлениями М. Венюкова, добавлял, что «в своей щедрости мы, кажется, хватили через край, можно было бы «из уважения», как говорят мужики, отдать японцам 5-6 Курильских островов, ближайших к Японии, а мы отдали 22 острова, которые, если верить японцам, приносят им сейчас миллион ежегодного дохода»⁹¹.

Таким образом, русская пресса и передовая общественность при обсуждении Петербургского договора первоначально не сумели оценить возможные последствия уступок, сделанные российскими дипломатами и посчитали заключение этого трактата безусловным успехом русской внешней политики. На позицию отечественной прессы в этом вопросе оказало немалое влияние мнение о том, что Сахалин не является исконно русской территорией. К тому же, общественность России стремилась к установлению тесных добрососедских отношений с Японией и надеялась, что уступка Курильских островов будет способствовать развитию

дружеских отношений между двумя странами. В отличие от Японии, Россия видела главную опасность для своих дальневосточных рубежей в действиях западных стран, а не своего ближайшего соседа. Поэтому, даже «Московские ведомости», выступившие с критикой русско-японского договора в 1877 г., в 1875 г. считали «время выбранное для начала переговоров благоприятным, а заключенный трактат достойным»⁹². На изменение позиции русской общественности в этом вопросе, повлиял, на наш взгляд, тот факт, что правительство России не сумело извлечь ожидаемых выгод от приобретения всего Сахалина в свою собственность. Именно после осознания этого момента, отечественная публицистика начинает задаваться вопросом о соразмерности цены и выгод, полученных Россией от владения всем островом. «Но мы не умели пользоваться приобретенным, и выгод из этого не имели»⁹³, - заключал М. Венюков, объясняя смену своей позиции в этом вопросе.

В отличие от общественности России, японские газеты, в основном, выступали против договора 1875 г. и критиковали правительство за «недостаточное внимание к национальной безопасности». Например, «Мел Симбун» неоднократно публиковала «предупреждения о русской угрозе», утверждая, будто «Россия захватит Хоккайдо, стоит только Японии отдать Сахалин»⁹⁴. С протестом против передачи Сахалина России выступала так же газета «Хоти Симбун». Она упрекала свое правительство в слабости и энергично нападала на находящегося в России Эномото за несостоятельную дипломатию, результатом которой явился договор об обмене Сахалина на Курилы⁹⁵. То, что японское общество восприняло Петербургский договор, прежде всего, как признак слабости своего правительства, является результатом как широко развернутой пропаганды западной прессы об агрессивных планах Петербурга на Дальнем Востоке, так и следствием борьбы внутри правительственные кругов Японии, где военная партия активно критиковала правительство за либеральную

политику уступок в отношении России и за неумение добиться установления границ на Сахалине⁹⁶.

На фоне общественной критики заключенного договора, верховное правительство в Токио, так же как и в Петербурге, оценило трактат о границе как свою явную дипломатическую победу: «Если о потере Сахалина и стоило жалеть, то мы, по крайней мере, можем утешать себя тем, что договор 1875 г. был составлен в духе полного равенства и в выражениях, вполне почетных для достоинства Японии»⁹⁷. Правительство Мэйдзи так же рассчитывало упрочить дружественные связи с Россией, в связи с его намерениями добиться поддержки Петербурга при борьбе за пересмотр трактатов, заключенных с иностранными державами и желанием привлечь военную мощь России к своим планам экспансии на континент. Таким образом, отказ Японии от южного Сахалина в пользу России объясняется не только твердой позицией правительства России, но и стремлением Японии к экспансии в южном направлении, ближайшим объектом которого являлась Корея, находившаяся формально в вассальной зависимости от Китая.

Англия и США, лишенные договором 1875 г. надежды утвердиться на Сахалине и столкнуть Японию и Россию по вопросу о границах, неприязненно отнеслись к известию о демаркации русско-японской границы. Иностранные газеты в Японии продолжали фабриковать сведения о том, что трактат носит временный характер, что он не выгоден для Японии и, что ее правительство, учитывая недовольство народа, намерено его расторгнуть. Для подтверждения своих заключений они печатали переводы статей из оппозиционных японских газет, отражавших мнение военных кругов.

Резонанс, который вызвал договор 1875 г. в мире и, прежде всего, в Японии и России, его диаметрально противоположная оценка правящих кругов и общественного мнения, свидетельствует о том, что Петербург-

ский трактат является собой пример величайшего компромисса со стороны обеих держав, которые нашли в себе возможность подавить искаженное общественным мнением представление о престиже государства (речь идет о Японии) и пойти на уступки ради заключения соглашения. Однако надо отдать должное японской дипломатии, ибо она действительно вышла из этого многолетнего спора победительницей: страна, порабощенная неравноправными договорами, которые давали основание всем государствам продолжать общаться с ней пренебрежительно, добилась от такой могущественной державы, как Россия, удовлетворения всех своих требований в обмен на остров. Но, так же необходимо отметить, что благодаря стремлению российского государства решать с Японией все конфликты мирным путем, и уважительному отношению русского правительства к законам своего соседа, японские дипломаты смогли провести свою тонкую игру. К сожалению, российская дипломатия, не сумела проявить достаточную гибкость и дальновидность в ходе этих важных переговоров и добилась своей победы большими территориальными потерями, чем могла бы, перечеркнув тем самым усилия всех своих предшественников на переговорах 1859, 1862, 1867 и 1872 -1873 гг.

* * *

Заключению Петербургского соглашения 1875 года способствовало обоюдное желание России и Японии прийти к взаимному компромиссу. Россия была заинтересована в безотлагательном решении вопроса о Сахалине, потому что стремилась ликвидировать источник конфликта с Японией и повод для вмешательства Англии и США, которые неоднократно предлагали Японии свое посредничество в обмен на открытие Сахалина и Хоккайдо для деятельности иностранцев. Японию толкали на скорейшее урегулирование этой проблемы, желание видеть Россию в числе своих активных союзников в борьбе за пересмотр неравноправных

договоров и надежда использовать сахалинский вопрос для привлечения военной и дипломатической мощи России в противостоянии с Китаем. Поэтому, несмотря на заявления иностранных представителей о том, что уступка южного Сахалина поощрит Россию к дальнейшим захватам японской территории и прямые призывы самурайства к войне не только с Китаем, но и с Россией, японское правительство решило пойти на обмен южного Сахалина, но при этом добиться максимальной территориальной уступки – получить все Курильские острова. Время для окончательного решения Сахалинского вопроса японской стороной было выбрано весьма удачно: Петербург, уставший от безрезультатных переговоров с 1859 г., был готов на любые территориальные уступки, которые привели бы к заключению договора. Неисследованные минеральные ресурсы Курил и практически полное уничтожение там пушного зверя окончательно решили судьбу этих островов, которые в глазах русского правительства значительно проигрывали в экономическом плане по сравнению с природными богатствами Сахалина. Даже угроза потери удобного выхода в Тихий океан, в связи с уступкой островов Парамушир, Шумшу и Аналаид, не стали препятствием для российской дипломатии на пути к заключению соглашения.

В результате обе державы потеряли важные для себя территории: Россия – вышеназванные три острова, Япония – южный Сахалин и с ним необходимые для себя минеральные ресурсы. Однако 1875 год все-таки решил основную проблему, осложнившую 20 лет российско-японские отношения – проблему демаркации границы. Причем решил в целом на взаимоприемлемой основе, если обе стороны подписали договор. В Петербургском соглашении, как и в Симодском трактате, не было победителей и побежденных, хотя баланс уступок, в результате поспешных действий российского правительства, явно оказался в пользу Японии. Отказавшись от своих прав на Сахалин, Япония, тем не менее, сумела

сохранить за собой на острове многие экономические привилегии. В то же время Россия не смогла отстоять на Курилах ни экономические интересы, ни обеспечить там свои стратегические задачи. Ведь существовал дипломатический прецедент, когда по договору 1855 г. за Японией были оставлены южные Курильские острова, в освоении которых активно участвовали только японцы. Однако российские дипломаты не использовали этот прецедент при заключении Петербургского договора и за Россией не были оставлены три острова (Аналаид, Шумшу и Парамушир), до которых японцы никогда не добирались и которые осваивались исключительно русскими.

Именно это обстоятельство, судя по всему, не позволяет отечественным исследователям согласиться с положительной оценкой договора. Так, Э.Я. Файнберг была вынуждена констатировать, что «русское правительство пошло на максимальные уступки», причину которых она объяснила, прежде всего «близорукостью внешней политики царизма, пожертвовавшего интересами России из опасения вызвать накануне войны на Балканах конфликт с Японией и вмешательства в него иностранных держав»⁹⁸. Подобная уступка, по мнению Э.Я. Файнберг, привела к значительному ослаблению обороноспособности Дальнего Востока⁹⁹. В тех же выражениях и с теми же оценками пишет о Петербургском договоре Л.Н. Кутаков¹⁰⁰. Отечественная историография до 90-х гг. XX в. в большинстве своем разрабатывала тезис о вынужденности для России подписания договора 1875 г. Обстоятельства, заставившие Петербург пойти на подписание этого договора назывались следующие. 1. Россия была втянута в Балканский кризис и ожидание русско-турецкой войны, заставляло Петербург торопиться с подписанием договора, дающего возможность обеспечить безопасность российских дальневосточных регионов. 2. На Россию осуществляли нажим Великобритания, Франция и США, которых устраивала колониальная неопределенность

России на Дальнем Востоке. Поэтому важнее всего было закрепить международно-правовым образом принадлежность всего Сахалина России и обезопасить его от беззастенчивой военной экспансии западноевропейских держав. 3. Япония оказывала дипломатический нажим на Россию, шантажируя ее своими близкими отношениями с представителями западных держав. 4. Военная слабость Петербурга на Дальнем Востоке не давала ему возможности вооруженным путем отстоять свои владения на дальневосточной окраине империи. 5. Делались так же ссылки на прямые просчеты царской дипломатии¹⁰¹.

Бесспорно, что все выявленные российскими исследователями причины, повлияли на решение Петербурга немедленно заключить договор 1875 г., однако, при всем учете для России этих неблагоприятных обстоятельств, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что российские власти сами намеревались оставшиеся им после 1855 г. Курилы обменять на Сахалин. И это решение стало обсуждаться еще в 60-е гг. XIX в. и было принято задолго до начала самих переговоров. Поэтому, в историко-политическом плане просто неудобно постоянно говорить о «вынужденности» России подписать договор 1875 г. и представлять Российскую империю постоянной жертвой западных интриг. Здесь, мы абсолютно солидарны с мнением О.Я. Бондаренко, который писал по этому поводу: «Естественно, что у Петербургского договора была какая-то закулисная подготовка и что он не совсем справедлив с современной точки зрения. Но, так же естественно, что справедливых колониальных договоров в мире вообще не существовало, и каждый из них являлся итогом дипломатического или силового компромисса различных держав»¹⁰².

В настоящее время современные японоведы стремятся выявить причины, побудившие Россию так легко отказаться от Курильских островов. Исследования в этом направлении привели к следующим выводам, с которыми абсолютно солидарен автор данной работы: I. Акценты дальне-

восточной политики России с 1858 г. стали смещаться в сторону Приамурья. Поэтому в 1867 г. была продана Аляска, а на следующий год прекратила свою деятельность РАК, которая занималась освоением Курильских островов. 2. Географическая удаленность Курил, которые рассматривались как ненужный придаток Камчатки. В связи с этим, их абсолютная незащищенность от военного вторжения. 3. Россия не могла в финансовом плане одновременно освоить и обеспечить безопасность и Сахалина и Курил. Материальные ресурсы Сахалина были значительно больше ресурсов Курил¹⁰³. Выявление вышеназванных причин позволило таким ученым, как К.Е. Черевко, В.В. Журавлеву, О.Я. Бондаренко, и В. Еремину иначе взглянуть на историю подписания Петербургского договора 1875 г. и согласиться с мнением российских дипломатов XIX в. о том, что этот договор «стабилизировал и укрепил на длительный период русско-японские отношения»¹⁰⁴. Являясь фактически правопреемником Симодского, он унаследовал его лучшие дипломатические черты и уточнил статус Курил и Сахалина во всем мире¹⁰⁵.

Заключение.

Во второй половине XIX в. внешнеполитический курс России формировался в новой международной обстановке. Это был период стремительного размаха колониальных захватов, когда интенсивно «перекраивалась» карта мира и стало очевидным, что империалистическая политика западных держав в северо-западной части Тихого океана потребует от России расширить фронт своей внешнеполитической активности. Наряду с традиционными европейским и балканским направлениями, усиливается роль и значение среднеазиатского и дальневосточного. Значение последних стало очевидным не только в результате экспансионистских устремлений западных держав, и особенно Великобритании, но, и, вследствие быстрого развития капиталистических отношений внутри страны. Петербург в большей степени начинает учитывать потребности и интересы буржуазии, для которой актуальным представлялось расширение выхода России на мировые рынки. Одновременно на формирование внешнеполитического курса России оказывало влияние и общественное мнение. В 1852 г. стало очевидным, что настойчивость Великобритании, США и Франции в ближайшее время пробьет брешь в политике изоляции Японии. Правящие круги России были также заинтересованы в установлении дипломатических отношений с Японией. Упадок кяхтинской торговли и опасение за безопасность дальневосточных окраин империи побудили русское правительство отправить в 1852 г. посольство в Японию и Китай во главе с вице-адмиралом Е.В. Путятиным. В задачи экспедиции входили два основных момента: 1. установить дипломатические и торговые отношения с Японией и 2. договориться о территориальном разграничении в районе Сахалина и Курил. Непосредственным поводом для этого начинания стали появившиеся в 1852 г. сообщения в русской печати о предстоящей американской экспедиции в Японию под командованием М.К. Перри и К. К. Рингольда.

Миролюбивая тактика переговоров Е.В. Путятина в Японии помогла заложить основы дружественных отношений между соседними державами. В правящих кругах Японии появились сторонники заключения союза с Россией против США, так как М.К. Перри угрожал применить военную силу в случае отказа открытия японских гаваней. Такая политика России объяснялась желанием Николая I сохранить дружеские отношения с соседними государствами на Дальнем Востоке.

Внутренняя нестабильность Японии и поражение Китая в двух «опиумных» войнах, убедили сегунат в неизбежности капитуляции перед требованиями морских держав. Россия заключила договор после Англии и США – 7 февраля 1855 г. Первый русско-японский договор, заключенный Е.В. Путятиным являлся результатом добровольного согласия России и Японии юридически признать сложившуюся к середине XIX в. ситуацию на островах. Граница между Японией и Россией проходила между островами Итуруп и Уруп; остров Сахалин остался неразделенным. Подписание Симодского трактата было встречено в России и Японии с большим удовлетворением.

Однако, несмотря на успешное заключение первого русско-японского договора в 1855 г., отношение между двумя странами развивались достаточно сложно. Основной проблемой этих отношений стал вопрос о территориальной принадлежности острова Сахалин. Получив по договорам с Китаем в 1858 г. Приамурский край, в глазах русского правительства возросла стратегическая и важность Сахалина, и оно стало стремиться оформить фактические права России на остров целиком. В 1859 г., Петербург, в лице графа Н.Н. Муравьева-Амурского, возобновил переговоры с Японией по пограничной проблеме. Переоценив свое влияние на Японию и, рассчитывая получить желаемое без серьезной компенсации со своей стороны, русское правительство потерпело поражение на переговорах 1859 г.: бакуфу, заручившись поддержкой Англии

и Франции, предложило провести пограничную линию между Японией и Россией по 50° с.ш.

В результате, тактика японской дипломатии, которая ловко лавировала между интересами России и западных держав, умело извлекая из международных противоречий свою выгоду, привела к тому, что русское правительство пришло к выводу о необходимости предложить Японии территориальный обмен, который мог быть осуществим лишь за счет Курильских островов. Истощение пушных запасов Курил и неисследование их минеральных ресурсов, делали эти острова малопривлекательными в глазах русского правительства по сравнению с богатствами Сахалина, а продажа Аляски в 1867 г., окончательно решила судьбу Курил, превратив их в ненужный придаток Камчатки. Появившаяся в 1862 г. на заседаниях специального комитета по дальневосточным делам тема об обмене острова Уруп, с прилегающими островками на южный Сахалин, нашла свое воплощение на переговорах в Петербурге в 1867 г. Однако японский представитель на переговорах Коиде Ямато-но-ками заявил, что данные предложения недостаточны для подобного обмена. Итогом русско-японского диалога 1867 г. стало подписание временных правил о совместном владении островом Сахалин, которые предоставили возможность и русским и японцам организовать свою хозяйственную деятельность на всей его территории. По мнению А.М. Горчакова, данное соглашение было более выгодно, чем II-ая статья Симодского трактата, поскольку оно давало возможность продвигаться на юг и водворять там российское влияние¹. Русская общественность скептически отнеслась к заключенному соглашению, справедливо предположив, что оно лишь оттянуло решение проблемы на неопределенный срок. На страницах печати стали появляться статьи, предостерегающие о возможности увеличения конфликтных ситуаций на Сахалине, которые, в свою очередь, приведут к ухудшению русско-японских отношений.

Правительство бакуфу так же не было удовлетворено исходом миссии Коиде. Поэтому в ноябре того же 1867 г., оно разрешило не ограничивать число желающих переселиться на Сахалин, считая, как и Россия, что форсирование переселения решит проблему границы автоматически: выигрывает та сторона, которая быстрее утвердит свое влияние на местное население острова – айну и освоит в хозяйственном плане больше территории. Последствием этих решений стало обоюдное нежелание государств идти на дальнейшие шаги по урегулированию пограничной проблемы на Сахалине. Конец 60-х и начало 70-х гг. XIX в. были отмечены чрезвычайными усилиями России и Японии в колонизации острова. Однако у Японии не хватало средств на соревнование с Россией. Объективная реальность показала, что Япония в тот период была не способна закрепиться на острове, тогда как Россия методично увеличивала свое присутствие на Сахалине.

70-е гг. XIX в. стали новым этапом в истории российско-японских отношениях, когда обе стороны поняли, что политика затягивания переговоров не приведет к желаемому результату. Начало 70-х гг. XIX в. было отмечено максимальной активностью России в стремлении окончательно решить сахалинский вопрос. В 1872 г. русское правительство приняло решение уступить Японии взамен южного Сахалина все Курильские острова до 4 пролива, который необходимо было сохранить для свободного прохода российских судов в Тихий океан. Это предложение было выдвинуто поверенным в делах Е.К. Бюзовым при переговорах 1872-1873 гг. с министром иностранных дел Японии Соэдзима Танэоми. Однако, выдвинув требование военного сотрудничества против Кореи в качестве основного условия уступки южного Сахалина, Соэдзима сорвал переговоры, так как Петербург решительно отверг это предложение во избежание ухудшения отношений с Китаем и ослабления безопасности дальневосточных границ.

Пришедшая к власти в Японии в 1873 г. «мирная» партия во главе с Ивакуро, учитывала внутреннюю нестабильность, финансовый кризис и неблагоприятное международное положение страны. Ивакуро понимал, что идти на конфликт с Россией из-за Сахалина было бы неблагоразумно. Более того, он не терял надежды, что при благоприятном решении дела о Сахалине Россия поддержит Японию на международной арене. Поэтому японское правительство приняло решение пойти на обмен южного Сахалина, но при этом добиться от России права владеть всей Курильской грядой до Камчатки. В феврале 1874 г. вице-адмирал Э. Такэаки был направлен в Петербург с поручением уладить вопрос о Сахалине. В начале июня 1874 г. начались переговоры между П.Н. Стремоуховым и Э. Такэаки, итогом которых стал подписанный 23 апреля 1875 г. в Петербурге трактат об обмене Сахалина на все Курильские острова.

Русская пресса при обсуждении Петербургского договора первоначально, не сумела объективно оценить возможные последствия уступок, сделанных российскими дипломатами и посчитала заключение этого трактата безусловным успехом русской внешней политики. На позицию отечественной прессы в этом вопросе оказало немалое влияние мнение о том, что Сахалин не является исконной русской территорией. Лишь к концу века русская общественность осознала стратегическую ценность северных Курил и начала сожалеть об этой потере.

Японское правительство так же расценило заключенный договор как свою дипломатическую победу. Однако японское общество восприняло договор, прежде всего, как признак слабости своего правительства. Такая позиция являлась результатом как широко развернутой пропаганды западной прессы, которая утверждала, что это первый шаг России к захвату японских островов, так и следствием борьбы внутриправительственных кругов Японии, где военная оппозиция активно критико-

вала кабинет министров за либеральную политику уступок в отношении России и за неумение добиться установления границ на Сахалине.

С позиции сегодняшнего дня, очевидно, что Петербургский договор являлся компромиссом между Россией и Японией, где каждая из сторон поступилась частью своих прав ради того, чтобы решить, наконец-то, территориальную проблему, оставленную на будущее Симодским трактатом 1855 г. и тем самым, закрыть источник постоянных конфликтов и напряженности из-за столкновения интересов на Сахалине. Говорить о вынужденности подписания Россией данного договора, на наш взгляд, неправомерно, так как решение обменять Курильские острова на Сахалин, стало обсуждаться еще в 60-е гг. XIX в., и было принято задолго до начала самих переговоров.

Таким образом, в истории русско-японских отношений второй половины XIX в. можно выделить три крупных периода. 1. 50-е гг. XIX в. – время, настойчивого желания России установить межгосударственные отношения с Японией. 2. 60-е гг. XIX в. - период значительных усилий Японии в урегулирование пограничной проблемы с Россией; и последующей, после 1867 г., двухсторонней политики затягивания переговоров. 3. 70-е гг. XIX в. – этап, который характеризуются обоюдным желанием сторон прийти к скорейшему разрешению сахалинского вопроса.

Следует отметить, что лишь на первом этапе мнение отечественной публицистики учитывалось официальным Петербургом. В последующие годы проблема пограничного урегулирования с Японией либо не волновала русских журналистов (начало 60-х гг. XIX в.), либо их мнение не учитывалось. Степень влияния прессы на внешнюю политику России была незначительной, более того в некоторых моментах мнение публицистики и официального Петербурга были диаметрально противоположны (гражданская война в Японии, продажа Аляски).

Примечания

Введение

¹ В “северные территории” включают южную часть Большой Курильской гряды - о. Кунашир, о. Пико или о. Ловцова, о. Итуруп с прилегающими о-ми и все острова Малой Курильской гряды, о. Шикотан с прилегающими островами и Плоские острова.

² Впервые новые материалы архива МИД России были опубликованы в газете “Известия”. СМ. Саркисов К. А., Черевко К. Е Путятину было легче провести границу между Россией и Японией // Известия. - 1991. - 4 октября.(№ 237). С. 6.

³ АВПРИ. Ф. Главный архив. I-9. Оп. 8. Д.17. Ч. II. Л. 53 об. Письмо Е.В. Путятине Верховному совету от 18 ноября 1853 года; Там же. Л. 94-96. Шифрованная депеша Е.В. Путятине директору Азиатского департамента МИД Л.Г. Сенявину № 147 от 27 февраля 1854 г.; Там же. Л.113-114. Шифрованная депеша Е.В. Путятине директору Азиатского департамента МИД Л.Г. Сенявину № 175 от 21 января 1854 г.; Там же. Л.214 об.- 215. Шифрованная депеша Е.В. Путятине директору Азиатского департамента МИД Л.Г. Сенявину № 1786 от 18 июля 1855 г. Эти документы были впервые опубликованы в монографии К.Е. Черевко. См.: Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений XVII-XIX века. - М., 1999. С.189-191.

⁴ Отечественные записки. 1854. № 3. С. 15; Современник. 1854. № 5. С. 24-26.

⁵ В.Павлятенко, А.Семин. Российское японоведение // Проблемы Дальнего Востока. - 1999. № 4. С.7.

⁶ Амур. 1860. № 8. С. 113-115, № 21. С. 270, № 29. С.414-415, № 43. С. 637-638; Голос. 1863. № 47. С. 188, № 123. С. 48, № 16. С. 64, № 139. С 544, № 156. С. 611, № 155. С. 608; СПб. Ведомости. 1863. № 217; Русский инвалид 1864. № 230; Морской сборник. 1860. № 1. С. 37, № 4. С. 121, № 8 С. 146; 1861. № 6. С. 163 и др.

⁷ Голос. 1863. № 158. С. 620, 1864. № 311. С.1; Северная пчела. 1863. № 47. С. 185; Амур. 1860. № 5. С. 76-77, № 13. С. 168, №21. С. 270.

⁸ См.: Файнберг Э.Я. Вмешательство западных держав в гражданскую войну в Японии и нейтралитет России (1863-1869) // Проблемы востоковедения. - М., 1972. С. 27; Петров Д.В. Колониальная экспансия США в Японии в середине XIX в. - М., 1955; Кожевников В.В. Российско-японские отношения в XVIII - XIX вв. – Владивосток, 1997; Сенченко И.А. Из истории формирования русско-японской границы. - М., 1994.

⁹ См.: Русские ведомости. 1863. № 4. С.5; Современная летопись. 1863. № 7. С. 9-10; Северная пчела. 1863. № 318. С. 2139; Голос. 1864. № 311. С.1; 1865. № 42. С.1; № 124. С.1

¹⁰ Максимов А.Я. Наши задачи на Крайнем Востоке. Россия и Япония // Русский вестник. - 1888. № 5. С. 314-315.

¹¹ В энциклопедии Брокгауз и Эфрона указывалось, что первым открыл Курильские острова датчанин Де Брис. Позднее, говорится в энциклопедии, «северные острова были захвачены русскими, а южные - японцами». См. Брокгауз и Эфрон. Энциклопедический словарь. 4-е изд. - СПб., 1904. Т.II. С. 680. См. так же: Венюков М. Поступательное движение России в северной и восточной Азии // Русский вестник. - 1877. № 1. С. 264: «Хвостов и Давыдов объявили весь Сахалин собственностью России, хотя в то время там не было ничего русского, а, напротив, сверх туземцев, айнов и гиляков, жило несколько рыбаков – японцев». См. так же: Бутковский Я.Н. Остров Сахалин // Исторический вестник. - 1882. Т. X. С. 175: «Собственно говоря, Сахалин не принадлежал не России, не Японии, а скорее гилякам и орочам, населявшим его среднюю и южную части».

¹² Максимов А.Я. Наши задачи на Тихом океане. - СПб., 1894; Сальковский К.А. Внешняя политика России и положение иностранных держав. - СПб., 1897; Венюков М. Поземельные приобретения и уступки России за последние 30 лет. 1850-1880 // Русская мысль. - 1880. Кн. 4. Ч. XV. Земство. С 124-141; Его же. Поступательное движение России в северной и восточной Азии // Русский вестник. - 1877. № 1. С. 214-266; Бутковский Я.Н. Остров Сахалин // Исторический вестник. - 1882. Т.Х. С. 175-187; Костылев В.Я. Очерк истории Японии. - СПб., 1888.

¹³ Максимов А.Я. Наши задачи на Крайнем Востоке. Россия и Япония // Русский вестник. - 1888. № 5. С. 313.

- ¹⁴ Венюков М. Обозрение японского архипелага в современном его состоянии. - СПб., 1871. Он же. Общий обзор постепенного расширения русских пределов Азии и способов обороны их. Первый участок: остров Сахалин // Военный сборник. - 1872. № 3. Он же. Поземельные приобретения и уступки России за последние 50 лет // Русская мысль. - 1880. Кн. 4. Он же. Опыт военного обзора русских границ в Азии. - СПб., 1873.
- ¹⁵ Новаковский С. Россия и Япония. - Токио, 1918.
- ¹⁶ Бахрушин С.В. Казаки на Амуре. - Л., 1925; Окунь С.Б. Российско-американская компания. - М.-Л., 1939; Коростовец И.А. Россия на дальнем Востоке. - Пекин, 1922.
- ¹⁷ Ширман Г. Очерки по истории внешних сношений стран дальнего Востока. - М., 1924. С.68, 74-75.
- ¹⁸ Конрад Н.И. Япония. Народ и государство. - М., 1923. С. 47.
- ¹⁹ Файнберг Э.Я. Внутреннее и международное положение Японии в середине XIX в. - М., 1954. Она же. Русско-японские отношения в 1697 - 1875 г. - М., 1960. Она же. Установление русско-японских дипломатических и торговых отношений // Вопросы истории. - 1969. № 3. С. 75.
- ²⁰ Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения ... С. 4-5.
- ²¹ Там же. С. 175.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 282.
- ²⁴ Там же. С. 284.
- ²⁵ Петров Д.В. Колониальная экспансия США в Японии в середине XIX в. - М., 1955. С. 106.
- ²⁶ Международные отношения на Дальнем Востоке. 1840 - 1949. - М., 1956. С. 112.
- ²⁷ Там же. С. 139.
- ²⁸ Кутаков Л.Н. Россия и Япония. - М., 1988. Первое издание этой работы вышло в 1962 году. См.: Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. - М., 1962.
- ²⁹ Черевко К.Е. Л.Н. Кутаков. Россия и Япония: Рецензия // История СССР. - 1989. № 4. С. 173.
- ³⁰ Кутаков Л.Н. Россия и Япония. - М., 1988. С. 66-67.
- ³¹ А.Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860-1895 гг. - М., 1956.
- ³² Кутаков Л.Н. Россия и Япония. - М., 1988. С. 89.
- ³³ Там же. С. 125.
- ³⁴ Там же. С. 185. Исследователь И.А. Якобашвили, добавляет, что «подписав в 1875 г. Петербургский договор, царская Россия усугубила ошибку, допущенную в Симода». См. Якобашвили И.А. Вопросы истории в русско-японских отношениях в работах советских историков // Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. - М., 1986. С.31.
- ³⁵ Кутаков Л.Н. Вербицкий С.И. Из истории русско-японских и советско-японских отношений // Проблемы дальнего Востока. - 1981. № 3. С. 131.
- ³⁶ Саркисов К.А. Черевко К.Е. Путятину было легче провести границу между Россией и Японией // Известия. - 1991. - 4 октября (№ 237). С. 6.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Современный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией (МИД РФ, МИД Японии). - М., 1993; Курилы: острова в океане проблем. - М., 1998. С. 75-77.
- ³⁹ Огонек. 1990. № 20. С. 15-16. Схожую оценку договора 1855 года дает и руководитель Центра японских исследований Института востоковедения РАН К.А. Саркисов. См.: Знакомьтесь - Япония. - М., 1992. С. 30-31.
- ⁴⁰ Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений. XVII - XIX вв. - М., 1999. С. 4.
- ⁴¹ См.: Петров Д.В. Указ. соч. С. 107-108; Файнберг Э.Я. Указ. соч. С.175.
- ⁴² Черевко К.Е. Указ. соч. С. 192.
- ⁴³ Цит. по: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 194.
- ⁴⁴ Там же. С.189-191. АВПРИ. Ф. Главный архив. I-9. Оп. 8. Д.17. Ч. II. Л. 53 об. Письмо Е.В. Путятину Верховному совету от 18 ноября 1853 года; Там же. Л. 94-96. Шифрования депеша Е.В. Путятина директору Азиатского департамента МИД Л.Г. Сенявину № 147 от 27 февраля 1854 г.; Там же. Л.113-114. Шифрованная депеша Е.В. Путятина директору Азиат-

ского департамента МИД Л.Г. Сенявину № 175 от 21 января 1854 г.; Там же. Л.214 об.- 215. Шифрованная депеша Е.В. Путятину директору Азиатского департамента МИД Л.Г. Сенявину № 1786 от 18 июля 1855 г.; Саркисов К. А., Черевко К. Е Путятину было легче провести границу между Россией и Японией // Известия. - 1991. - 4 октября.(№ 237). С. 6. Проект дополнительной инструкции генерал-адъютанту Путятину от 24 февраля 1853 г. № 730.

⁴⁵ Полевой Б.П. Цепь ошибок. Курильская проблема: история и политика // Дальний Восток. - 1992. № 4. С. 22.

⁴⁶ Латышев И.А. Покушение на Курилы. - Южно-Сахалинск, 1992. С. 212.

⁴⁷ Известия. 1991. 4 октября. С. 6.

⁴⁸ Черевко К.Е. Указ. соч. С. 192.

⁴⁹ Плотников А. Курилы - исконно русская земля // Азия и Африка сегодня. - 1994. № 10. С. 2-8; Ткаченко Б.И. Курильская проблема: история и право // Россия и АТР. - 1995. № 4. С. 21-31; Латышев И.А. Еще раз о территориальном споре // Азия и Африка сегодня. - 1997. № 8. С. 72; Гушер Р. Бег с препятствиями // Азия и Африка сегодня. - 1998. № 11. С. 22; Андреев К.В., Черевко К.С. Выдумка и правда о «северных территориях» // Международная жизнь. - 1983. № 3; Хлестонов О.Н., Черевко С.К. Курильские страдания // Россия: Еженедельник. - 1993. - 10-16 ноября и др.

⁵⁰ Пункин С.М. СССР - Япония: можно ли при помощи права решить проблему «северных территорий»? // Советское государство и право. - 1991. № 7. С. 16.

⁵¹ См.: www.pravoslavie.ru/analit/global/Kurilny.htm.

⁵² Там же. С. 2-4.

⁵³ Там же. С.4.

⁵⁴ Там же. С.6-7

⁵⁵ Курилы: острова в океане проблем. - М., 1998.

⁵⁶ Там же. С. 77.

⁵⁷ Там же. С. 78.

⁵⁸ Там же. С. 79.

⁵⁹ Еремин В.Н. Россия – Япония. - М., 1992. С. 18.

⁶⁰ Там же. С. 18.

⁶¹ Бондаренко О.Я. Неизвестные Курилы. - М., 1992. С. 53.

⁶² Там же. С. 39.

⁶³ Там же. С. 42.

⁶⁴ Так, например, Сенченко М.А. отмечал, что Е.В. Путятин уступил на переговорах, так как японцы оказывали военное давление, а так же Е.В. Путятин опасался нападения англо-французской эскадры. «Он (Е.В. Путятин) мог не соглашаться на признание совместного владения Сахалином, так как японцы не имели твердой линии в этом вопросе: клан Сэндай высказывался за полный отказ от претензий на южный Сахалин и за признание всего Сахалина русским в интересах развития торговли с Россией». См.: Сенченко И.А. Из истории формирования русско-японской границы. - М., 1994. С. 42-43.

⁶⁵ Бондаренко О.Я. Указ. соч. Примечания.

⁶⁶ Там же. С. 52-53.

⁶⁷ Балуев Б.П. Политическая реакция 80-х гг. XIX в. и русская журналистика. - М., 1971; Есин Б.И. Русская журналистика 70-80 гг. XIX в. - М., 1963; Он же. Русская дореволюционная газета 1702 - 1917 гг. - М., 1971; Внешняя политика России и общественное мнение. - М., 1988; Штейнгауз А.И. Русская прогрессивная печать о колониальной политике в Японии // Взаимоотношения России со странами Востока в середине XIX - начале XX вв. – Иркутск, 1982; Он же. Русская пресса и публицистика о революции 1868 г. и преобразованиях в Японии // Страны Востока в политике России в XIX - начале XX вв. – Иркутск, 1986.

⁶⁸ Овсянников В.И. Восток в системе ценностей общественно-политических кругов России сер. XIX в. // Овсянников В.И. Избранные историографические произведения. - М., 2000. С. 200.

⁶⁹ В настоящее время нет исследований, полностью посвященных японскому эпизоду в деятельности Н.Н. Муравьева-Амурского. Роль Н.Н. Муравьева-Амурского в этих событиях рассматривалась только в общих работах по истории международных отношений. См.: Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России конца XIX - 1917 г. - М., 1960; Хвостов. В.М. История дипломатии. - М., 1963. Т.1; Макарова Р.В. Внешняя политика России на

Дальнем Востоке второй половины XVIII - 60-е гг. XIX вв. - М., 1974 и др.; в специальных трудах, посвященных русско-японским взаимосвязям с целью в очередной раз доказать, что любая попытка России во второй половине XIX века оформить границу носила исключительно мирный характер. См.: Файнберг Э.Я. Указ. соч.; Кутаков Л.Н. Указ. соч.; Черевко К.Е. Указ. соч.; Горегляд Л.Н. Новый документ о посольстве Н.Н. Муравьева-Амурского в Японию (1859 г.) // Страны и народы Востока. - М., 1968, где автор доказывает, что у Н.Н. Муравьева был официальный повод применить военную силу против Японии (убийство матросов), но Н.Н. Муравьев этого повода не искал. Лишь О. Я.Бондаренко ссылается на события 1859 года для того, чтобы доказать агрессивность России в отношении Японии. См.: Бондаренко О.Я. Указ. соч.

⁷⁰ Мамай А.С. Амурский вопрос в дальневосточной политике России в середине XIX в. Н.Н. Муравьев-Амурский: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1997.

⁷¹ Козюра А.В. Н.Н. Муравьев-Амурский и становление дальневосточной политики России (1848 - 1860). Дисс. ... канд. истор. наук. - Иркутск, 1999.

⁷² Там же. С. 123.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Современный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией / МИД РФ МИД Японии. - М., 1993.

⁷⁵ Кожевников В.В. Российско-японские отношения в XVIII - XIX вв. - Владивосток, 1997; Сенченко И.А. Из истории формирования русско-японской границы. - М., 1994; Иванова Г.Д. Русские в Японии XIX - начале XX вв. Несколько портретов. - М., 1993.

⁷⁶ Еремин В.Н. Указ. соч.; Бондаренко О.Я. Указ. соч.

⁷⁷ Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860-1895 гг. - М., 1956; Нарочницкий А.Л. Бескровный Л.Г. К истории внешней политики России на Дальнем Востоке в XIX в. // Вопросы истории. - 1974. № 6. С. 22; Петров Д.В. Колониальная экспансия Соединенных Штатов Америки в Японии в середине XIX в. - М., 1955; Он же. Япония в мировой политике. - М., 1973; Князлина Н.С. Внешняя политика России во второй половине XIX в. - М., 1974; Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. - М., 1971. и др.

⁷⁸ Кикудзиyo Иси. Дипломатические комментарии. - М., 1942; Нагао Арига. Дипломатия // Японцы о Японии. - СПб., 1906. Харуки Вада. Северные территории и прорыв в Японо-советских отношениях // Курилы - острова в океане проблем. - М., 1998; Хироши Кимура. Курильская проблема // Там же; Накамуро Синтаро. Японцы и русские. Из истории контактов. - М., 1983; Итиро Суэцугу. Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией. - М., 2000; Тору Накагава. Северные территории Японии в международной политике // Курилы - острова в океане проблем. - М., 1998.

⁷⁹ Цит. по: Курилы - острова в океане проблем. С. 98-99.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Цит. по: Курилы - острова в океане проблем. С. 99-100.

⁸² Там же. С. 100.

⁸³ Итиро Суэцугу. Указ. соч. С. 52.

⁸⁴ Там же. С. 51, 53.

⁸⁵ Кикудзиyo Иси. Указ. соч. С. 15-16.

⁸⁶ Итиро Суэцугу. Указ. соч. С. 53; Синтаро Накамуро. Указ. соч. С. 169.

⁸⁷ Итиро Суэцугу. Указ. соч. С. 51.

⁸⁸ Синтаро Накамуро. Указ. соч. С. 177.

⁸⁹ Цит. по: Курилы - острова в океане проблем. С. 97.

⁹⁰ Там же. С. 98.

⁹¹ Нагао Арига. Дипломатия // Японцы о Японии. - СПб., 1906. С. 161. См. так же: Синтаро Накамуро. Указ. соч. С. 230.

⁹² Нагао Арига. Указ. соч. С. 152-161; Накамуро Синтаро. Указ. соч. С. 191-192, 222-228; Кикудзиyo Иси. Указ. соч. С. 20-23.

⁹³ Итиро Суэцугу. Указ. соч.

⁹⁴ Курилы - острова в океане проблем. С. 103. Таким образом, японская дипломатия стремиться добиться признания этих островов «исконной японской территорией», так как если эти острова, не являются Курильскими, то они не попадают под условия Ялтинского согла-

- шения, Потсдамской конференции или Сан-францисского мирного договора 1851 года, следовательно, подлежат возвращению Японии.
- ⁹⁵ Компас. 1992. № 165. 27 августа. С. 21.
- ⁹⁶ Курилы - острова в океане проблем. С. 101.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Там же. С. 102-103.
- ⁹⁹ Там же. С. 104.
- ¹⁰⁰ Кадзухито Того. 50 лет японской дипломатии. - СПб., 1996. С. 82.
- ¹⁰¹ Современный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией (МИД РФ, МИД Японии). - М., 1993.
- ¹⁰² Стефан Дж. Об историографии советско-японской границы // Курилы: вчера, сегодня, завтра. - М., 1994. С. 7.
- ¹⁰³ Уайт Дж. Альберт. Сибирская интервенция // Там же. С. 18.
- ¹⁰⁴ Бертон П. Русско-японская проблема: история, предпосылки, споры, разногласия, пути решения или тысяча сценариев спора на тысяче островов // Там же. С. 105-151.
- ¹⁰⁵ Бертон П. Указ. соч. С. 109.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 112-113.
- ¹⁰⁷ Stephan J. The Kuril islands: Russo-Japanese frontiers in the Pacific. – Oxford, 1974. P. 30-31.
- ¹⁰⁸ Бертон П. Указ. соч. С. 113.
- ¹⁰⁹ Stephan J. Ibid. P. 60-61.
- ¹¹⁰ Бертон П. Указ. соч. С. 114.
- ¹¹¹ Сироткин В., Тышецкий И. ССР - Япония: между прошлым и будущим // Советские новости. - 1991. - № 6165. С. 31.
- ¹¹² Бондаренко О.Я. Указ. соч. С.62.
- ¹¹³ Lensen G.A. Report from Hokkaido. The remains of Russian Culture in Nothen Japan. - Hakodate, 1954. P. 4, 146, 121-123, 196, 388-390 etc.
- ¹¹⁴ Ibid. P. 2.
- ¹¹⁵ Lensen G.A. The Russian Push toward Japan. Russo-Japanese relations. 1697-1875. - Princeton, 1959. P. 162, 253.
- ¹¹⁶ Кин Д. Японцы открывают Европу (1720-1830). - М., 1972. С.34.
- ¹¹⁷ Кин Д. Указ. соч. С. 128.
- ¹¹⁸ Там же. С. 133-134, 142.
- ¹¹⁹ Эмидон В.К. Вопрос о Сахалине в русско-японских отношениях // Курилы: вчера, сегодня, завтра. С. 18.
- ¹²⁰ Риз Д. Советский захват Курил // Там же. С. 38-104.
- ¹²¹ Там же. С. 60.
- ¹²² Источниковедение истории СССР: Учебник / Ред. Ковальченко И.Д. - М., 1981. С.384.
- ¹²³ Гrimm Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842-1925). - М., 1927; Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917. - М., 1952; МИД России. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. - СПб., 1906; Современный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией (МИД Российской Федерации - МИД Японии). - М., 1993; Курилы: острова в океане проблем. - М., 1998; Русско-японские дипломатические отношения (1850 – 1917). Кат. документов. Т. I, II. – Токио, 1997; Барсуков И.П. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. Материалы для биографии. Т. I, II. - М.. 1891; Путятин Е.В. Всеподданнейший отчет о плавании в Японию // Морской сборник. - 1856. № 10. С.30; Саркисов К. А., Черевко К. Е. Путятину было легче провести границу между Россией и Японией // Известия. - 1991. - 4 октября.
- ¹²⁴ См., например: Козюра А.В. Н.Н. Муравьев-Амурский и становление дальневосточной политики России: Дисс. ... канд. истор. наук. Иркутск, 1999. С. 123.
- ¹²⁵ Барсуков И.П. Указ. соч.
- ¹²⁶ Донесение Н.Н. Муравьева-Амурского Его Императорскому Величеству от 18 октября 1859 года // Барсуков И.П. Указ. соч. Т.II. С.276-279; Всеподданнейший отчет генерал-

адъютанта гр. Путятину о плавании отряда военных судов наших в Японию и Китай. (1852-1855 гг.) // Морской сборник. - 1856. № 10. С.15-21.

¹²⁷ Гончаров И.А. Русские в Японии в нач. 1853 и в конце 1854 гг. (Из путевых заметок). - СПб., 1856.

¹²⁸ См.: Морской сборник. 1853. № 1, 5, 6, 8-10, 12; 1854 № 3-5, 7, 8-11; 1855. № 1, 4, 6-11; 1856. № 1, 2, 6, 8, 10; 1857. № 1, 5; 1858 № 1, 3, 6-8, 12; 1860. № 1, 2, 4, 8-11; 1861. № 2, 6, 7, 10, 11; 1862. № 7, 9; 1863. № 12; 1866. № 9, 11, 12; 1869. № 1, 4, 6; 1870. № 8; 1877. № 10, 12.

¹²⁹ Струве Б. Воспоминания о Сибири. 1848-1854. - СПб., 1889.

¹³⁰ Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. 1857-1861. - М., 1994.

¹³¹ О ратификации Петербургского договора и церемонии обмена территориями на Сахалине, содержат информацию так же Ф.148. Тихоокеанский стол. 1799-1922. Оп. 487. Д. 873. Д. 1270.

¹³² История русской журналистики XVII - XIX в. - М., 1966. С. 518.

¹³³ Там же. С. 519.

¹³⁴ 15-летие газеты «Голос». - СПб., 1878. С.14

¹³⁵ Очерки по истории русской журналистики. - Л., 1950. Т. 2. С. 276.

Глава I

¹ Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений. - М., 1999. С. 174.

² Российско-Американская компания предприняла еще несколько новых попыток завязать торговые отношения с Японией: в 1836 г., 1843 г., 1844 и 1845 гг. Все эти попытки не принесли заметного результата, хотя в 1842 г. сегунат отменил указ об изгнании иностранных судов и разрешил снабжать их топливом и водой. См. подробнее: Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697 - 1875 гг. С. 114-117; Черевко К.Е. Указ. соч. С. 183-184.

³ Москвитянин. 1852. № 11. С. 100

⁴ Новаковский С.И. Япония и Россия. Ч.I. - Токио, 1918. С. 149.

⁵ Там же. С. 150.

⁶ Сгибнев А. Виды русских на Амур и на торговлю с Японией в XVII и в первой половине XIX вв. // Амур. - 1860. - 15 ноября. С. 693-694.

⁷ Цит. по: А. Сгибнев. Указ. соч. С. 694.

⁸ Цит. по: А. Сгибнев. Указ. соч. С. 694-695.

⁹ Там же. С. 695.

¹⁰ См. подробнее: Мамай А.С. Споры в русском правительстве по амурскому вопросу (1848-1854) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. - 1996. № 3. С. 3-16.

¹¹ Сгибнев А. Указ. соч. С. 695-696.

¹² Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 124.

¹³ См. подробнее: Невельский Г.И. Подвиги русских офицеров на крайнем востоке России 1849 - 1855. - М., 1947; Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. - М., 1998; Мамай А.С. Амурский вопрос в дальневосточной политике России в середине XIX в.: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1997.

¹⁴ Барсуков И. Указ. соч. Т. I. С. 11.

¹⁵ Опiumная война Англии, экспедиции США в Японию в 1832 г. - экспедиция Э. Роберта; 1846 г. - Д. Биддля. См.: Аварин В.Я. Борьба за Тихий океан. Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов. - М., 1952. С. 46.

¹⁶ Северная пчела. 1852. 19 марта. С. 256; Морской сборник. 1852. № 4. С. 56-57.

¹⁷ Lensen G.A. The Russian push towards Japan. - Princeton, 1959. P. 310.

¹⁸ Морской сборник. 1854. № 8. С. 393.

¹⁹ Северная пчела. 1852. 9 апреля. С. 512.

²⁰ Корш С.Ф. Япония и японцы // Современник. - 1852. № 11. С. 76.

²¹ Москвитянин. 1852. № 11. С. 100.

²² Морской сборник. 1852. № 8. С. 393.

²³ Петров Д.М. Колониальная экспансия Соединенных Штатов в середине XIX в. - М., 1955. С. 89. Наш вопрос о границах являлся лишь средством к побуждению Японии к переговорам о торговле. См. подробнее § 3.

- ²⁴ АВПРИ. Ф.137. Отчеты МИД России. 1830-1916. Оп 475. Д. 32. Л. 389-390.Отчет МИД за 1852 г.
- ²⁵ АВПРИ. Там же. Л. 391.
- ²⁶ АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД России 1830-1916. Оп. 475. Д. 32. Л. 391-392.
- ²⁷ Морской сборник. 1856. № 10. С. 32.
- ²⁸ Там же. С. 35; Кожевников В.В. Российско-японские отношения в XVIII - XIX вв. – Владивосток, 1997. С. 56-57.
- ²⁹ Цит. по: Кожевников В.В. Указ. соч. С. 58.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Оп. 475. Д. 32. Л. 392 - 393. См. так же: Кожевников В.В. Указ. соч. С. 57; Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 147.
- ³¹ АВПРИ. Там же.
- ³² В.В. Кожевников. Указ. соч. С. 57.
- ³³ Американская экспедиция отказалась от услуг Ф. Зибольда, видя в его действиях стремление получить наибольшую выгоду для Голландии, чем для США.
- ³⁴ АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Оп. 475. Д 32. Л. 391; Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 148.
- ³⁵ Известия. 1991. 4 октября.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Оп. 475. Д. 32. Л. 392.
- ³⁷ Известия. 1991. 4 октября.
- ³⁸ «Мысль теперь же приступить к пограничному вопросу показалась нам весьма основательной; через это можно, так сказать, заставить японцев по необходимости войти с нами в переговоры» Цит. по Сузругу И. Вехи на пути к заключению мирного договора между Россией и Японией. - М., 2000. С. 52.
- ³⁹ Известия. 1991. 4 октября; Сузругу И. Указ. соч. С. 52.
- ⁴⁰ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 149; АВПРИ. Ф. 137. Д 35. Л. 198
- ⁴¹ Кожевников В.В. Указ. соч. С. 57; Черевко К.Е. Указ. соч. С. 187.
- ⁴² Морской сборник. 1856. № 10. С. 37-38.
- ⁴³ Там же. С. 39; АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Д. 34. 1853. Л. 228.
- ⁴⁴ Новаковский С.И. Указ. соч. С. 151.
- ⁴⁵ Там же. С. 162.
- ⁴⁶ Морской сборник. 1856. № 10. С. 41.
- ⁴⁷ АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Оп. 475. Д. 34. Л. 229.
- ⁴⁸ Морской сборник. 1856. № 10. С. 45.
- ⁴⁹ Новаковский С.И. Указ. соч. С. 164.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Римский-Корсаков В.А. Случай и заметки на винтовой шхуне «Восток» // Морской сборник. - 1858. № 5. С. 50; Ленсен Дж. ошибается, считая Е.В. Путятину противником утверждения власти России в районе Амура и на Сахалине. Lensen G.A. The Russian push towards Japan. P. 306-308.
- ⁵² См. подробнее: Курилы: острова в океане проблем. С. 98-100.
- ⁵³ Цит. по: Известия. 1991. 4 октября. С. 6.
- ⁵⁴ Цит. по: Новаковский С.И. Указ. соч. С. 170.
- ⁵⁵ Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». С. 283-284.
- ⁵⁶ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 155.
- ⁵⁷ Морской сборник. 1856. № 10. С. 51.
- ⁵⁸ Там же. С. 46.
- ⁵⁹ Новаковский С.И. Указ. соч. С. 165.
- ⁶⁰ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 157-158.
- ⁶¹ Накамуро С. Японцы и русские. - М., 1983. С. 165.
- ⁶² Накамуро С. Указ. соч. С. 167; АВПРИ. Ф. 137. Д. 35. Л. 197: При этом уполномоченные объявили, что в ожидании установления торговли, русские корабли в случае надобности могут в японских портах (кроме Эдо) запасаться всем необходимым. Они так же согласились на отправку в Эдо проекта договора между Россией и Японией.
- ⁶³ Накамуро С. Указ. соч. С. 165.
- ⁶⁴ Черевко К.Е. Указ. соч. С. 189.
- ⁶⁵ Накамуро С. Указ. соч. С. 166-167.
- ⁶⁶ Там же; Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 158-159; АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Д. 35. Л.

199.

⁶⁷ АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Оп. 475. Д. 35. Л. 200: «Сей документ как бы обеспечивает на будущее время права наши в Японии и дает нам основание возобновлять когда позволит обстановка переговоры с Японией, с большею надеждой на успех».

⁶⁸ Цит. по: Морской сборник. 1855. № 3. С. 2-3.

⁶⁹ Область на островах. - М., 1998. С. 36.

⁷⁰ Международные отношения на Дальнем Востоке. - М., 1956. С. 112.

⁷¹ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 156; См. так же: Кожевников В.В. Указ. соч. С. 62; Нарочинский А.Л. Указ. соч. С. 144; Кутаков Л.Н. Указ. соч.; Макарова Р.В. Внешняя политика России на Дальнем Востоке (вторая половина XVIII - 70-е гг. XIX вв.). - М., 1982.

⁷² Морской сборник. 1856. № 10. С. 45.

⁷³ См.: Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842 - 1925). - М., 1927.

⁷⁴ Кожевников В.В. Указ. соч. С. 62.

⁷⁵ Морской сборник. 1856. № 10. С. 50; АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Д. 35. Л. 201.

⁷⁶ АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Оп. 475. Д. 34. Л. 234. «Вообще, если бы не военные обстоятельства, то по ходу переговоров нет сомнения, что оные увенчались бы полным успехом к славе и величию России». Там же. Д. 35. Л. 201.

⁷⁷ Кожевников В.В. Указ. соч. С. 62.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 722. Вел. кн. Константин Николаевич 1780 - 1917. Оп. 1. Д. 437. Л. 29.

⁷⁹ АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Оп. 475. Д. 38. 1855. Л. 258

⁸⁰ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 165.

⁸¹ Петербург оценил намерение Е.В. Путятину вести переговоры в Осака - столице духовного властителя Японии - императора, посчитав, что только благодаря этому действию «Японское правительство, дабы отвлечь внимание наше от этого пункта, поспешило отправить своих прежних уполномоченных в город Симода и пригласить туда графа Путятину для окончательных переговоров». АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Д. 38. Л. 258-259.

⁸² Накамуро С. Указ. соч. С. 169.

⁸³ Цит. по: Курилы - острова в океане проблем. С. 96-97.

⁸⁴ Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 123.

⁸⁵ Курилы - острова в океане проблем. С. 97.

⁸⁶ АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Д. 38. Л. 259: Русское правительство, узнав о крушении фрегата, немедленно согласовав действия с морским министерством, доставило Е.В. Путятину на первоначальные нужды экипажа 50 тыс. рублей серебром через посредство нидерландского правительства и его фактории в Нагасаки.

⁸⁷ Цит. по: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 190; Морской сборник. 1856. № 10. С. 55.

⁸⁸ Накамуро С. Указ. соч. С. 177.

⁸⁹ Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 126.

⁹⁰ Курилы - острова в океане проблем. С. 97.

⁹¹ АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Д. 38. Л. 260.

⁹² Накамуро С. Указ. соч. С. 173.

⁹³ Извлечения из писем морских офицеров: Зарубина, Пещурова и Болтина, находившихся на эскадре вице-адмирала Путятина // Морской сборник. - 1854. № 7. С. 325.

⁹⁴ Морской сборник. 1855. № 6. С. 152.

⁹⁵ В письме, полученном еще 18 августа 1854 г. от генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, Е.В. Путятин видел косвенную поддержку принятого им ответственного решения: «лучше оставить пограничный вопрос в неопределенном по прежнему положении», - писал Н.Н. Муравьев, - чем утверждать за нами хоть самомалейшую часть Сахалина. О неразделенности нашего владения Сахалином я получил с последним курьером весьма положительное мнение». ГАРФ. Ф. 722. Вел. кн. Константин Николаевич. 1780 - 1917. Оп. 1. Д. 437. Л. 38.

⁹⁶ Такакура С. Очерк истории Курильских островов. - Токио, 1961. С. 73-74.

⁹⁷ Курилы - острова в океане проблем. С. 97.

⁹⁸ Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842-1925). - М., 1927. С. 52.

⁹⁹ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 169.

- ¹⁰⁰ Черевко К.Е. Указ. соч. С. 190-193.
- ¹⁰¹ Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 123.
- ¹⁰² Знакомьтесь - Япония. - М., 1992. С. 30-31.
- ¹⁰³ АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Д. 38. Л. 261.
- ¹⁰⁴ Бондаренко О.Я. Указ. соч.
- ¹⁰⁵ Огонек. 1990. № 20. С. 15-16.
- ¹⁰⁶ Сборник договоров... С. 53.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 51.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 52.
- ¹⁰⁹ Сравни со Ст. 8 и Примечанием к Ст.2 Американского договора. Сборник договоров... С. 51-53.
- ¹¹⁰ Там же. С. 51.
- ¹¹¹ Там же. С. 53.
- ¹¹² Петров Д.В. Колониальная экспансия США в Японии в середине XIX в. - М., 1955. С. 101-108. Мнение Петрова Д.В. поддерживают Файнберг Э.Я. Указ. соч. С.72; Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 125; Нарочинский А.Л. Указ. соч. С. 144; Бондаренко О.Я. Указ. соч. С. 42 и др.
- ¹¹³ Московские ведомости. 1857. № 48. С. 403-404; Северная пчела. 1857. 22 апреля. С. 387-388.
- ¹¹⁴ Отечественные записки. 1857. № 5. С.2.
- ¹¹⁵ Там же; Русский вестник. 1857. № 9.
- ¹¹⁶ Северная пчела. 1857. 12 апреля. С. 365.
- ¹¹⁷ Там же. 17 апреля. С. 389.
- ¹¹⁸ Морской сборник. 1855. №11. С. 29.
- ¹¹⁹ Отечественные записки. 1854. № 3. С. 15.
- ¹²⁰ Современник. 1854. № 5. С. 24-26.
- ¹²¹ Морской сборник. 1853. № 12. С. 168-171; 1854. № 5. С. 69; № 7. С. 319-332; 1855. № 6. С. 150-159; № 3. С. 1-20.
- ¹²² Московские ведомости. 1859. 15 января. С.89; Русский вестник. 1859. № 6. С. 145.
- ¹²³ Московские ведомости. 1861. 27 января. С. 173-174; Современная летопись. 1866. № 8. С.15.
- ¹²⁴ Московские ведомости. 1859. 1 декабря. С. 20-21; Амур. 1860. 6 сентября. С. 547-548; Промышленность. 1862. Кн. 17. С. 913-916.
- ¹²⁵ Северная пчела.1859.7 июля. С.577; Морской сборник.1860. № 5. С.22-23;1861. № 2.С. 227-230.

Глава II

- ¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. - М., 1952. С. 23-43.
- ² Переписка императора Александра II с вел. кн. Константином Николаевичем. 1857 - 1861. - М., 1994. С.97.
- ³ Доклад А.М. Горчакова - Александру II. 3 сентября 1865 г. // Красный архив. - 1939. № 2. С. 108.
- ⁴ Венюков М. Второй участок: Приморский край // Военный сборник. - 1872. № 4. С. 215.
- ⁵ Буйницкий А. Исторический обзор сношений образованного мира с Японией // Морской сборник. - 1860. № 9. С. 78.
- ⁶ АВПРИ. Ф. 300. Консульство в Хакодате. Оп. 572/1. Д. 1. 1858. Л. 14-15.
- ⁷ По Симодскому соглашению 1855 г. Сахалин остался неразделенной территорией с Японией.
- ⁸ АВПРИ. Ф. 195. Посольство в Токио. 1870-1923. Оп. 529. Д. 128. 1870-1871. Л. 5-6. Копия с Высочайше утвержденной 24 - го декабря 1870 г. инструкции коменданту портов в Вост. океане. № 3735.
- ⁹ АВПРИ. Ф. 341. Собрание документальных материалов по истории РАК и русских владений в Северной Америке. 1733 - 1928. Оп. 888. Д. 389. 1853-1863.
- ¹⁰ Выписка из донесения Е.В. Путятина 13 июля 1857 г. Цит. по: Козюра А.В. Н.Н. Муравьев-Амурский и ставленник дальневосточной политики России. 1848-1860: Дисс. ... канд. истор. наук. Иркутск, 1999. С. 115-116.

- ¹¹ Накамуро С. Указ. соч. С. 191-192.
- ¹² Венюков М. Первый участок: Сахалин // Военный сборник. - 1872. № 3. С. 23; АВПРИ. Ф. 195. Посольство в Токио. 1870-1923. Оп. 529. Д. 128. 1870-1871. Л. 2. Копия с Высочайше утвержденной инструкции командиру портов в Восточном океане. № 2081 от 25.06.1870.
- ¹³ Цит. по: Козюра А.В. Указ. соч. С. 115-116.
- ¹⁴ Там же. Докладная записка полковника Буссе. 19 мая 1858 г.
- ¹⁵ Там же. С. 117.
- ¹⁶ Барсуков И. Указ. соч. Кн. 1. С. 546; ГАРФ. Ф. 722. Д. 437. Л. 22-23.
- ¹⁷ На рапорте Муравьева Н.Н. вел. кн. Константину от 11 июля 1858 г. «собственно Его Величества рукою написано: «было бы весьма желательно (выговорить для нас южную часть Сахалина – С.Е.) но боюсь, что уже поздно. См.: ГАРФ. Ф. 722. Вел. кн. Константин Николаевич. 1780 - 1917. Оп. 1. Д. 437. 27 марта 1852 - 21 июля 1859. Л. 30.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. 161. СПб. ГА. I-I. Оп. 781. Д. 168. 1858. Л. 10, 17. Инструкция консулу в Хакодате И.А. Гошкевичу.
- ¹⁹ Там же. Л. 8. МИД - Н.Н. Муравьеву. 8 февраля 1858 г.
- ²⁰ Барсуков И. Указ. соч. Кн. 1. С 547; ГАРФ. Ф. 722. Д. 437. Л. 23
- ²¹ 16 мая 1858 г. Н.Н. Муравьев заключает Айгунский договор с Китаем, по которому к России отходит Амурская область.
- ²² Барсуков И. Указ. соч. Кн. 2. С. 180-182. Александр II, прочитав рапорт Муравьева Н.Н., написал: «Справедливо»; ГАРФ. Ф. 722. Д. 437. Л. 40-41.
- ²³ АВПРИ. Ф. 161. СПб. ГА. I-I. Оп. 781. Д. 494. Л. 24, 28. Выписка из заседания Амурского комитета 3 декабря 1858 г.
- ²⁴ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 189.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 722. Вел. кн. Константин Николаевич. 1780-1917. Оп. 1. Д. 431. 2 окт. 1851 - 22 фев. 1860. Л. 15.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 431. Л. 68-69. Донесение Н.Н. Муравьева вел. кн. Константину от 10 января 1859 г.; Л. 72-73. Н.Н. Муравьев - вел. кн. Константину 2 мая 1859 г.
- ²⁸ Барсуков И. Указ. соч. Кн. 2. С. 556 - 557. Н.Н. Муравьев - М.С. Корсакову. Хакодате. 24 июня 1859 г. ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 431. Л. 70-71.
- ²⁹ Корнилов А. Известия из Японии // Морской сборник. - 1860. № 4. С. 106.
- ³⁰ Иркутские губернские ведомости. 1859. № 44. С. 3.
- ³¹ Барсуков И. Указ. соч. Кн. 2. С. 278-279. Речь Н.Н. Муравьева, сказанная японскими уполномоченными при открытии переговоров; ГАРФ. Ф. 722. Д. 434. Л. 34-35.
- ³² Арига Н. Дипломатия // Стед А. Японцы о Японии. - СПб., 1906. С. 140; ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 434. Л. 36.
- ³³ Максимов А.Я. Наши задачи на Крайнем Востоке России и Японии // Русский вестник. - 1888. № 5. С. 311-312.
- ³⁴ Там же. С. 313.
- ³⁵ Арига Н. Указ. соч. С. 140.
- ³⁶ Накамуро С. Указ. соч. С. 191.
- ³⁷ Морской сборник. 1860. № 2. С. 229. Известия из Японии.
- ³⁸ Максимов А.Я. Указ. соч. С. 312.
- ³⁹ Морской сборник. 1860. № 1. С. 37-38, 45-49; Морской сборник 1860. № 4. С. 121. Известия из Японии; 1860. № 8. С. 146-147; 1861. № 6. С. 163-164; Амур. 1860. № 5. С. 76-77; № 8. С. 113-115; № 21. С. 270; № 29. С. 415; Русская беседа. 1862. XLI. С. 706.
- ⁴⁰ Морской сборник. 1860. № 1. С. 35-38, 45-49. В результате требований Н.Н. Муравьева с поста был снят губернатор префектуры Канагава. Через 6 лет - в 1865 г. - преступник был задержан и приговорен к смерти.
- ⁴¹ Морской сборник. 1861. № 2. С. 272-273.
- ⁴² Морской сборник. 1861. № 2, 5, 10, 11; 1858. № 11; 1859. № 7; 1863. № 11; 1864. № 12; Амур. 1860. № 24, 27, 51; Иркутские губерн. ведомости. 1859. № 45; 1860. № 5, 15, 21, 23.
- ⁴³ Морской сборник. 1861. № 2, 5, 10, 11.
- ⁴⁴ Барсуков И. Указ. соч. Кн. 2. С. 279. Донесение Его Императорскому Величеству. 18 октября 1859.
- ⁴⁵ Там же. С. 276-277. Н.Н. Муравьев - А.М. Горчакову. 17 октября 1859; ГАРФ. Ф. 722.

Оп. 1. Д. 437. Л. 31-33.

⁴⁶ См. Кожевников В.В. Указ. соч. С. 71-72; Суворов В.А. Переговоры Н.Н. Муравьева в Эдо // Россия и народы Востока. Проблемы исследования и преподавания истории стран Азии и Африки. – Иркутск, 1993. С. 83-84; Козюра А.В. Указ. соч. С. 144, 123.

⁴⁷ Собственно говоря, Сахалин не принадлежал ни России, ни Японии, а скорее гилякам и орочанам. Положительных прав на владение Сахалином не могли предъявить ни Япония, ни Россия. См.: Бутковский Я.Н. Остров Сахалин // Исторический вестник. - 1882. Т. X. С. 175. Хвостов и Давыдов объявили весь Сахалин собственностью России, хотя в то время там не было ничего русского, а, напротив, сверх туземцев, айнов и гиляков, жило несколько рыбаков-японцев. См.: Венюков М. Поступательное движение России в северной и восточной Азии // Русский вестник. - 1877. № 1. С. 264. Во время плена Головнина, Россия должна была признать поступок Хвостова и Давыдова «самовольством», то есть официально отречься от прав на Сахалин. После возвращения Головнина, Сахалин, можно сказать, стал ничьим. См.: Венюков М. Первый участок: Сахалин // Военный сборник. - 1872. № 2. С. 11.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 161. СПб. ГА. I-1. Оп. 781. Д. 495. Л. 50-51.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 300. Консульство в Хакодате. Оп. 572/1. Д. 3. 1860-1861. Л. 12. Донесение Гошкевича Азиатскому департаменту от 27 августа 1860 г.; Д. 5. 1862. Л. 6. Копия с журнала заседания особого комитета. Декабрь 1861.

⁵⁰ Там же. Д. 5. 1862. Л. 6. Копия с журнала заседания особого комитета. Декабрь 1861.

⁵¹ Там же. Л. 47. Письмо Гошкевича от 8 июня 1862.

⁵² Там же. Л. 134. Ответ русскому консулу на протест о запрете айнам наниматься на работу к русским подданным от 27 июня 1862 г.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Л. 135. Письмо Корсакова - Игнатьеву от 12 июля 1862 г.

⁵⁵ АВПРИ. Ф. 300. Кон-во в Хакодате. Оп. 572/1. Д. 4. 1861. Л. 12-13. Инструкция Гошкевичу И.А. от 25 ноября 1861 г. № 610.

⁵⁶ Там же. Д. 5. Л. 6-7. Копия с журнала заседания Особого Комитета от 23 декабря 1861 г.; Ф. 150. Японский стол. 1824-1926. Оп. 493. Д. 1994. 1861. Л. 4-5.

⁵⁷ Там же. Л. 7-8.

⁵⁸ Там же. Л. 6.

⁵⁹ Морской сборник. 1862. № 9. С. 151-168.

⁶⁰ АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. 1824-1926. Оп. 493. Д. 1994. Л. 4-7. Отчет МИД за 1861.

⁶¹ АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 1994. 1861. Л. 6.

⁶² ГАРФ. Ф. 730. Игнатьев Н.П. 1823-1918. Оп. 1. Д. 509. Л. 3. Записки Н.П. Игнатьева «Японские дела»: «Если представиться возможность допустить в пользу Японии некоторые облегчения (отсрочка открытие портов - Е.С.) то разве только с тем, что бы японское правительство со своей стороны показало больше уступчивости в Сахалинском деле»; ГАРФ. Ф. 722. Вел. кн. Константин Николаевич. Оп. 1. Д. 518. 1860. Л. 2. Инструкция МИД контр-адмиралу П.В. Казакевичу: «согласие нашего правительства на 5-летнюю отсрочку открытия портов, тогда как другие европейские державы делали им несравненно большие затруднения - дают надежду, что японское правительство пересмотрит свои позиции по Сахалинскому делу».

⁶³ АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Д. 49. 1862. Л. 246-247.

⁶⁴ Вел. кн. Константин разрешил командующему русской эскадры И.Ф. Лихачеву заключить под личную ответственность частную сделку с князем о. Цусима на аренду участка земли для русской станции, так как этот остров являлся ключевым стратегическим пунктом в корейском проливе, позволяющий контролировать выход судов из Японского моря в Тихий океан. В результате, по распоряжению И.Ф. Лихачева, 1 марта 1861 г. в бухту Осаки на о. Цусима прибыл корвет «Посадник» под командованием капитан-лейтенанта Н.А. Бирюлева якобы для ремонта, что допускалось по русско-японским договорам даже в закрытых портах Японии. Под сильным национальным давлением Н.А. Бирюлева 9 августа 1861 г. князь Цусимы согласился в письменной форме сохранить русскую станцию, если этому не воспротивится японское правительство. Но оно, как и английский консул, выступило с протестом против действий русских. Александр II во избежание дипломатических осложнений с Англией, удовлетворил требование японской стороны. Ответственность за инцидент была возложена на

И.Ф. Лихачева, и на своем посту он был заменен адмиралом А.А. Поповым. Равновесие сил Англии и России в этом вопросе не позволило ни одной из них захватить этот стратегический пункт в Корейском проливе. См. подробнее: АВПРИ. Ф. 137. Д. 49; Ф. 150. Д. 1994. Л. 3; Ф. 300. Д. 4. Л. 12 - 13; См. так же: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 196-198; Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 194; Кожевников В.В. Указ. соч. С. 72-74; Нарочницкий А.Л. Указ. соч. С. 145.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 722. Вел. кн. Константин Николаевич. Оп. 1. Д. 518. 1860. Л. 2; Ф. 730. Д. 509. Л. 2; АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Д. 46. 1861. Л. 242 - 243.

⁶⁶ Максимов А.Я. Указ. соч. С. 313.

⁶⁷ Арига Н. Указ. соч. С. 140.

⁶⁸ АВПРИ. Ф. 300. Кон-во в Хакодате. Оп. 572/1. Д. 5. Л. 64-78. Протоколы переговоров с Японским представительством в августе 1862 г. Протокол 1-го заседания 4 августа 1862 г.

⁶⁹ Там же. Л. 89. Протокол 2-го заседания 9 августа 1862 г.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. Л. 80.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. Л. 94-100.

⁷⁴ Там же. Л. 103.

⁷⁵ Файнберг Э.Я. указывает, что в действительности официальная инструкция бакуфу допускала различные толкования и поэтому среди членов миссии не было единодушия и существовало мнение предложить России провести границу по 48° с.ш. См.: Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 209.

⁷⁶ АВПРИ. Там же. Л. 107-108.

⁷⁷ Там же. Л. 108-111.

⁷⁸ Там же. Л. 113.

⁷⁹ Там же. Л. 114-115.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. Л. 117-120.

⁸³ АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. 1824-1926. Оп. 493. Д. 1994. Л. 8-9.

⁸⁴ АВПРИ. Ф. 300. Кон-во в Хакодате. Оп. 572/1. Д. 5. Л. 52.

⁸⁵ С 21 по 29 августа.

⁸⁶ АВПРИ. Там же. Л. 65-66.

⁸⁷ Там же. Л. 66-67; Д. 11. 1866. Л. 13-14.

⁸⁸ АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД России. Оп. 475. 1830 - 1916. Д. 49. 1862. Л. 391-392.

⁸⁹ Там же. Л. 393.

⁹⁰ Англия было обещано открыть для торговли о. Цусиму, снизить тарифы и устроить склады в Нагасаки и Иокогама.

⁹¹ Еще в начале 1862 г. американский коммерческий агент Райне обратился к губернатору Хакодате с письмом, в котором обвинял Россию в агрессивных замыслах и добивался разрешения арендовать сахалинские копи. См.: Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 210; АВПРИ. Ф. 137. Д. 51. 1863. Л. 195.

⁹² Там же. См. так же: АВПРИ. Ф. 300. Оп. 572/1. Д. 5. Л. 7: «Японское правительство обращает особое внимание на остров Сахалин, вследствие внимания иностранных представителей в Эдо. Губернатор Хакодатский говорил нашему консулу, что если бы Япония и согласилась на предложение - уступить России весь остров, то другие державы не допустят этого».

⁹³ Бутковский Я.Н. Остров Сахалин // Исторический вестник. - 1882. Т. X. С. 176-177.

⁹⁴ Арига Н. Указ. соч. С. 140..

⁹⁵ В этот период проблема острова была поднята единожды в журнале «Морской сборник», где Е.В. Березин обращает внимание общественности на отсутствие компаний по разработкам сахалинского угля. См.: Морской сборник. 1861. № 1. С. 157.

⁹⁶ Сен Катаяма. Современная Япония. - М., 1926. С. 17.

⁹⁷ Сен Катаяма. Указ. соч. С. 17.

⁹⁸ «Морской сборник» писал по этому поводу: «Пользуясь безвыходным положением правительства, европейцы не стеснялись запрашивать баснословные суммы за каждые зафрахтованные сутки (\$600-700)». См.: Морской сборник. 1870. № 7. С. 104.

- ⁹⁹ Черевко К.Е. Указ. соч. С. 199.
- ¹⁰⁰ Кожевников В.В. Указ. соч. С.76.
- ¹⁰¹ АВПРИ. Ф. 300. Консульство в Хакодате. Оп. 572/1. Д. 11. 1866. Л. 4. Инструкция Бюцову Е.К. № 1947. 28 мая 1865 г.
- ¹⁰² АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Д. 54. 1865. Л. 205.
- ¹⁰³ АВПРИ. Ф. 195. Посольство в Токио. 1870 - 1923. Оп. 529. Д. 128. Л. 6; ГАРФ. Ф. 730. Н.П. Игнатьев. 1823-1918. Оп. 1. Д. 509 б/д. Записки Н.П. Игнатьева «Японские дела». Л. 3.
- ¹⁰⁴ 30 апреля 1863 г. писал директору Азиатского департамента Н.П. Игнатьеву: «Неужели в это время мы отдадим им Сахалин? Это будет грешно!» Цит. по: Файнберг Э.Я. Указ. соч. С.240.
- ¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. 730. Игнатьев Н.П. 1823 - 1918. Оп. 1. Д. 479. Л. 4-7.
- ¹⁰⁶ ГАРФ. Там же. Л. 8-10.
- ¹⁰⁷ АВПРИ. Ф. 137. Отчет МИД. Д. 54. 1865. Л. 206.
- ¹⁰⁸ АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Д. 55. 1866. Л. 287.
- ¹⁰⁹ Накамуро С. Указ. соч. С. 205.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ АВПРИ. Ф. 161 СПб. ГА. I-9. Д. 1. Л. 124-125. Донесение Е.К. Бюцова П.И. Стремоухова от 11 мая 1866 г.; Цит. по: Файнберг Э.Я. Указ. соч.
- ¹¹² АВПРИ. Ф. 300 Консульству в Хакодате Оп. 572/1 Д. 11. 186. Л. 78-79. Телеграмма № 1011 от 10 августа 1866 П.Н. Стремоухов - Е.К. Бюцову; Инструкция Е.К. Бюцову от 12 августа 1866г. №2757.
- ¹¹³ АВПРИ. Ф. 300. Кон-во в Хакодате. Оп. 572/1. Д 15. 1866 - 1867. Л. 105-111. Протокол заседания от 23 января 1867 г.
- ¹¹⁴ АВПРИ. Там же. Л. 112-119. Протокол от 25 января 1867 г.
- ¹¹⁵ Там же. Л.. 120-127. Протокол от 28 января 1867 г.
- ¹¹⁶ АВПРИ. Там же. Л. 128-136. Протокол от 31 января 1867.
- ¹¹⁷ Там же. Л.137-138. Протокол от 3 февраля 1867.
- ¹¹⁸ Там же. Л.139-145. Протокол от 7-10 февраля 1867.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 146-150. Протокол от 14 февраля 1867.
- ¹²⁰ АВПРИ. Там же. Л. 151-154. Протокол от 17 февраля 1867.
- ¹²¹ Там же. Л. 155-158. Протокол от 22 февраля 1867.
- ¹²² Там же. Л. 159-161. Протокол от 28 февраля 1867.
- ¹²³ Там же. Л. 162-164. Временное соглашение о Сахалине от 18 марта 1867 г.
- ¹²⁴ АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. 1824-1926. Оп. 493. Д. 1994. Л. 13-14. Отчет МИД за 1867.
- ¹²⁵ Там же. Л 115-116. Всеподданнейшая записка Горчакова от 15 мая 1870 г.
- ¹²⁶ Накамуро С. Указ. соч. С. 207.
- ¹²⁷ АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 1994. Л. 18.
- ¹²⁸ АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Оп. 475. Д. 59. 1869. Л. 359-360.
- ¹²⁹ Русский вестник. 1888. № 5. С. 316.
- ¹³⁰ Военный сборник. 1872. № 3. С. 28.
- ¹³¹ Голос. 1867. 25 марта.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ Голос. 1867. 27 марта.
- ¹³⁴ Московские ведомости. 1867. 20 июля.
- ¹³⁵ Цит. по: Голос. 1867. 13 апреля.
- ¹³⁶ Русская мысль. 1880. № 4. С. 127.
- ¹³⁷ Новое время. 1868. № 39. С.3; Русские ведомости. 1868. № 48. С.3.
- ¹³⁸ Касаткин И.Д. Япония с точки зрения христианской миссии // Русский вестник. - 1859. № 9. С. 260-261.
- ¹³⁹ Венюков М. Очерки Японии. - СПб., 1869. С. 328.
- ¹⁴⁰ Он же. Современная Япония // Вестник Европы. - 1870. № 7. С. 262.
- ¹⁴¹ Московские ведомости. 1872. № 106; Русские ведомости. 1873. № 70; Живописное обозрение стран света. 1873. № 18, № 32; Голос. 1874. № 38.
- ¹⁴² Живописное обозрение стран света. 1873. № 17. С. 259.
- ¹⁴³ АВПРИ. Ф. Посольство в Токио. Оп. 529. Д. 25. 1874. Л. 74-75.

¹⁴⁴ Бутковский Я. Сахалин и его значение. // Морской сборник. - 1874. № 4. С. 134.

¹⁴⁵ М. Венюков предлагал провести границу на острове вдоль по хребту от мыса Елизаветы до Томори, так чтобы западная половина земли и командающая Лаперузовым проливом местность осталась за Россией. См.: Военный сборник. 1872. № 3. С. 28.

Глава III

¹ АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 1994. Л. 27-28.

² Пеликан Е. Прогрессирующая Япония. - СПб., 1895. С. 55.

³ Венюков М. Обозрение Японского архипелага в современном его состоянии. - СПб., 1871. Ч. 3. С. 78.

⁴ АВПРИ. Ф. 300. Консульство в Хакодате. Оп. 572/1. Д. 24. 1871-1872. Л. 115.

⁵ Там же. Л. 154. Докладная записка А.М. Горчакова - вел. кн. Константину от 5 января 1872 г. Вел. кн. сделал на ней пометку «Мне кажется эта мысль весьма хорошей, что скажешь ты?».

⁶ АВПРИ. Ф. 195. Посольство в Токио. 1870-1923. Оп. 529. Д. 129. 1870-1872. Л. 6-9.

⁷ Накамуро С. Указ. соч. С. 222.

⁸ Арига Н. Указ. соч. С. 152.

⁹ Накамуро С. Указ. соч. С. 223; Арига Н. Указ. соч. С. 160.

¹⁰ Накамуро С. Указ. соч. С. 223.

¹¹ Арига Н. Указ. соч. С. 152.

¹² В Японии стали активно переводить европейские книги о России, особенно посвященные петровскому периоду. Вада Х. Указ. соч. С. 76.

¹³ Тогава Ц. Взгляд японцев на Россию: точка зрения Утимура Кендзо // Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. - М., 1986. С. 105.

¹⁴ Там же. С. 106.

¹⁵ Цит. по: Кикудзиро И. Указ. соч. С. 15.

¹⁶ Русский вестник. 1888. № 5. С. 313-314.

¹⁷ Венюков М. Указ. соч. С. 78; Пеликан Е. Указ. соч. С. 55.

¹⁸ Накамуро С. Указ. соч. С. 222; Арига Н. Указ. соч. С. 153-154.

¹⁹ В 1873 г. член правительства Сайго Такомори выдвинул план военного похода в Сибирь, в связи с этим, он направил доверенное лицо в Шеньян и дал указание там изучить обороноспособность России. См.: Накамуро С. Указ. соч. С. 222.

²⁰ АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Оп. 475. Д. 62. 1871. Л. 280-282; Д. 64. 1872. Л. 306-307; Ф. 300. Консульство в Хакодате. Д. 24. Л. 8-9, 14-20. Донесение С.К. Бюцова - П.И. Стремоухову от 25 октября 1872 г. Донесение С.К. Бюцова - А.М. Горчакову от 15 января 1873 г.

²¹ АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Оп. 475. Д. 66. 1873. Л. 150-151.

²² АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. 1824-1926. Оп 493. Д. 1994. Л.32-33.

²³ АВПРИ. Там же. Л. 33.

²⁴ В дальнейшем требование разобраться с недоразумениями на Сахалине станут для японской дипломатии основным методом затягивания переговоров.

²⁵ АВПРИ. Ф. 195. Посольство в Токио. Оп. 529. Д. 130. 1870-1875. Л. 40-44. Донесение С.К. Бюцову - П.И. Стремоухову от 12, 25 сентября 1873 г.

²⁶ Цит. по: Арига Н. Указ. соч. С. 153.

²⁷ Там же. С. 154.

²⁸ Русское правительство так же считало не целесообразным отказываться ранее других стран от привилегий, приобретенных по договорам с Японией: «но впечатление, - отмечал А.М. Горчаков, - вынесенное японским посольством за кратковременное пребывание у нас, о степени величества и могущества России не могут не содействовать убеждению японского правительства в необходимости поддержания со столь сильной соседней державой миролюбивого и дружественного отношения». См.: АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Д. 66. 1873. Л. 149.

²⁹ Арига Н. Указ. соч. С. 153; Накамура С. Указ. соч. С. 222.

³⁰ Пеликан Е. Прогрессирующая Япония. - СПб., 1895. С. 130-133.

³¹ Там же.

³² АВПРИ. Ф. 195. Посольство в Токио. 1870-1923. Оп. 529. Д. 130. 1870-1875. Л. 49-51.

Донесение Бюцова - П.Н. Стремоухову от 22 октября 1873 г.

³³ АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 1994. Л. 33; Ф. 137 Отчеты МИД. Оп. 475. Д. 66. Л. 153.

³⁴ Арига Н. Указ. соч. С. 160.

³⁵ Там же.

³⁶ Курилы: вчера, сегодня, завтра. С. 31-32; Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. С. 25.

³⁷ АВПРИ. Ф. 300. Консульство в Хакодате. Оп. 572/1. Д. 11. 1866. Л. 78. Телеграмма № 1011 от 10 августа 1866 г. «МИД находит несвоевременным переговоры о Сахалине. Страйтесь отклонить намерения посольства». Л. 79. Инструкция № 2757 Е. К. Бюцову, 12 августа 1866 г.: «Было бы полезным отложить, если можно, решение Сахалинского вопроса до того времени, когда мы успеем распространить свое влияние на местных жителей острова - айну»; Д. 5. 1862. Л. 7. Копи с журнала заседания особого Комитета от 223 декабря 1861: «Консула нашего в Хакодате снабдить инструкцией, поставив ему в обязанности по прежнему уклоняться, по возможности, от сего вопроса (вопроса о Сахалине - Е.С.)».

³⁸ Вопрос о Формозе (о. Тайвань) привел к отставке Кидо, по мнению которого, завоевание Формозы было нелогичным поступком со стороны кабинета министров, воспротивившегося войне с Кореей. См.: Арига Н. Указ. соч. С. 158.

³⁹ АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Д. 1994. Л. 39-40.

⁴⁰ В тот период по военно-морской классификации Япония не было чина капитана I ранга. Впервые чин вице-адмирала был присвоен Эномото. Накамура С. Указ. соч. С. 226.

⁴¹ Накамура С. Указ. соч. С. 226; Арига Н. Указ. соч. С. 160.

⁴² Примечательно, что и в этой инструкции находится пункт, который требовал первоначально попробовать провести границу на Сахалине по 50° с.ш. Однако, на наш взгляд, его включение было лишь тактическим шагом правительства, направленным на достижение основной цели переговоров получения всей Курильской гряды. См. § 3.

⁴³ АВПРИ. Ф. 195. Посольство в Токио. 1870 - 1923. Оп. 529. Д. 130. 1870-1875. Л. 4, 9. Всеподданнейшая докладная записка МИД от 14 августа 1874; Телеграмма П.И. Стремоухова - К.В. Струве от 10 июня 1874 г.

⁴⁴ Там же. Л. 9-12. Всеподданнейшая записка В.Н. Вестмана от 14 августа 1874 г.

⁴⁵ Там же. Л. 6.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 195. Посольство в Токио. 1870-1923. Оп. 529. Д. 130. 1870-1875. Л. 15-16.

⁴⁷ Там же. Л. 17-19. Докладная записка П.Н. Стремоухова - А.М. Горчакову от 23 декабря 1874 г.

⁴⁸ Там же. Л. 20-21.

⁴⁹ Там же. Л. 22.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 195. Посольство в Токио. Д. 133. 1875. Л. 26-29. Донесение П.Н. Стремоухова - А.М. Горчакову от 24 февраля 1875 г.

⁵¹ Там же. Д. 130. Л. 34 - 35. Переписка А.М. Горчакова и вел. кн. Константина от 25 и 26 февраля 1875 г.

⁵² Там же. Л. 37-39. Переписка П.Н. Стремоухова - М.Х. Рейтерна. 2 и 4 марта 1875 г.

⁵³ Ф. 137. Отчеты МИД. Оп. 475. Д. 69. 1874. Л. 217.

⁵⁴ Ф. 195. Посольство в Токио. Д. 133. Л. 42-43.

⁵⁵ Там же. Л. 46. Всеподданнейшая записка МИД от 15 марта 1875 г.

⁵⁶ Там же. Л. 53.

⁵⁷ Там же. Л. 54.

⁵⁸ Там же. Л. 55.

⁵⁹ АВПРИ. Ф. 139. Вторая (газетная) экспедиция канцелярии МИД России. Оп. 476. 1814 - 1914. Д. 265. 1874-1875. Л. 24. Japan Weekly Mail. 1874. 12 декабря.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. Л. 25. Japan Daily Herald. 1875. 4 января.

⁶² Там же. Л. 25.

⁶³ АВПРИ. Ф. 195. Посольство в Токио. Д. 130. Л. 40-41. Донесение К.В. Струве - МИД от 13 марта 1875 г.

⁶⁴ Там же. Д. 133. Л. 60.

⁶⁵ Там же. Л. 61-62.

- ⁶⁶ Там же. Л. 63.
- ⁶⁷ Там же. Л. 67-68.
- ⁶⁸ АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. 1824 - 1926. Оп. 493. Д. 1982. Л. 11-14.
- ⁶⁹ Там же. Л. 15-16.
- ⁷⁰ Там же. Л. 19.
- ⁷¹ АВПРИ. Ф. 195. Посольство в Токио. Д. 135. 1875. Л. 6-11. Полномочные инструкции МИД - Струве К.В. 10 мая 1875 г.
- ⁷² Там же. Л. 20-25, 43. Отношение МИД к министерствам финансов, внутренних дел и морских дел от 9 и 21 мая 1875 г.
- ⁷³ Там же. Л. 94. Телеграмма Струве от 14 мая 1875 г.
- ⁷⁴ АВПРИ. Ф. 195. Посольство в Токио. 1870-1923. Оп. 529. Д. 135. 1875. Л.4.
- ⁷⁵ Там же. Л. 6. Всеподданнейшая записка А.Г. Жомини от 21 мая 1875 г.
- ⁷⁶ Там же. Д. 138. Л. 5.
- ⁷⁷ Там же. Д. 137. Л. 1-2. Нота Тэрадзима от 10 августа 1875 г. Л. 3-11. Приложение к ноте Тэрадзима 3 ведомости, которые свидетельствуют о том, что все сооружения сделаны в период 1860-1875 гг. Л. 11-12. Донесение К.В. Струве - Жомини от 2 сентября 1875 г.
- ⁷⁸ Там же. Л. 25, 31. Переписка М.Х. Рейтерна - Жомини от 1 и 13 ноября 1875 г.
- ⁷⁹ Там же. Л. 34. Расписка Эномото в получении денег от 14 апреля.
- ⁸⁰ Там же. Л. 36.
- ⁸¹ АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Оп. 475. Д. 73. 1875. Л. 262-263.
- ⁸² Голос. 1875. 18 октября.
- ⁸³ Голос. 1875. 11 ноября.
- ⁸⁴ Русский вестник. 1888 № 5. С. 317
- ⁸⁵ Русский вестник. 1877. № 1. С. 265.
- ⁸⁶ Исторический вестник. 1882. № 10. С. 182-183.
- ⁸⁷ «Хвостов и Давыдов объявили Сахалин собственностью России, - хотя, в то время там не было ничего русского» - М. Венюков. Русский вестник. 1877. № 1. С. 264.; См. так же: Военный сборник. 1872. № 3. С.11; Морской сборник 1874. № 4. С. 134.; Исторический вестник. 1882. № 10. С. 175.
- ⁸⁸ Исторический вестник. 1882. № 10. С. 175.
- ⁸⁹ Московские ведомости. 1877. 10 марта.
- ⁹⁰ Русская мысль. 1880. Кн. 4. С. 128.
- ⁹¹ Русская мысль. 1895. Кн. 1. С. 293.
- ⁹² Московские ведомости. 1875. 13 мая.
- ⁹³ Русская мысль. 1880. Кн. 4. С. 128.
- ⁹⁴ Тогава Ц. Указ. соч. С. 63.
- ⁹⁵ Накамуро С. Указ. соч. С. 229.
- ⁹⁶ Кикудзири И. Указ. соч. С. 19.
- ⁹⁷ Арига Н. Указ. соч. С. 181.
- ⁹⁸ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 282.
- ⁹⁹ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 284. Как отмечалось выше, русская общественность с одобрением отнеслась к заключению Петербургского договора, поэтому с этим выводом Файнберг Э.Я., автор согласиться не может.
- ¹⁰⁰ Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 185.
- ¹⁰¹ См.: Международные отношения на Дальнем Востоке. 1870-1945. С. 39; Кутаков Л.Н. Вербицкий С.И. Из истории русско-японских и советско-японских отношений // Проблемы Дальнего Востока. - 1981. № 3. С. 131; Леонов П. Область на островах. С. 36.
- ¹⁰² Бондаренко О.Я. Указ. соч. С. 54.
- ¹⁰³ См.: Курилы: острова в океане проблем. С. 78-79; Бондаренко О.Я. Указ. соч. С. 42-46.
- ¹⁰⁴ Черевко К.С. Указ. соч. С. 201.
- ¹⁰⁵ Бондаренко О.Я. Указ. соч. С. 51.

Заключение

¹ АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 1994. Л. 115-116.

Приложение

Государственная граница между Россией и Японией во второй половине XIX века

По Симодскому трактату 1855 года



По Санкт-Петербургскому договору 1875 года



Условные обозначения:

- острова, отошедшие России
- острова, отошедшие Японии
- территория совместного владения

Список источников и литературы

Опубликованные официальные документы:

1. Внешняя политика России XIX – начале XX вв. Документы российского МИД. Сер.1. Т. 4. М., 1965; Сер. 1. Т. 6.- М., 1962; Сер. II. Т. 3.- М., 1979.
2. Лопатин И. Приложение к отчету о действиях Сибирского отдела Императорского географического общества за 1868 г.- СПб., 1869.
3. Лопатин И. Рапорт к г. генерал-губернатору Восточной Сибири // Городской журнал. - 1870. - № 10.
4. Обзор заграничного плавания судов русского военного флота с 1850 до 1868 гг. - СПб., 1871.
5. Всеподданнейший отчет генерал-адъютанта графа Путятиной о плавании отряда военных судов наших в Японию и Китай (1852-1855гг.) // Морской сборник. - 1856. - № 10.
6. Рапорт капитана I ранга Невельского генерал-губернатору Восточной Сибири командующему войсками в оном расположении. 16 октября 1853 года по делу занятия острова Сахалин // Морской сборник. - 1899. - № 12.
7. Русская тихоокеанская эпопея: Сб. документов / Сост. Дивин В.А., Черевко К.Е., Исаенко Г.Н. - Хабаровск, 1979.
8. Русско-японские дипломатические отношения (1850-1917гг.): Каталог документов. Т.1. - Токио, 1997.
9. Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. - М., 1952.
10. Современный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. - М., 1993.

Архивные документы:

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ):

11. Ф. 161. СПб Главный архив, I-1. Оп. 781. Д. 160 - 164, 168, 494, 495, 497.
12. Ф. 150. Японский стол. 1824 – 1926. Оп. 493. Д. 1414, 1415, 1994.
13. Ф. 137. Отчеты МИД России. 1830 – 1916. Оп. 475. Д. 32, 34, 35, 38, 40 - 44, 46, 49, 51, 53 - 56, 59, 61, 62, 64, 66, 69, 73, 75.
14. Ф. 195. Посольство в Токио. 1870 – 1923. Оп. 529. Д. 25, 128 – 130, 133, 135, 137, 138.
15. Ф. 300. Консульство в Хакодате. Оп. 572/1. Д. 1 - 5, 11, 24.
16. Ф. 268. Консульство в Нагасаки. 1858 – 1925. Оп. 559. Д. 7.
17. Ф. 148. Тихоокеанский стол. 1799 – 1922. Оп. 487. Д. 873, 1270.
18. Ф. 139. 2-я (газетная) экспедиция Канцелярии МИД России. 1814 – 1914. Оп. 476. Д. 265.
19. Ф. 341. Собрание документальных материалов по истории РАК и русские владения в Сев. Америке. 1733 – 1928. Оп. 888. Д. 389.
20. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 23а.

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ):

21. Ф. 722. Вел. кн. Константин Николаевич. 1780 – 1917. Оп. 1. Д. 190, 431, 434, 437, 482, 518.
22. Ф. 730. Игнатьев Н.П. 1823 – 1918. Оп. 1. Д. 479, 509.

Мемуарная литература и дневники:

23. Барсуков И.П. Граф Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. (Материалы для биографии). Т. I - II. - М., 1891. - 670 с.
24. Гончаров И. Русские в Японии в начале 1853 и в конце 1854 гг. (из путевых заметок). - СПб., 1856. - 126 с.
25. Граф Н.Н Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. – М., 1998. - 350 с.

26. Извлечение из писем морских офицеров Зарубина, Пещурова и Болтина, находящихся в эскадре вице-адмирала Путятина в Нагасаки. 18/30 января 1854 г. // Морской сборник. - 1854. - № 12.
27. Корреспонденция с острова Сахалин // Голос. - 1873. - № 58.
28. Корсаковский пост на острове Сахалин // Голос. - 1875. - № 5.
29. Литке Ф. Фрегат “Аскольд” в Японии // Морской сборник. - 1860. - № 10.
30. Назимов К. Из воспоминаний о Японии // Морской сборник. - 1859. № 5; 1860. - № 9, 12; 1861. № 7.
31. Пещуров А. Плавание в Японское море // Морской сборник. - 1862.- № 7.
32. Римский-Корсаков В.А. Случаи и заметки на винтовой шхуне «Восток» // Морской сборник. - 1858. - № 5, 12.
33. Струве Б.В. Воспоминания о Сибири. 1848-1854. - СПб., 1889.
34. 1857-1861: Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. - М., 1994. - 420 с.

Отечественная исследовательская литература.

35. Аварин В.Н. Борьба за Тихий океан. - М., 1957. - 120 с.
36. Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Японии. - М., 1981. - 206 с.
37. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах. - Хабаровск., 1984. - 240 с.
38. Алепко А.В. Проникновение иностранного капитала в тихоокеанские промыслы России во второй половине XIX века // Международные отношения в Тихоокеанском регионе в XIX –XX вв. – Хабаровск, 1997.
39. Балуев Б.П. Политическая реакция 80-х гг. XIX века и русская журналистика. - М., 1961. - 315 с.

40. Бартошевский К.Б. Япония. Очерки из записок путешественника вокруг света. - СПб., 1868. - 103 с.
41. Берх В.Н. Сношение русских с Японией или образцы русской дипломатики. Т. XXII. - СПб., 1826. - 211 с.
42. Болгурцев Б.Н. Русский флот на Дальнем Востоке (1860-1861). - Владивосток, 1996. - 133 с.
43. Болгурцев Б.Н Стратегическая ошибка Горчакова // Гангут. - 1993. - Вып. 5.
44. Бондаренко О.Я. Неизвестные Курилы: серьезные размышления о статусе Курильских островов. – М., 1992. - 396 с.
45. Брылкин А. Письма с Сахалина // Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутское отделение. - 1864.- Кн. VII.
46. Бутковский Я. Сахалин и его значение // Морской сборник. - 1874. - № 4.
47. Бутковский Я. Остров Сахалин и его значение // Исторический вестник. - 1882. - Т.Х.
48. Буйницкий А. Исторический обзор сношений образованного мира с Японией // Морской сборник. - 1860. - № 9 - 10.
49. Венюков М. Материалы для военного обзора современных границ Азии // Военный сборник. - 1872. - № 3 - 4.
50. Венюков М. Опыт военного обзора русских границ Азии. - СПб., 1873. - 158 с.
51. Венюков М. Обозрение японского архипелага в современном его состоянии. - СПб., 1871. - 200 с.
52. Венюков М. Поземельные приобретения и уступки России за последние 50 лет // Русская мысль. - 1880. - Кн. 4.

53. Венюков М. Общий обзор постепенного расширения русских пределов Азии и способов обороны их. Первый участок: остров Сахалин // Военный сборник. - 1872. - № 3.
54. Верисоцкая Е. Идеология японского экспансионизма в Азии в кон. XIX - нач. XX вв. - М., 1990. - 337 с.
55. Взаимоотношения России с афро-азиатскими странами в XIX – нач. XX вв. - Иркутск, 1987. - 157 с.
56. Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Дальнего Востока. История и современность. Кн. 2. - М., 1997. - 307 с.
57. Взаимоотношения России со странами Востока в сер. XIX в - нач. XX вв. – Иркутск, 1982 . - 99 с.
58. Вербицкий С.И. Кутаков Л.Н. Из истории русско-японских и советско-японских отношений // Проблемы Дальнего Востока. - 1981. - № 3.
59. Витгефт В. Два слова об острове Сахалин // Кронштадский вестник. - 1872. - № 7, 17, 34.
60. Внешняя политика России и общественное мнение.- М., 1988. - 312 с.
61. Внешняя политика России на Дальнем Востоке (кон. XIX – нач. XX вв.). - М., 1993. - 55 с.
62. Восток в общественно-политической мысли России. - М., 1990. - 57 с.
63. Гельбрас В. Восточная стратегия России // Азия и Африка сегодня. - 1996. - № 6 - 7.
64. Головачев П. Россия на Дальнем Востоке. - СПб., 1904. - 216 с.
65. Горегляд В.Н. Новый документ о посольстве Н.Н. Муравьева-Амурского в Японию // Страны и народы Востока. - 1968. - Вып. VI.
66. Государственный политический быт в Японии. Япония как полицейское государство // Московские ведомости. - 1843. - № 147, 148, 150; 1844. № 3-4.
67. Гузанов В. Первый российский консул в Японии // Япония сегодня. - . 1998. - № 6.

68. Гушер И. Россия-Япония. Бег с препятствиями // Азия и Африка сегодня. - 1998. - № 11.
69. Дискуссионные проблемы японской историографии.- М., 1991.-170 с.
70. Дюмолар. Япония в политических, экономических и социальных отношениях. - СПб., 1904. - 323 с.
71. Еремин В.Н. Россия-Япония территориальная проблема: поиск решения. - М., 1992. - 189 с.
72. Есин Б.И. Русская журналистика 70-х – 80-х гг. XIX в. - М., 1963. - 317 с.
73. Есин Б.И. Русская дореволюционная газета 1702 - 1917 гг. - М., 1971. - 88 с.
74. Есин Б.И. История русской журналистики XIX в. - М., 1989. - 238 с.
75. Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. - М., 1971. - 300 с.
76. Ефимов И.В. Граф Н.Н. Муравьев - Амурский перед судом профессора П.Н. Буцинского. Заметки и воспоминания. - СПб., 1896. - 56 с.
77. Ефимов М. Заметки на статью «Генерал-губернатор Восточной Сибири, граф Н.Н. Муравьев-Амурский». - Томск, 1897. - 120 с.
78. Ефремов Ю.К. Курильское ожерелье. - М., 1962. - 224 с.
79. Жукова Л.В. Идеологическое оформление дальневосточной политики Российской империи II пол. XIX - нач. XX вв. // Общественное сознание в кризисные и переходные эпохи. - М., 1996.
80. Жуков Ю.А. Русские и Япония. Забытые страницы из истории русских путешествий. - М., 1945. - 159 с.
81. Загорский А.В. Япония и Китай. Пути общественного развития в оценке японской историографии. - М., 1991. - 191 с.
82. Задонский Н.А. Жизнь Н.Н. Муравьева. - М., 1985. - 444 с.
83. Записки японцев о России кон. XVIII - нач. XIX вв. // Сибирский архив. - Иркутск, 1913. - № 2.

84. Иванова Г.Д. Русские в Японии XIX- нач. XX вв. - М., 1993. - 168 с.
85. Игнатьев А.В. Своеобразие российской внешней политики на рубеже XIX- XX вв. // Вопросы истории. - 1998. - № 8.
86. Иеромонах Николай. Сегуны и микадо, исторический очерк по японским источникам // Русский вестник. - 1869. - Т. 84. - № 11-12.
87. Из истории религиозных, культурных и политических взаимоотношений России и Японии в XIX - XX вв. - СПб., 1998. - 246 с.
88. Иконникова Т.Я. Очерки истории взаимоотношений России и Японии в кон. XIX в. - 1917 г. – Хабаровск, 2001. - 125 с.
89. Истомин Т.Н. Краткий очерк токунавского восстания на острове Иеско. Иокогама // Морской сборник. - 1870. - № 1.
90. История внешней политики России 2 пол. XIX в. - М., 1997. - 446 с.
91. История и нынешнее состояние японского государства // Московские ведомости. - 1847. - № 807 - 809.
92. История отечественного востоковедения. - М., 1997. - 534 с.
93. История русской журналистики XVII –XIX вв. - М., 1966. - 544 с.
94. Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток. II пол. XVII - нач. XX вв. – Хабаровск, 1973. - 192 с.
95. Киняпина Н.С. Внешняя политика России II пол. XIX века. - М., 1974. - 280 с.
96. Клименко Н.П. Колониальная политика Англии на Дальнем Востоке в сер. XIX в. - М., 1976. - 309 с.
97. Китаев В.А. Из истории общественной мысли России 2 пол. 50-х гг. - нач. 60-х гг. XIX в.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1970. - 20 с.
98. Кожевников В.В. Российско - японские взаимоотношения в XVIII – XIX вв. - Владивосток, 1997. - 111 с.
99. Конрад Н.И. Япония. Народ и государство. Исторический очерк. - Пг., 1923. - 180 с.
100. Конрад Н.И. Запад и Восток. Статьи. - М., 1966. - 519 с.

101. Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. - Пекин, 1922. - 153 с.
102. Кошкин А.А. Курилы: биография островов // Вопросы истории. - 1995. - № 1.
103. Корш Е. Япония и японцы // Современник. - 1852. - Т. 35 - 36.
104. Костылев В.Я. Очерки истории Японии. - СПб., 1888. - 205 с.
105. Курилы: вчера, сегодня, завтра. - М., 1994. - 154 с.
106. Курилы: острова в океане проблем. - М., 1998. - 519 с.
107. Кутаков Л.Н. Россия и Япония. - М., 1988. - 381 с.
108. Кюнер Н.В. Сношенья России с Дальнем Востоком на протяжении царствования Романовых. – Владивосток, 1914. - 79 с.
109. Латышев И.А. Покушение на Курилы. - Южно-Сахалинск, 1992. - 235 с.
110. Латышев И.А. Кто и как продает Россию: хроника российско-японской территориальной торговли (1991-1994). - М., 1994. - 218 с.
111. Латышев И.А. Еще раз о территориальном споре // Азия и Африка сегодня. - 1997. - № 8.
112. Латышев И.А. Япония, японцы и японоведы. - М., 2001. - 823 с.
113. Лещенко Н.Ф. К вопросу о внутренних факторах развития капитализма в Японии // Дискуссионные проблемы японской историографии. - М., 1991. - 138 с.
114. Макарова Р.В. Внешняя политика России на Дальнем Востоке II пол. XVIII- 60-е гг. XIX вв. - М., 1974. - 117 с.
115. Максимов А.Я. Наши задачи на Тихом океане. - СПб., 1894. - 120 с.
116. Максимов С.В. Япония // Морской сборник. - 1863. - № 2.
117. Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур. - СПб., 1864. - 288 с.
118. Матиль Г. Японское посольство в Соединенные штаты в 1860 г. // Русский вестник. - 1860. - Т. 29.
119. Матханова Н.П. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. – Новосибирск, 1998. - 409 с.

120. Международные отношения на Дальнем Востоке. 1840-1949 гг. - М., 1956. - 784 с.
121. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. I – II. - М., 1973. Кн. I - 324 с.; Кн. II. - 294 с.
122. Международные отношения в тихоокеанском регионе в XIX –XX вв. - Хабаровск, 1997. - 140 с.
123. Мицуль М. Очерк о Сахалине в сельскохозяйственном отношении. - СПб., 1873. - 120 с.
124. Молодяков В. Мэйдзи исин - консервативная революция // Проблемы Дальнего Востока. - 1993. - № 6.
125. Молодяков В. Образ Японии в Европе и России 2 пол. XIX - нач. XX вв. - М. - Токио, 1996. - 182 с.
126. Моргун З.Ф. Японская историография русско-японских отношений в 1898 – 1965 гг. // Японская историография отношений России с определенными странами на Дальнем Востоке. – Владивосток, 1986.
127. Мускатблит Ф. Россия и Япония на Дальнем Востоке. – Одесса, 1904. - 63 с.
128. Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860 - 1895. - М., 1956. - 899 с.
129. Нарочницкий А.Л. Бескровный Л.Г. К истории внешней политики России на Дальнем Востоке в XIX веке // Вопросы истории. - 1974. -№ 6.
130. Невельский Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849-1855. - М., 1947. - 398 с.
131. Невельский Г.И. Обзор результатов действий русских на северо-восточных пределах России и участия офицеров нашего флота в деле воссоединения Приамурского края к России // Морской сборник. - 1864. - № 6 - 8.
132. Новаковский С.И. Россия и Япония. – Токио, 1918. - 210 с.

133. Общественная и домашняя жизнь в Японии // Московские ведомости. - 1844. - № 13 - 15.
134. Овсянников В.И. Избранные историографические произведения. - М., 2000. - 340 с.
135. Овсянников В.И. Общественно-политическая мысль России о мас-совых движениях середины XIX в. и перспективах развития стран Азии: Автореф. дис. ... доктора истор. наук. М., 1991. - 37с.
136. Окунь С.Б. Очерки по истории колониальной политике царизма в Камчатском крае. - М., 1935. - 149 с.
137. Очерки новой истории Японии (1640-1917). - М., 1958. - 598 с.
138. Павлятенко В. Семин А. Российское японоведение // Проблемы Дальнего Востока. - 1999. - № 4.
139. Пеликан Е. Прогрессирующая Япония. - Спб., 1895. - 295 с.
140. Петров Д.В. Япония в мировой политике. - М., 1973. - 295 с.
141. Петров Д.В. Колониальная экспансия Соединенных Штатов Америки в Японии в сер. XIX в. - М., 1955. - 280 с.
142. Петрова О.П. Адмирал Е.В. Путятин в бухте Хэда // Советское вос-токоведение. - 1949. - № 6.
143. Петрунина Ж.В. Размежевание между Россией и Японией по терри-ториальному вопросу в новое время // Актуальные вопросы историче-ской науки. - Комсомольск-на-Амуре, 1996.
144. Плотников А. Курилы - исконно русская земля // Азия и Африка се-годня. - 1994. - № 10.
145. Подалко П.Э. Династия Романовых и Япония // Япония сегодня. - 2001. - № 9.
146. Подпалова Г.И. Русское японоведение в XVIII – нач. XX вв. // Япо-ния: Ежегодник. 1991-1992. - М., 1994.
147. Позднеев Д.М. Материалы по истории северной Японии и ее от но-шений к материкову Азии и России. Т. I. - Иокогама, 1909. - 224 с.

148. Полевой Б.П. Первооткрыватели Сахалина. – Южно-Сахалинск, 1959. - 120 с.
149. Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. - Южно-Сахалинск, 1982. - 207 с.
150. Полонский А.С. Курилы. - СПб., 1871. - 208 с.
151. Попов К.М. Япония. - М., 1964. - 639 с.
152. Преображенский А.А. О русско-японских отношениях нач. XIX века // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. - М., 1972.
153. Проблемы востоковедения. Вып. 2. - М., 1972. - 332 с.
154. Промышленность и торговля в Японии // Северная пчела. - 1862. - № 146, 149.
155. Размышления о японской истории. - М., 1996. - 116 с.
156. Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. - М., 1986. - 105 с.
157. Русская периодическая печать (1702-1894). - М., 1959. - 835 с.
158. Самойлов Н.А. Китай, Россия и Япония II пол. XIX в. в свете исторической компаративистики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. - 1995. - Вып. 4.
159. Сгибнев А. Виды русских на Амур и на торговлю с Японией в XVIII – нач. XIX вв. // Амур. - 1860. - № 35 - 36, 38, 43, 45 - 47.
160. Сгибнев А. Американская экспедиция 1854 г. // Древняя и новая Россия. - 1878. - № 11- 12.
161. Сгибнев А. Попытки русских к заведению торговых отношений с Японией (в XVIII – нач. XIX вв.) // Морской сборник. - 1869. - № 1.
162. Селищев А.С. Японская экспансия: люди и идеи. - Иркутск, 1993. - 254 с.
163. Сенченко И.А. Из истории формирования русско-японской границы. - М., 1994. - 102 с.

164. Сенченко И.А. Очерки истории Сахалина (II пол. XIX – нач. XX вв). - Южно-Сахалинск, 1957. - 135 с.
165. Сенюткин С.Б. Новая история Китая и Японии в XVIII - нач. XX вв. - Н. Новгород, 1996. - 166 с.
166. Синиченко В.В. Бюрократическая борьба вокруг дальневосточной политики России (1856-1860) // Диалог культур народов России, Сибири и стран Востока. Кн. 1. - Иркутск, 1998.
167. Сладковский М.И. Китай и Япония. - М., 1985. - 336 с.
168. Страны Востока и политика России в XIX - нач. XX вв. - Иркутск, 1986. - 138 с.
169. Суворов В.А. Переговоры Н.Н. Муравьева в Эдо // Россия и народы Востока. Проблемы исследования и преподавания истории стран Азии и Африки в ВУЗах. - Иркутск, 1993.
170. Тимченко-Рубан Г. Присоединение к русским владениям Приамурья, Сахалина и Уссурийского края // Военный сборник. - 1909. - № 7-12.
171. Ткаченко Б.И. Курильская проблема: история и право // Россия и АТР. - 1995. - № 4.
172. Торговые сношения Японии с европейцами // Московские ведомости. - 1853. - № 7.
173. Торговля с Японией // Коммерческая газета. - 1860. - № 59 - 60, 155.
174. Тумаркин П.С. Русские и японцы: актуальные проблемы межкультурной коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 13. - 1997. - № 1.
175. Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697-1875 гг. - М., 1960. - 314 с.
176. Файнберг Э.Я. Внутреннее и международное положение Японии в сер. XIX в. - М., 1954. - 110 с.
177. Файнберг Э.Я. Установление русско-японских дипломатических и торговых отношений // Вопросы истории. - 1969. - № 3.

178. Файнберг Э.Я. Вмешательство западных держав в гражданскую войну в Японии и нейтралитет России (1863 - 1869) // Проблемы востоковедения. - 1972. - Вып. 2.
179. Файнберг Э.Я Из истории установления официальных отношений между Россией и Японией // Советское востоковедение. - 1955. - № 3.
180. Хэрн Л. Душа Японии. - М., 1997. - 347 с.
181. Чемберлен. Вся Япония. - СПб., б. г. - 419 с.
182. Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений. XVIII - XIX вв. - М., 1999. - 256с.
183. Черевко К.Е. Как заселялись острова прибрежной Северо-восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. - 1978. - № 1.
184. Черевко К.Е. Новые материалы по истории русско-японских отношений // Народы Азии и Африки. - 1971. - № 1.
185. Черевко К.Е. Экономическое освоение Сахалина. История и современность // Проблемы Дальнего Востока. - 1979. - № 4.
186. Черевко К.Е. Сведения о формировании русско-японской границы требуют серьезной корректировки // Неизвестная газета. - 1993. - 3 июля.
187. Черевко К.Е. Давайте уточним // Регион. - Южно-Сахалинск, 1998. - № 26, 28, 29.
188. Черевко К.Е. Отношения между Японией и Россией // Свободный Сахалин. - 1998. - 23 июля.
189. Черевко К.Е. Андреев К.В. Выдумка и правда о «северных территориях» // Международная жизнь. - 1983. - № 3.
190. Черевко К.Е. Саркисов К.А. Путятину было легче провести границу между Россией и Японией: неизвестные ранее исторические документы о спорных островах Курильской гряды // Известия. - 1991. - 4 октября.
191. Чехов А.П. Остров Сахалин. - Хабаровск, 1981. - 365 с.

192. Штейнгауз А.И. Русская прогрессивная печать о колониальной политике в Японии // Взаимоотношения России со странами Востока в сер. XIX в - нач. XX вв. - Иркутск, 1982.
193. Штейнгауз А.И. Русская пресса и публицистика о революции 1868 г. и преобразованиях в Японии // Страны Востока и политика России в XIX в нач. XX вв. - Иркутск, 1986.
194. Ширман Г. Очерки по истории внешних сношений стран Дальнего Востока. - М, 1924. - 327 с.
195. Щетинина Е.В. Эволюция идеи экспансиизма во 2 пол. XIX в. // Проблемы Дальнего Востока. - 1984. - № 4.
196. Экспедиция коммодора М.К. Перри в Японию // Морской сборник. - 1854. - № 8.
197. Экспедиция англичан в Японию // Москвитянин. - 1855.- Кн. 2.-Ч. 1.
198. Эйдус Х.Т. История Японии с древнейших времен до наших дней. - М., 1968. - 223 с.
199. Эйдус Х.Т. Очерки новой и новейшей Японии. - М., 1955. - 336 с.
200. Якобашвили И.А. Вопросы истории русско-японских отношений в работах советских историков // Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. - М., 1986.
201. Яновский М.В. Проблема «приобретения» государственной территории в международном праве. - Ташкент, 1956. - 80 с.
202. Японская историография русско-японских и советско-японских отношений XIX- XX веков. – Владивосток, 1987. - 103 с.
203. Японская историография отношений России с сопредельными странами на Дальнем Востоке. - Владивосток, 1986. - 94 с.

Зарубежная исследовательская литература:

204. Вада Х. Представления о России в Японии: учитель, враг, собрат по страданиям / Пер. с япон. // Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. - М., 1987.

205. Кин Д. Японцы открывают Европу. 1720-1830 / Пер. с англ. - М., 1972. - 207 с.
206. Кадзухито С. И.А. Гончаров в Японии. (1853 - 1854 гг.) / Пер. с япон. // Русский язык за рубежом. - 1995. - № 2 - 3.
207. Кикудзири И. Дипломатические комментарии / Пер. с япон. - М., 1942. - 236 с.
208. Накамура С. Японцы и русские: из истории контактов / Пер. с япон. - М., 1983. - 303 с.
209. Одзима К. Установление границ на Карафуто / Пер. с япон. // Краеведческий бюллетень. - 1998. - № 2.
210. Стэд А. Японцы о Японии / Пер. с англ. - СПб., 1904. - 587 с.
211. Суэцугу И. Вехи на пути к заключению мирного договора между Россией и Японией / Пер. с япон. - М., 2000. - 246с.
212. Такакура С. Очерк истории Курильских островов / Пер. с япон. - Токио, 1961. - 248 с.
213. Такехоси. История Японии / Пер. с япон. - М, 1940. - 229 с.
214. Тогава Ц. Образ России и Японии накануне и после реставрации Мэйдзи / Пер. с япон. // Россия и АТР. - 1993. № 1.
215. Тогава Ц. Взгляд японцев на Россию: точка зрения Утимура Кендо / Пер. с япон. // Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. - М., 1986.
216. Ballard G.A. The influence of the sea on the political history of Japan. - London, 1921. - 311 p.
217. Beasley W.G. The modern history of Japan. - London, 1963. - 352 p.
218. Beasley W.G. The basis of Japanese foreign policy in the 19-th century. - London, 1955. - 26 p.
219. Borton H. Japan's modern century. From Perry to 1970. - New York, 1970. - 610 p.

220. Golder F. Russian expansion on the pacific. 1641-1850. - Cleaveland, 1914. - 176 p.
221. Hall F. Japan through American eyes. - Princeton, 1992. - 652 p.
222. Jansen M.B, Japan and its world: two centuries of change. - Princeton, 1980. - 128 p.
223. Japan in transition: from Tokugawa to Meiji. - Princeton, 1986. - 485 p.
224. Lu David J. Sources of Japanese history. - New York, 1974. - 302 p.
225. Lensen G.A. Report from Hokkaido. The remains of russion culture in northen Japan. - Hakodate, 1954. - 289 p.
226. Lensen G.A. The Russian push towards Japan. Russo-Japanese relations, 1697-1875. Princeton. - New Jersy, 1959. - 553 p.
227. Lensen G.A. Japanese diplomatic and consular officials in Russia. - Tokyo, 1968. - 230 p.
228. Pooley A.B. Japan's foreign polices. - London, 1920. - 202 p.
230. Stephan J. Sakhalin. A history. - Oxford, 1971. - 230 p.
231. Stephan J. The Kuril islands: Russo-Japonese frontiers in the Pacific. - Oxford, 1974. - 360 p.
232. Tamura K. Japan's foreign relations // Contemporary Japan. - 1967. N. 4.
234. Treat P.J. The Far East. A political and diplomatic history. - New York - London, 1928. - 549 p.
235. Yahaga Ch. Japan since Perry. - Hamden, 1966. - 723 p.

Диссертационные работы:

236. Акашев Ю.Д. Экономические проблемы Дальнего Востока и русская общественность (50-60гг.): Дисс. ... канд. истор. наук. М., 1971. - 200 с.
237. Козюра А.В. Н.Н. Муравьев-Амурский и становление дальневосточной политики России (1848-1860гг.): Дисс. ... канд. истор. наук. Иркутск, 1999. - 210 с.

238. Мамай А.С. Амурский вопрос в дальневосточной политике России в сер. XIX века: Дисс. ... канд. истор. наук. М., 1997. - 198 с.

Периодические издания:

Журналы:

- 239. Вестник Европы. - СПб., 1867- 1875.
- 240. Военный сборник. - СПб., 1858 - 1875.
- 241. Горный журнал. - СПб., 1870
- 242. Дело. - СПб., 1875 - 1876.
- 243. Исторический вестник. - СПб., 1880 - 1882.
- 244. Морской сборник. - СПб., 1853 - 1877.
- 245. Москвитянин. - М., 1854 - 1864.
- 246. Отечественные записки. - СПб., 1853 - 1875.
- 247. Русский архив. - М., 1870 - 1875.
- 248. Русский вестник. - М., 1858 - 1888.
- 249. Русская мысль. - М., 1880.
- 250. Современник. - СПб., 1852 - 1859.

Газеты:

- 251. Амур. - Иркутск, 1858 - 1867.
- 252. Голос. - СПб., 1863 - 1875
- 253. Московские ведомости. - М., 1854 - 1864.
- 254. Неделя. - СПб., 1867 - 1875.
- 255. Новое время. - СПб., 1867 - 1875.
- 256. Русский инвалид. - СПб., 1864 - 1868.
- 257. Северная пчела. - СПб., 1853 - 1864.
- 258. Современная летопись. - М., 1854 - 1867.
- 259. Ст. - Петербургские ведомости. - СПб., 1863 - 1867.